Валё Пер, Шёвалль Май

Исчезнувшая пожарная машина

I

Мужчина, лежащий в аккуратно застеленной кровати, был мертв. Перед тем как умереть, он сначала снял пиджак и галстук и повесил их на стул, стоящий у двери. Затем расшнуровал туфли, поставил под стул и сунул ноги в черные кожаные шлепанцы. Он выкурил три сигареты с фильтром и смял их в пепельнице на столике у кровати. Потом он лег в кровать, на спину, и выстрелил себе в рот.

Выглядел он не слишком опрятно.

Его ближайшим соседом был вышедший в отставку армейский капитан, которого ранили в бедро во время охоты на лосей в прошлом году. После этого несчастного случая капитан страдал бессонницей, и часто просиживал ночами, раскладывая пасьянс. Он как раз взял колоду карт, когда услышал выстрел за стеной, и сразу же вызвал полицию.

Было без двадцати четыре утра, седьмого марта, когда двое патрульных полицейских взломали дверь и вошли в квартиру, где уже тридцать две минуты в кровати лежал труп. Им не понадобилось много времени для того, чтобы установить, что мужчина почти наверняка совершил самоубийство. Перед тем как вернуться к своему автомобилю и сообщить по рации о смерти, они осмотрели квартиру, хотя, в общем-то, это не входило в их обязанности. Кроме спальни, квартира состояла из гостиной, кухни, прихожей, ванной и встроенного платяного шкафа. Ни прощального письма, ни какой-либо записки они не нашли. Лишь в блокноте, лежащем на телефонном столике в гостиной, были написаны два слова. Эти два слова составляли имя и фамилию. Имя и фамилию, которые полицейские прекрасно знали.

Мартин Бек.

Был день Святой Оттилии.

Около одиннадцати часов утра Мартин Бек вышел из здания управления полиции, пристроился в конец очереди в винный магазин на Карусельплан и купил бутылку хереса. По пути к метро он купил также дюжину красных тюльпанов и коробку английских сырных бисквитов. Одно из шести имен его матери, данных ей баптистами, было Оттилия, и он хотел поздравить ее с именинами.

Дом престарелых был большой и очень старый. Еще более старым и неудобным он был для тех, кто вынужден был здесь работать. Мать Мартина Бека переехала сюда год назад, однако вовсе не потому, что не могла себя самостоятельно обслуживать. Для своих семидесяти восьми лет она неплохо себя чувствовала и была относительно подвижной. Сделала же она это потому, что не хотела становиться обузой для своего единственного сына. Она подала заявку на место в доме престарелых, и, когда освободилась подходящая комната, другими словами, когда предыдущий жилец умер, она продала бо́льшую часть своих вещей и переехала сюда. С тех пор как восемнадцать лет назад умер отец, Мартин Бек оставался ее единственной опорой, и он периодически испытывал угрызения совести из-за того, что не может сам за ней присматривать. Однако в глубине души он был ей благодарен за то, что она сама все решила и даже не спросила у него совета.

Он пересек маленькие мрачные гостиные, где никогда никто не сидел, прошел по полутемному коридору и постучал в дверь комнаты, где жила его мать. Не дожидаясь ответа, он вошел внутрь. Его появление, очевидно, явилось сюрпризом для матери; она была немного глуховата и не услышала его тихого стука в дверь. Она вся расцвела, отложила в сторону книгу и начала подниматься. Мартин Бек быстро подошел к ней, поцеловал ее в щеку и мягко, но решительно усадил обратно в кресло.

— Ради Бога, не волнуйся, — сказал он.

Он положил цветы ей на колени и поставил бутылку и коробку бисквитов на стол.

— Дорогая мамочка, поздравляю тебя.

Она развернула цветы и сказала:

— Ах, какие чудесные цветы! И бисквиты! И вино или что это? Ах, херес. Как я тебе благодарна!

Она встала, несмотря на протесты Мартина Бека, подошла к буфету и взяла серебряную вазу, которую наполнила водой из-под крана.

— Я еще не так стара и беспомощна, чтобы не ходить своими собственными ногами, — сказала она. — А тебе как раз будет полезнее посидеть. Что будем пить, херес или кофе?

Он снял шляпу и пальто и сел.

— Полагаюсь на твой выбор, — сказал он.

— В таком случае я сварю кофе. А хересом я угощу наших старушек и похвастаюсь, какой у меня замечательный сын. Такой напиток нужно расходовать экономно.

Мартин Бек молча сидел и наблюдал, как она включает электроплитку, отмеряет воду и кофе. Она была маленькая и хрупкая, и каждый раз, когда он навещал ее, ему казалось, что она становится все меньше и меньше.

— Тебе здесь не скучно, мама?

— Мне? Я никогда не скучаю.

Ответ прозвучал слишком быстро для того, чтобы быть правдивым. Она поставила кофейник на плиту, а вазу с цветами — на стол.

— Не беспокойся обо мне, — сказала она. — У меня здесь очень много занятий. Я читаю, беседую с другими старушками и, кроме того, я вяжу. Иногда я выхожу в город. Просто ужасно, как они все разрушают. Ты знаешь, что здание, в котором работал твой отец, снесли?

Мартин Бек кивнул. У его отца была небольшая транспортная фирма в районе Клара, и теперь на этом месте возвышался торговый центр из стекла и бетона. Он посмотрел на фотографию отца, стоящую на тумбочке у кровати. Снимок был сделан в середине двадцатых годов, когда самому Мартину Беку не исполнилось и семи лет, а его отец был еще молодым мужчиной с ясными глазами, блестящими волосами, расчесанными на боковой пробор, и упрямым подбородком. Говорили, что Мартин Бек похож на своего отца. Сам он никакого сходства обнаружить не мог, но даже если оно и было, то все ограничивалось лишь физическим сходством. Он помнил своего отца как открытого, веселого человека, которого всю любили и который смеялся и часто шутил. Себя же Мартин Бек мог назвать застенчивым и достаточно скучным субъектом. В те годы, к которым относилась фотография, его отец работал строителем, но через несколько лет начался кризис, и ему пришлось два года быть безработным. Мартин Бек считал, что мать так и не смогла забыть об этих годах нищеты и тревоги, и хотя потом все наладилось, она по-прежнему все время беспокоилась о деньгах. Она до сих пор не могла заставить себя купить что-нибудь, если это действительно не было абсолютно необходимо. Одежда и мебель, которые она взяла сюда из дому, служили ей много-много лет.

Мартин Бек время от времени пытался давать ей деньги и предлагал заплатить за квартиру, однако она была гордой и упрямой и предпочитала сохранять независимость.

Когда кофе закипел, Мартин Бек снял кофейник с плиты и позволил матери налить его в чашки. Она всегда заботилась о сыне, и когда он был мальчиком, никогда не разрешала ему даже помочь ей вымыть посуду или застелить его собственную постель. Он не понимал, насколько пагубна ее заботливость, до тех пор, пока не обнаружил, как он неуклюж, когда доходит до простейших домашних дел.

Мартин Бек с изумлением увидел, как мать положила кусочек сахара в рот перед тем, как сделать глоток кофе. Раньше он никогда не замечал, чтобы она пила кофе вприкуску. Она перехватила его взгляд и сказала:

— Ах, в моем возрасте уже можно разрешить себе маленькие вольности.

Она поставила чашку и откинулась на спинку кресла, положив худые веснушчатые руки на колени.

— Ну, — сказала она, — а теперь расскажи мне, как поживают мои внуки.

В последнее время Мартин Бек соблюдал особую осторожность и рассказывал матери о ее внуках только хорошее, так как она считала их самыми умными, способными и красивыми среди всех других детей. Она часто упрекала его за то, что он недооценивает своих детей, и даже обвиняла его в том, что он груб с ними. Он же полагал, что может трезво оценить их способности, И считал, что они такие же, как и все остальные дети. Он был в прекрасных отношениях с шестнадцатилетней Ингрид, живой, умной девушкой; ей легко давалась учеба в школе, и она была очень общительной. С Рольфом, которому скоро исполнится тринадцать, проблем было побольше. Учеба в школе его совершенно не интересовали, он рос ленивым и замкнутым; казалось, у него вообще отсутствуют какие-либо таланты. Мартина Бека беспокоила пассивность сына, но он надеялся, что она объясняется переходным возрастом и что скоро парень выйдет из состояния летаргии. Ничего хорошего о Рольфе сейчас он рассказать не мог, а если бы и сказал правду, мать все равно бы ему не поверила, поэтому он решил вообще не упоминать о сыне. Когда он рассказывал матери о школьных успехах Ингрид, она неожиданно перебила его:

— Рольф не собирается после окончания школы поступить в полицию?

— Не думаю. К тому же ему еще нет и тринадцати. О таких вещах еще рановато беспокоиться.

— Если он захочет, ты обязан остановить его, — сказала она. — Я никогда не понимала, почему ты с таким упрямством хотел стать полицейским. А сейчас это еще более ужасная профессия, чем тогда, когда ты только начинал. Кстати, Мартин, почему ты стал полицейским?

Мартин Бек с изумлением уставился на нее. Он знал, что она была против его выбора профессии двадцать четыре года назад, но его удивило, что она снова затронула эту тему. Примерно год назад он стал старшим инспектором отдела расследования убийств, и теперь условия, в которых он работал, совершенно отличались от тех, когда он был молодым патрульным.

Он подался вперед и положил ладонь на ее руку.

— У меня все хорошо, мама, — сказал он. — Сейчас я в основном сижу за письменным столом. Впрочем, я сам часто задаю себе этот вопрос.

Это была правда. Он часто сам спрашивал себя, почему он стал полицейским.

Конечно, он мог ответить, что в то время, в военные годы, это был хороший способ избежать службы в армии. После двухлетней отсрочки, вызванной плохими легкими, его признали годным и больше не дали освобождения, так что причина у него была достаточно веской, ведь просто отказников в 1944 году не слишком жаловали. Многие из тех, кто так же,

как и он, избежали службы в армии, давно сменили профессию, а он дослужился до звания старшего инспектора. Очевидно, данный факт должен был означать, что он хороший полицейский, хотя сам он не был в этом уверен. Он даже не был уверен в том, хочется ли ему быть хорошим полицейским, если это означает быть пунктуальным человеком, который никогда ни на йоту не отклоняется от инструкций. Он помнил то, что однажды сказал Леннарт Колльберг:

— Есть много хороших полицейских. Тупые парни всегда хорошие полицейские. Бесчувственные, ограниченные, грубые, самодовольные типы тоже хорошие полицейские. Однако было бы намного лучше, если бы среди полицейских было просто побольше хороших парней.

Вместе с матерью они вышли в парк и немного погуляли. Было слякотно, ледяной ветер раскачивал голые ветви деревьев. Через десять минут Мартин Бек проводил мать до крыльца и поцеловал ее в щеку. Спускаясь с холма, он обернулся и увидел, что она все еще стоит на крыльце, чуть покачиваясь от ветра. Маленькая, морщинистая и седая.

Он сел в метро и поехал в южное управление на Вестберга-алле.

По пути в свой кабинет он заглянул в комнату Колльберга. Инспектор Колльберг был помощником и лучшим другом Мартина Бека. Кабинет Колльберга оказался пустым. Мартин Бек посмотрел на наручные часы. Четверг, половина второго. Сообразить, где в данный момент находится Колльберг, можно было без особых усилий. На какое-то мгновение Мартин Бек даже задумался над тем, не присоединиться ли к Колльбергу, поедающему в столовой гороховый суп, но вспомнил о своем желудке и отказался от этого намерения. Он неважно себя чувствовал после нескольких чашек кофе, выпитых у матери.

На его письменном столе лежал короткий рапорт о человеке, который этим утром совершил самоубийство.

Звали его Эрнст Сигурд Карлсон, ему было сорок шесть лет. Он был холост, его ближайшая родственница, старая тетка, жила в Буросе. Он работал в страховой компании, на работе с понедельника отсутствовал. Грипп. Коллеги сообщили, что он одинок и, насколько им известно, близких друзей у него не было. Соседи сказали, что он был тихим и безобидным, приходил и уходил точно в определенное время и редко принимал гостей. Исследование образцов его почерка показало, что именно он написал имя Мартина Бека в телефонном блокноте. Не подлежало никакому сомнению, что он совершил самоубийство.

Расследовать здесь было нечего. Эрнст Сигурд Карлсон покончил свои собственные счеты с жизнью, а самоубийство не является преступлением в Швеции, так что у полиции здесь работы было не слишком много. Ответы на все вопросы были получены. За исключением одного. Тот, кто составлял рапорт, тоже задал себе этот вопрос: «Был ли знаком старший инспектор Мартин Бек с самоубийцей и не мог бы он что-нибудь добавить?»

Мартин Бек не мог.

Он никогда раньше не слышал о человеке по имени Эрнст Сигурд Карлсон.

II

Когда Гюнвальд Ларссон вышел из своего кабинета в управлении полиции на Кунгсхольмсгатан, была половина одиннадцатого вечера, и в его планы вовсе не входило стать героем, конечно, если не считать подвигом поездку домой, в Булмору, где ему предстояло принять душ, облачиться и пижаму и лечь в постель. Гюнвальд Ларссон с удовольствием подумал о своей пижаме. Он только сегодня ее купил, и большинство его коллег не поверили бы, узнай они, сколько она стоит. По дороге домой ему предстояло выполнить одно маленькое служебное дело, которое вряд ли задержит его больше чем на

пять минут, а возможно, и того меньше. Все еще думая о своей пижаме, он надел болгарскую дубленку, выключил свет и захлопнул дверь. Дряхлый лифт, как обычно, не работал, и Ларссону пришлось дважды ударить ногой в пол для того, чтобы уговорить его двинуться. Гюнвальд Ларссон был крупным мужчиной, ростом более 190 см и весом около 100 кг, так что топал ногой он внушительно.

На улице было холодно, порывы ветра бросали в лицо сухой, колючий снег, но Ларссону нужно было пройти всего лишь несколько шагов до своего автомобиля, и поэтому плохая погода его не волновала.

Глядя налево, Гюнвальд Ларссон проехал по Вестерброн. Он видел городскую ратушу с тремя подсвеченными желтым светом золотыми коронами на шпиле над башней и тысячи других огней. Он поехал прямо до Хорнсплан, свернул влево на Хорнсгатан, а потом направо у станции метро «Цинкенсдамм». Проехав еще около 500 метров в южном направлении по Рингвеген, он притормозил и остановился.

Несмотря на близость этого района к центру Стокгольма, многоэтажных домов здесь не было. К западу от улицы простирался парк Тантолунден, с противоположной стороны возвышался каменистый холм, у подножья которого находилась автостоянка и заправочная станция. Улица называлась Шёльдгатан, но в действительности была вовсе не улицей, а скорее частью обычной дороги, оставленной здесь по совершенно необъяснимым причинам архитекторами, которые буквально опустошили весь этот район города, впрочем так же, как и большинство других районов, лишив их собственного лица и уюта.

Шёльдгатан была длиной менее 300 метров и соединяла Рингвеген и Розенлундсгатан; ездили по ней в основном лишь такси и редкие полицейские автомобили. Летом здесь был своеобразный зеленый оазис, и, несмотря на оживленное движение по Рингвеген и поезда метро, грохочущие всего в 50 метрах отсюда, подростки со всего района, запасшись вином, сосисками и засаленными колодами карт, собирались в кустах и знали, что никто их не станет беспокоить. Однако зимой здесь вряд ли можно было найти человека, который явился бы сюда по собственной воле.

Однако именно в этот вечер, седьмого марта 1968 года, в кустах к югу от дороги терпеливо стоял и мерз человек. Он смотрел, хотя и недостаточно внимательно, на жилой дом, деревянное двухэтажное здание старой постройки. Еще несколько минут назад в двух окнах на втором этаже горел свет, оттуда доносились музыка, веселые голоса и взрывы смеха, но теперь все огни в доме были погашены, и стоящий в кустах человек слышал лишь завывания ветра и приглушенный шум уличного движения. Человек стоял в кустах не по собственной воле. Он был полицейским, звали его Цакриссон, и больше всего на свете ему хотелось оказаться в любом другом месте.

Гюнвальд Ларссон вышел из машины, поднял воротник и натянул меховую шапку на уши. Он пересек широкое шоссе, прошел мимо заправочной станции и зашагал по грязному размокшему снегу. Дорожная служба наверняка не хотела тратить свои запасы соли на этот неиспользуемый участок шоссе. Дом стоял в 75 метрах дальше, чуть выше уровня дороги и под острым углом к ней. Ларссон остановился, огляделся вокруг и тихо позвал:

— Цакриссон?

Человек в кустах вздрогнул и подошел к нему.

— Плохие новости, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Тебе придется отдежурить еще два часа. Изаксон заболел.

— О черт! — воскликнул Цакриссон.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на дом, поморщился и оказал:

— Тебе следовало бы стоять на склоне.

— Конечно, если бы я захотел отморозить себе задницу, — мрачно ответил Цакриссон.

— Если бы ты захотел иметь хороший обзор. Что-нибудь происходило?

Цихрнсон покачал головой.

— Почти ничего, — сказал он. — Там было что-то вроде вечеринки. Похоже, теперь они уснули.

— А Мальм?

— Он тоже спит. Свет у него в квартире погас три часа назад.

— Все это время он был один?

— Кажется, да.

— Кажется? Кто-нибудь выходил из дома?

— Я никого не видел.

— Что же в таком случае ты видел?

— За то время, что я здесь стою, в дом вошли три человека. Парень и две девушки. Они приехали в такси. Думаю, они участвовали в той вечеринке.

— Думаешь? — иронически произнес Гюнвальд Ларссон.

— Черт возьми, а что же мне еще остается предположить? У меня ведь нет…

Зубы у Цакриссона так стучали, что ему было трудно говорить. Гюнвальд Ларссон окинул его критическим взглядом и сказал:

— Ну, так чего же у тебя нет?

— Рентгеновских лучей в глазах, — мрачно ответил Цакриссон.

Гюнвальд Ларссон был строг и не считался с тем, что у других людей могут быть свои слабости. В полиции его достаточно хорошо знали, и многие его побаивались. Если бы Цакриссон знал его получше, он бы никогда не решился так себя вести, другими словами, вести себя естественно, но даже Гюнвальд Ларссон не мог совершенно игнорировать тот факт, что его подчиненный устал и замерз, а следовательно, его состояние и наблюдательные способности вряд ли улучшатся в последующие несколько часов. Он понимал, что нужно делать, но вовсе не собирался из-за этого прекращать наблюдение. Он раздраженно хмыкнул и сказал:

— Ты замерз?

Цакриссон издал глухой смешок и попытался соскрести льдинки с ресниц.

— Замерз? — иронически переспросил он. — Я чувствую себя так, словно меня засунули в пылающую печь.

— Ты здесь не для того, чтобы развлекаться; — сказал Гюнвальд Ларссон. — Ты здесь для того, чтобы работать.

— Да, конечно, но…

— А твоя работа заключается и в том, чтобы уметь тепло одеваться и правильно двигаться. В противном случае ты превратишься в статую снежного человека, и если что-нибудь случится, не сможешь двинуться с места. И тогда, возможно, тебе не будет так весело.

Цакриссон насторожился, он уже начал кое-что подозревать. Он вздрогнул и произнес извиняющимся тоном:

— Да-да, конечно, у меня все хорошо, но…

— Нет, вовсе не хорошо, — раздраженно сказал Гюнвальд Ларссон. — Я отвечаю за это задание и не желаю его срывать из-за плохой работы рядового полицейского.

Рядовому полицейскому Цакриссону было только двадцать три года. Он работал в отделе охраны Второго участка. Инспектор отдела расследования убийств стокгольмского

управления Гюнвальд Ларссон был на двадцать лет старше. Цакриссон открыл рот, чтобы что-то сказать, но Гюнвальд Ларссон поднял свою могучую правую руку и сердито заявил:

— Хватит болтать. Отправляйся в полицейский участок на Розенлундсгатан и выпей кофе или еще что-нибудь. Ровно через полчаса ты должен вернуться сюда свежим и энергичным, так что тебе лучше поторопиться.

Цакриссон ушел. Гюнвальд Ларссон взглянул на свои часы, вздохнул и подумал: «Молокосос».

Он повернулся кругом, продрался сквозь кусты и начал карабкаться вверх по склону, ругаясь себе под нос. Потому что его итальянские зимние ботинки на толстой резиновой подошве скользили по покрытым льдом камням.

Цакриссон был прав, говоря, что на холме нет никакого укрытия от пронизывающего северного ветра, однако и сам Ларссон тоже был прав, утверждая, что здесь лучший наблюдательный пункт. Дом стоял перед ним как на ладони. Ларссон мог видеть все, что происходит в доме и возле него. Окна были полностью или частично покрыты инеем, свет нигде не горел. Единственным признаком жизни был дым из трубы, клубы которого тут же уносило порывами ветра в беззвездное небо.

Человек, стоящий на вершине холма, автоматически переступал ногами и двигал пальцами в меховых перчатках. Перед тем как стать полицейским, Гюнвальд Ларссон был моряком, сначала простым матросом в военно-морском флоте, потом плавал на грузовых судах в Северной Атлантике, и бесчисленные вахты на открытом ветрам мостике научили его искусству сохранять тепло. Он также был специалистом по такого рода заданиям, хотя теперь уже предпочитал лишь руководить. Немного постояв на холме, он заметил какой-то проблеск света в крайнем справа окне на втором этаже, словно кто-то зажег спичку, чтобы закурить сигарету или посмотреть, например, который час. Гюнвальд Ларссон машинально посмотрел на свои часы. Четыре минуты двенадцатого. Прошло шестнадцать минут с того момента, когда Цакриссон покинул свой пост. Наверное, он уже сидит в буфете полицейского участка округа Мария и болтает с коллегами, попивая кофе. Однако это удовольствие продлится недолго, потому что через семь минут ему придется отправляться в обратный путь. Если, конечно, он не хочет получить выволочку, хмуро подумал Гюнвальд Ларссон.

Несколько минут он думал о людях, которые могут в настоящий момент находиться в доме. В этом старом доме было четыре квартиры, две на первом этаже и две на втором. На втором этаже слева жила незамужняя женщина лет тридцати пяти с тремя детьми от разных отцов. Больше об этой женщине он ничего не знал, но этого было достаточно. В квартире слева на первом этаже жила пожилая супружеская пара. Им было около семидесяти, и жили они здесь уже лет пятьдесят, в то время как в верхних квартирах жильцы менялись довольно часто. Муж любил выпивать и, несмотря на свой преклонный возраст, был постоянным клиентом полицейского участка округа Мария. В квартире справа па втором этаже жил мужчина, тоже хорошо известный полиции, но по причинам, гораздо более серьезным, чем регулярные субботние пьяные скандалы. Ему было двадцать семь лет, и он уже успел шесть раз побывать в тюрьме. Преступления он совершал самые разные: от вождения автомобиля в нетрезвом виде и драк до грабежа. Звали его Рот, это он устроил вечеринку для своего приятеля и двух подружек. Сейчас они уже выключили магнитофон и свет и либо улеглись спать, либо продолжили развлекаться несколько иным способом. Именно в этой квартире кто-то зажег спичку.

Под квартирой Рота, на первом этаже справа, жил человек, за которым наблюдал Гюнвальд Ларссон. Он знал, как зовут его и как он выглядит. Однако, что было довольно странно, он не имел ни малейшего понятия, зачем понадобилось следить за этим человеком.

Дело обстояло так. Гюнвальд Ларссон был специалистом по раскрытию убийств и обезвреживанию опасных преступников, а поскольку в настоящий момент убийства временно

не совершались, его откомандировали в другой отдел, где он отвечал за это задание в дополнение к своим основным служебным обязанностям. Ларссону дали в подчинение четырех сотрудников и поставили простую задачу: не позволить этому человеку исчезнуть, следить, чтобы с ним ничего не случилось, и фиксировать всех, с кем он встречается.

Гюнвальд Ларссон даже не поинтересовался, зачем все это нужно. Наверное, наркотики. Похоже, сейчас все связано с наркотиками.

Наблюдение продолжалось вот уже десять дней, и наиболее примечательным событием за все время было то, что этот человек купил торт и две бутылки ликера.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на часы. Девять минут двенадцатого. Остается восемь минут.

Он зевнул и развел руки в стороны, чтобы похлопать себя по бокам.

И в этот момент дом взорвался.

III

Пламя взметнулось с громким хлопком. Окна квартиры справа на первом этаже вылетели наружу и, казалось, фронтон откололся от дома, когда одновременно со взрывом сквозь выбитые стекла вырвались длинные голубоватые языки пламени. Гюнвальд Ларссон стоял па вершине холма, раскинув руки и стороны, словно статуя Христа Спасителя, и оцепенело глядел на то, что происходит на противоположной стороне дороги. Однако в подобном состоянии он находился лишь какое-то мгновение. Потом он побежал, скользя и ругаясь, вниз по склону холма, через дорогу, прямо к дому. Характер и цвет пламени тем временем изменился, оно стало оранжевым и жадно лизало деревянные стены. Ларссону показалось, что крыша в правой части дома начала оседать, словно из-под нее убрали фундамент. Квартиру на первом этаже за несколько секунд охватило пламенем, и когда он подбежал к каменным ступенькам крыльца перед входной дверью, в комнате на втором этаже уже тоже вовсю полыхало.

Он распахнул дверь и сразу понял, что уже слишком поздно. Дверь справа, ведущую в прихожую, сорвало с петель, и она заблокировала лестницу. Лестница вспыхнула, словно гигантское бревно, и огонь начал распространяться по деревянным ступенькам. Волна нестерпимого жара ударила Ларссона, он зашатался, обожженный и ослепленный, и отступил назад, на крыльцо. Из дома доносились отчаянные крики людей, охваченных ужасом. Насколько он знал, в доме находилось по меньшей мере одиннадцать человек, безнадежно забаррикадированных в этой настоящей ловушке. Наверное, некоторые из них уже были мертвы. Языки пламени выстреливали из окон первого этажа, словно гигантские факелы.

Гюнвальд Ларссон быстро огляделся вокруг в поисках лестницы или чего-нибудь еще, но ничего не нашел.

На втором этаже распахнулось окно. Сквозь дым и огонь он различил женщину, или, скорее, девушку, которая истерически кричала. Он приложил ладони рупором ко рту и громко скомандовал:

— Прыгай! Прыгай вправо!

Она уже взобралась на подоконник, но все еще колебалась.

— Прыгай! Немедленно! Как можно дальше! Я поймаю тебя!

Девушка прыгнула. Он поймал ее правой рукой за ногу, а левой за плечи. Она оказалась вовсе не тяжелой, наверное, весила килограммов 40 или 45. Он ловко схватил ее и не дал ей даже коснуться земли. Поймав ее, он повернулся спиной к бушующему огню, чтобы ее не обожгло, сделал три шага и положил ее на землю. Девушке было не больше семнадцати. Она была голая, вся дрожала и билась в истерике. Каких-либо ран он на ней не обнаружил.

Когда он снова повернулся к дому, на подоконнике стоял мужчина, завернутый в простыню. Пожар усилился, из-под крыши валил дым, справа языки пламени уже начали

прорываться сквозь черепицу. Когда же, наконец, приедут эти чертовы пожарные, подумал Гюнвальд Ларссон, подбираясь к огню как можно ближе. Горящее дерево трещало, фонтаны искр брызгали на его лицо и дубленку, которая уже вся была прожжена. Он громко закричал, чтобы перекрыть рев огня:

— Прыгай! Как можно дальше! Вправо!

В тот момент, когда мужчина прыгнул, огонь захватил край простыни. Мужчина пронзительно закричал и попытался в падении сбросить с себя горящую материю. На сей раз приземление оказалось не таким успешным. Мужчина был значительно тяжелее девушки, он перевернулся в воздухе и ударил Гюнвальда Ларссона в плечо левой рукой, а затем неудачно рухнул на землю, врезавшись плечом в булыжники. В последний момент Гюнвальд Ларссон попытался подставить свою левую руку под голову мужчины, чтобы смягчить удар. Он положил мужчину на землю, схватил горящую простыню и отбросил ее в сторону, при этом безнадежно прожег свои собственные перчатки. Мужчина тоже был голый, на нем было только золотое обручальное кольцо. Он ужасно стонал и издавал гортанные звуки, словно обезьяна. Гюнвальд Ларссон оттащил его на несколько метров дальше и оставил лежать на снегу вне досягаемости от падающих горящих балок. Когда он снова повернулся к дому, из квартиры справа на верхнем этаже прыгнула женщина в черном бюстгальтере. Ее рыжие волосы горели. Приземлилась она слишком близко к стене.

Гюнвальд Ларссон бросился вперед и оттащил женщину от горящей деревянной обшивки в более безопасную зону, погасил горящие волосы женщины снегом и оставил ее лежать на земле. Он видно, что она сильно обгорела, она кричала и корчилась от боли. Очевидно, она еще к тому же и неудачно упала, одна нога ее была вытянута под неестественным углом к туловищу. Она была немного старше девушки, прыгнувшей первой, лет приблизительно двадцати пяти, рыжеволосая, волосы между ног тоже были рыжими. На животе у нее он не заметил каких-либо видимых повреждений, кожа у нее была бледная и вялая. На ее лице, ногах и спине он увидел множество ожогов, на груди тоже, бюстгальтер сгорел прямо на ней.

Подняв взгляд ко второму этажу, Гюнвальд Ларссон увидел пылающую, как факел, фигуру, которая вскинула руки над головой и исчезла. Он догадался, что это четвертый участник вечеринки, и понял, что помощь ему уже не понадобится.

Чердак тоже был охвачен пламенем. В густом дыму потрескивали горящие деревянные перекрытия. Крайнее окно слева распахнулось, и кто-то звал на помощь. Гюнвальд Ларссон ринулся туда и увидел женщину в белой ночной рубашке, перегнувшуюся через подоконник и прижимающую к груди какой-то сверток. Ребенок. Из открытого окна валил дым, однако в квартире, по-видимому, еще не было сильного огня, по крайней мере, в той комнате, где находилась женщина.

— Помогите! — в отчаянии кричала она.

Пожар еще не успел полностью охватить эту часть дома, и Гюнвальду Ларссону удалось подойти вплотную к стене прямо под окном.

— Бросай ребенка, — закричал он.

Женщина без колебаний мгновенно бросила ребенка вниз и едва не застала Ларссона врасплох. Он увидел, что сверток падает прямо на него, и в последний момент успел вытянуть руки вперед и ловко поймал ребенка, как вратарь ловит мяч, пробитый со штрафного удара. Ребенок был очень маленький, он немного хныкал, но не кричал. Гюнвальд Ларссон несколько секунд стоял, держа его в руках. У него совершенно не было опыта обращения с детьми, и он даже не мог вспомнить, приходилось ли ему когда-либо вообще

держать на руках ребенка. Он испугался, не слишком ли сильно он его сдавил, и положил сверток на землю. Сзади послышались чьи-то торопливые шаги, и он обернулся. Это был Цакриссон, запыхавшийся и весь багровый.

— Что с вами? — выдавил он. — Как..?

— Где эти чертовы пожарные? — заорал Гюнвальд Ларссон.

— Я думал, они уже здесь… Я увидел пожар, когда был на Розенлундсгатан… вернулся и позвонил…

— Беги снова назад, вызови пожарную машину и скорую помощь…

Цакриссон повернулся и побежал.

— И полицию! — вдогонку ему закричал Гюнвальд Ларссон.

У Цакриссона с головы слетела шапка, он остановился, чтобы ее поднять.

— Идиот! — заорал Гюнвальд Ларссон.

Он вернулся к дому, вся правая часть которого теперь превратилась в бушующий ад. Женщина в ночной рубашке стояла в задымленном окне и на этот раз держала на руках другого ребенка, рыженького мальчика лет пяти, одетого в голубую пижаму. Она бросила его вниз так же быстро и неожиданно, как в первый раз, но теперь Ларссон был начеку и уверенно поймал ребенка. Как ни странно, но мальчик вовсе не казался испуганным.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Ларссон.

— Ты пожарник?

— О Боже, отстань от меня, — сказал Гюнвальд Ларссон и поставил мальчика па землю.

Он снова посмотрел вверх, и в этот момент кусок черепицы попал ему в голову. Черепица раскалилась докрасна, и хотя меховая шапка смягчила удар, у него потемнело в глазах. Он почувствовал резкую боль во лбу, по лицу хлынула кровь. Женщина в ночной рубашке исчезла. Наверное, бросилась за третьим ребенком, подумал он, и в этот момент женщина появилась в окне с большой фарфоровой статуэткой собаки, которую сразу же швырнула вниз. Статуэтка упала на землю и раскололась на мелкие кусочки. В следующее мгновение женщина прыгнула вниз. На этот раз все получилось не так удачно. Она приземлилась прямо на Гюнвальда Ларссона и сбила его с ног. Он упал и сильно ударился головой и спиной, однако тут же сбросил с себя оказавшуюся сверху женщину и вскочил на ноги. Женщина в ночной рубашке, очевидно, не пострадала, но взгляд ее широко раскрытых глаз был безумным. Он посмотрел на нее и спросил:

— У вас есть еще один ребенок?

Она уставилась на него, потом сгорбилась и начала подвывать, как раненый зверь.

— Вставайте и займитесь вашими детьми, — скомандовал Гюнвальд Ларссон.

Пожаром был теперь охвачен весь второй этаж, языки пламени уже вырывались из того окна, откуда прыгнула женщина. Однако двое стариков все еще оставались в квартире слева на первом этаже. Пожар туда еще не достал, но они не подавали никаких признаков жизни. Очевидно, в квартире полно дыма, кроме того, через несколько минут может рухнуть крыша.

Гюнвальд Ларссон огляделся и увидел в нескольких метрах от себя большой камень. Он вмерз в землю, но Ларссон выковырял его. Камень весил килограммов двадцать. Ларссон поднял его над головой на вытянутых руках и что было силы швырнул и крайнее левое окно на первом этаже. Оконная рама и стекли разлетелись вдребезги. Ларссон вскочил на подоконник, сорвал штору и, перевернув столик, спрыгнул на пол, в комнату, полную густого, удушливого дыма. Он закашлялся и прикрыл рот шерстяным шарфом. Вокруг все горело. В дыму он различил фигуру, неподвижно лежащую на полу. Наверное, старуха. Он

поднял ее, перенес беспомощное тело к окну, подхватил под мышки и осторожно опустил на землю. Она безвольно привалилась к стене. Без сознания, но, по-видимому, жива.

Гюнвальд Ларссон сделал глубокий вдох и вернулся в комнату. Он сорвал штору с другого окна и разбил его стулом. Дым слегка рассеялся, но потолок был охвачен оранжевыми языками пламени, которое распространялось от входной двери. Ларссону понадобилось не более пятнадцати секунд, чтобы найти старика. Он не делал попыток встать с кровати, но был жив и жалобно, приглушенно кашлял.

Гюнвальд Ларссон отшвырнул в сторону одеяло, взвалил старика на плечо, вернулся к окну и выбрался наружу. Он сильно кашлял и почти ничего не видел, потому что кровь из раны на лбу заливала ему лицо, смешиваясь с потом и слезами.

Все еще держа на плече старика, он оттащил старуху подальше от дома и уложил их обоих рядышком на землю. Потом убедился в том, что женщина дышит. Снял прожженную дубленку, накрыл ею голую девушку, которая истерически рыдала, и оттащил ее к остальным. Снял с себя твидовый пиджак и укутал им двух маленьких детей. Шерстяной шарф дал голому мужчине, который сразу же обернул его вокруг бедер. Потом он взял на руки рыжеволосую женщину и положил ее рядом со всеми. От нее отвратительно пахло, и она пронзительно кричала.

Он посмотрел на дом; бушующее пламя теперь уже стало неудержимым. Несколько легковых автомобилей остановилось на шоссе, из них выбегали растерянные люди. Он не обращал на них внимания. Стащил с головы разодранную меховую шапку и надел ее на женщину в ночной рубашке. Повторил вопрос, который задал ей несколько минут назад:

— У вас есть еще один ребенок?

— Да… Кристина… у нее комната в мансарде.

Женщина безудержно зарыдала.

Гюнвальд Ларссон покачал головой.

Весь в крови и копоти, потный, в разорванной одежде, он стоял среди этих бьющихся в истерике, ошеломленных, кричащих, плачущих и полуживых людей. Словно на поле брани.

Сквозь рев огня до него донеслись звуки сирен.

Все появились одновременно. Водяные помпы, лестницы, пожарные машины, полицейские автомобили, скорая помощь, полицейские на мотоциклах и пожарное начальство на красных седанах.

Цакриссон, который сказал:

— Что… как это произошло?

В этот миг крыша рухнула и дом превратился в бесформенную груду пылающих развалин.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на свои часы. Прошло шестнадцать минут с того момента, как он стоял и мерз на этом холме.

IV

В пятницу, восьмого марта, Гюнвальд Ларссон сидел у себя в кабинете в управлении на Кунгсхольмсгатан. На нем был белый свитер и светло-серый пиджак с косыми карманами. Обе его руки были забинтованы, а повязка на голове делала его очень похожим на генерала фон Дёбельна[1] с известной картины, изображающей битву при Ютас в Финляндии.

На лице и шее Ларссона, кроме того, были налеплены два куска пластыря. Его брови и зачесанные назад светлые волосы были опалены, однако голубые глаза смотрели, как обычно, открыто и недовольно.

Кроме него, в кабинете присутствовало еще несколько человек.

Мартина Бека и Колльберга вызвали сюда из отдела расследования убийств в Вестберге, а их начальник, старший комиссар Эвальд Хаммар, считался ответственным за это расследование вплоть до получения других распоряжений. Хаммар был крупным мужчиной могучего телосложения, пышная грива его волос почти полностью поседела за долгие годы службы. Он уже начал считать дни, которые оставались ему до пенсии, и рассматривал каждое серьезное уголовное преступление как наказание лично для себя.

— А где остальные? — спросил Мартин Бек.

Он, как всегда, стоял у двери, опершись правым локтем на ящики с картотекой.

— Какие остальные? — поинтересовался Хаммар, который прекрасно знал, что формирование состава следственной группы полностью входит в его компетенцию. Он обладал достаточным влиянием, чтобы привлечь к работе любого нужного ему полицейского.

— Рённ и Меландер, — со стоицизмом ответил Мартин Бек.

— Рённ поехал в Южную больницу, а Меландер на месте пожара, — коротко сообщил Хаммар.

На письменном столе Гюнвальда Ларссона лежали вечерние газеты, и он раздраженно перелистывал их забинтованными руками.

— Проклятые писаки, — сказал он, протягивая одну из газет Мартину Беку. — Ты только взгляни на эту фотографию.

Фотография занимала три колонки и изображала молодого человека с озабоченным лицом, в пальто и шляпе, который рылся тростью в дымящихся руинах дома на Шёльдгатан. Позади него в левом углу фотоснимка стоял Гюнввальд[2] Ларссон и с глупым видом смотрел в объектив.

— Да, ты выглядишь здесь не лучшим образом, — сказал Мартин Бек. — А кто этот парень с тростью?

— Его зовут Цакриссон. Молокосос из Второго участка. Абсолютный идиот. Прочти подпись.

Мартин Бек прочел подпись.

«Герой дня, инспектор Гюнвальд Ларссон (справа) совершил героический поступок во время вчерашнего пожара, он спас несколько человеческих жизней.

На снимке он обследует развалины дома, который был полностью разрушен».

— Они не только отвратительно работают, но к тому же еще путают правую и левую стороны, — пробурчал Гюнвальд Ларссон, — и кроме того, они…

Он больше ничего не сказал, но Мартин Бек знал, что он имеет в виду, и кивнул. Имя они тоже переврали. Гюнвальд Ларссон с раздражением посмотрел на фото и отодвинул газету в сторону.

— Я тоже здесь выгляжу как идиот, — сказал он.

— У славы имеются и шипы, — заметил Мартин Бек.

Колльберг, который недолюбливал Гюнвальда Ларссона, невольно взглянул на разбросанные по столу газеты. Все фотоснимки были с перепутанными подписями, первые страницы всех газет украшали портрет туповато глядящего в объектив Гюнвальда Ларссона и крупные заголовки.

Подвиги, герои и Бог знает что еще, уныло вздохнув, подумал Колльберг. Толстый и апатичный, он сгорбившись сидел в кресле, положив локти на стол.

— Так значит, мы оказались в странной ситуации, когда нам неизвестно, что же произошло? — с серьезным видом произнес Хаммар.

— Ничего странного в этом нет, — сказал Колльберг. — Лично мне почти никогда это неизвестно.

Хаммар окинул его критическим взглядом и сказал:

— Я имею в виду, что нам неизвестно, произошел ли пожар в результате поджога или нет.

— Откуда там взяться поджогу? — спросил Колльберг.

— Оптимист, — заметил Мартин Бек.

— Естественно, это был поджог, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Дом взорвался буквально у меня на глазах.

— И ты уверен, что пожар начался в квартире Мальма?

— Да, уверен.

— Ты долго наблюдал за домом?

— Около получаса. Причем лично. А до меня там стоял этот идиот Цакриссон. Пока что совершенно непонятно, как это могло произойти.

Мартин Бек помассировал переносицу большим и указательным пальцами правой руки, питом сказал:

— Ты уверен, что никто не входил в дом и не выходил оттуда за это время?

— Что касается меня, абсолютно уверен. Что происходило до того, как я туда пришел, не знаю. Цакриссон утверждал, что в дом вошли три человека, а из дома никто не выходил.

— На него можно положиться?

— Не думаю. По-моему, он невероятно туп.

— Значит, ты ему не веришь?

Гюнвальд Ларссон сердито посмотрел на Мартина Бека.

— Черт возьми, зачем все это нужно? Я стоял там и видел, как дом загорелся. Внутри, как в ловушке, оказалось одиннадцать человек, я вынес из огня восьмерых.

— Да, я это заметил, — сказал Колльберг, бросив взгляд на газеты.

— Точно установлено, что при пожаре погибли только три человека? — спросил Хаммар.

Мартин Бек вынул из внутреннего кармана несколько листов бумаги и, пробежав их глазами, сказал:

— Похоже на то. Мальм, Кеннет Рот, который жил над Мальмом, и Кристина Модиг, она жила в мансарде. Ей было всего четырнадцать лет.

— А почему она жила в мансарде? — спросил Хаммар.

— Не знаю, — ответил Мартин Бек. — Это нужно будет выяснить.

— Нам много чего придется выяснять, — сказал Колльберг. — Мы даже не знаем, погибли ли при пожаре только эти три человека. Что же касается того, будто в доме находились одиннадцать человек, то это всего лишь предположение. Я прав, Ларссон?

— А кто были те люди, которые самостоятельно выбрались из огня? — спросил Хаммар.

— Во-первых, они выбрались из дома не самостоятельно, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Оттуда их вынес я. Если бы я случайно там не оказался, для них все могло бы кончиться гораздо хуже. И, во-вторых, я не записывал их имена. Мне хватало другой работы.

Мартин Бек задумчиво посмотрел на забинтованного великана. Гюнвальд Ларссон часто вел себя вызывающе, но для того, чтобы нагрубить Хаммару, нужно было страдать либо манией величия, либо получить сотрясение мозга.

Хаммар нахмурился.

Мартин Бек полистал свои бумажки и сказал, чтобы замять неловкую ситуацию:

— У меня здесь имеются только их имена и фамилии. Агнес и Герман Сёдерберг. Супружеская пара, шестидесяти семи и шестидесяти восьми лет. Анна-Кайса Модиг и два ее

ребенка, Кент и Клари. Матери тридцать лет, мальчику пять, девочке семь месяцев. Потом две женщины, Клара Бергрен и Мадлен Ольсен, шестнадцати и двадцати четырех лет, и парень, которого зовут Макс Карлсон. Сколько ему лет, я не знаю. Трое последних в этом доме не жили, они пришли туда в гости. Предположительно, к Кеннету Роту, одному из тех, кто погиб во время пожара.

— Ни одно из этих имен мне ничего не говорит, — заметил Хаммар.

— Мне тоже, — сказал Мартин Бек.

Колльберг пожал плечами.

Рот был вором, — произнес Гюнвальд Ларссон. — Сёдерберг — алкоголик, а Анна-Кайса Модиг — проститутка. Если нам от этого, конечно, станет легче.

Зазвонил телефон, и Колльберг взял трубку. Он придвинул к себе блокнот и вынул из верхнего кармана шариковую ручку.

— А, это ты? Да, хорошо.

Остальные молча глядели на него. Колльберг положил трубку и сообщил:

— Это Рённ. Ситуация такова: Мадлен Ольсен, вероятно, не выживет. У нее восемьдесят процентов ожогов плюс контузия и сложный перелом бедра.

— У нее везде были рыжие волосы, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Колльберг бросил в его сторону короткий взгляд и продолжил:

— Старый Сёдерберг и его жена серьезно отравились дымом, но их жизни вне опасности. У Макса Карлсона обгорело тридцать процентов кожи, он выживет. Карла Бергрен и Анна-Кайса Модиг физически не пострадали, но находятся в сильном шоке, так же, как и Карлсон. Никого из них пока допросить нельзя. И только с двумя детьми все в полном порядке.

— Полагаю, это мог быть самый обычный пожар, — сказал Хаммар.

— Чушь, — отрезал Гюнвальд Ларссон.

— Может быть, тебе лучше пойти домой и лечь в постель? — предложил Мартин Бек.

— А тебе очень бы этого хотелось, да?

Через десять минут появился Рённ. Он изумленно уставился на Ларссона и спросил:

— О Боже, что ты здесь делаешь?

— Ты мог бы спросить и повежливее, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Рённ укоризненно посмотрел на остальных.

— Ты что, спятил? — спросил он. — Вставай, Гюнвальд, пойдем.

Гюнвальд покорно встал и направился к двери.

— Минуточку, — сказал Мартин Бек. — Всего лишь один вопрос. Почему вы следили за Гёраном Мальмом?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Гюнвальд Ларссон и вышел.

Все находящиеся в кабинете от изумления потеряли дар речи.

Через несколько минут Хаммар пробормотал что-то непонятное и ушел. Мартин Бек сел, взял газету и начал ее читать. Спустя тридцать секунд Колльберг последовал его примеру. Так они сидели в полном молчании до тех пор, пока не вернулся Рённ.

— Что ты с ним сделал? — спросил Колльберг. — Сдал его в зоопарк?

— Что ты имеешь в виду? — ответил Рённ. — Сделал с ним? С кем?

— С Ларссоном, — произнес Колльберг.

— Если ты говоришь о Гюнвальде, то он с диагнозом «контузия» лежит в Южной больнице. Врачи не разрешили ему разговаривать или читать несколько дней. Хотелось бы мне знать, кто в этом виноват?

— Только не я, — сказал Колльберг.

— А я думаю, что именно ты. У меня есть огромное желание врезать тебе.

— Прекрати орать на меня, — сказал Колльберг.

— Ты всегда относился к Гюнвальду, как к бесчувственному чурбану, но сегодня ты уже перешел все границы.

Спокойный, уравновешенный Эйнар Рённ был родом из Норланда, и в нормальных условиях он никогда не выходил из себя. За пятнадцать лет их знакомства Мартин Бек ни разу еще не видел его таким разгневанным.

— Ну да, теперь я вижу, что у него есть по крайней мере один настоящий друг, — саркастически произнес Колльберг.

Рённ сжал кулаки и сделал шаг вперед. Мартин Бек быстро поднялся и встал между ними. Потом повернулся к Колльбергу и сказал:

— Прекрати, Леннарт. Не затевай ссору.

— Ты тоже ненамного лучше, чем он, — сказал Рённ Мартину Беку. — Вы оба мерзавцы.

— Эй, какого черта… — начал Колльберг, вставая с места.

— Успокойся, Эйнар, — сказал Мартин Бек. — Ты совершенно прав, нам следовало бы сразу сообразить, что с ним не все в порядке.

— Да, следовало бы, — согласился Рённ.

— Лично я особой разницы не заметил, — беззаботно сказал Колльберг. — Возможно, у меня недостаточный интеллектуальный уровень для того, чтобы…

Открылась дверь, и в кабинет вошел Хаммар.

— Вы все как-то странно выглядите, — сказал он. — Что случилось?

— Ничего, — ответил Мартин Бек.

— Ничего? Эйнар похож на вареного рака. Вы что, собрались драться? Давайте-ка обойдемся без этих ваших полицейских грубостей.

Зазвонил телефон. Колльберг, как утопающий за соломинку, схватился за телефонную трубку.

Лицо Рённа постепенно приобрело свой нормальный цвет. Лишь нос его оставался красным, впрочем, таким он был всегда.

Мартин Бек чихнул.

— Какого черта, откуда мне знать? — произнес Колльберг в трубку. — Какие еще трупы?

Он положил трубку на место, вздохнул и сказал:

— Какой-то идиот из медицинской лаборатории интересуется, можно ли увезти трупы. У нас для него найдутся здесь какие-нибудь трупы?

— Могу ли я узнать, кто-нибудь из вас уже был на месте пожара? — с кислым видом спросил Хаммар.

Никто ему не ответил.

— Надеюсь, вам не составит труда туда наведаться, — буркнул Хаммар.

— Мне нужно разобраться с документацией, — туманно объяснил Рённ.

Мартин Бек направился к двери. Колльберг пожал плечами, встал и последовал за ним.

— Вероятнее всего, это самый обычный пожар, — словно разговаривая сам с собой, упрямо сказал Хаммар.

V

Место пожара было оцеплено полицейскими так, что ни одна живая душа не могла туда проскользнуть. Когда Мартин Бек и Колльберг вышли из машины, они привлекли к себе внимание двух полицейских из оцепления.

— Эй, что это вы здесь делаете? — высокомерно спросил один из них.

— Вы разве не видите, что здесь нельзя останавливаться? — сказал другой.

Мартин Бек уже собирался предъявить свое служебное удостоверение, однако Колльберг придержал его и попросил:

— Простите, офицер, вы не могли бы сообщить мне свое имя?

— Тебе это ни к чему, — бросил первый полицейский.

— Убирайтесь, — приказал второй, — а иначе будут неприятности.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Колльберг. — Вопрос только в том, у кого.

Тяжелый характер Колльберга проявлялся даже в его манере одеваться. Его синее пальто развевалось на ветру, воротник был расстегнут, галстук свисал из правого кармана пиджака, а свою старенькую шляпу он сдвинул на затылок. Двое полицейских многозначительно посмотрели друг на друга. Один из них подошел чуть ближе. У обоих были розовые щеки и круглые голубые глаза. Мартин Бек понял, что они решили, будто Колльберг пьян, и собрались его задержать. Он знал, что Колльберг способен сделать из них отбивную, как физически, так и морально, максимум за одну минуту и что их шансы завтра утром проснуться безработными весьма велики. Ему не хотелось, чтобы сегодня еще кто-нибудь пострадал, поэтому он быстро вытащил свое удостоверение и сунул его под нос более агрессивному из двух полицейских.

— Тебе не следовало этого делать, — сердито процедил Колльберг.

Мартин Бек взглянул на полицейских и спокойно произнес:

— Вам еще нужно многому учиться. Пойдем, Леннарт.

Пожарище выглядело мрачно. От дома в буквальном смысле остался один фундамент, труба и груда обуглившихся досок, закопченных кирпичей и битой черепицы. Вокруг разносился резкий запах дыма и гари. Несколько человек в серых комбинезонах тщательно тыкали в пепел шестами и раскапывали его короткими лопатками. В сторонке были установлены два больших сита. По земле вились шланги, протянутые к шоссе, где стояла пожарная машина. На переднем сиденье в ней сидели двое пожарных.

Чуть дальше, метрах в десяти стояла длинная мрачная фигура, с трубкой во рту, засунув руки глубоко в карманы пальто. Это был Фредрик Меландер из отдела убийств стокгольмского управления, участник сотен трудных расследований. Он славился умением логически мыслить, выдающейся памятью и невозмутимым спокойствием. В более узком кругу он, кроме того, был известен своей замечательной способностью всегда оказываться в туалете, когда его кто-либо искал. Он обладал чувством юмора, но весьма умеренным; был экономным и скучным; ему никогда не приходили в голову блестящие идеи и он никогда не чувствовал внезапного вдохновения. Короче говоря, он был первоклассным полицейским.

— Привет, — бросил он, не вынимая трубки изо рта.

— Как дела? — поинтересовался Мартин Бек.

— Так себе.

— Есть какие-нибудь результаты?

— Пока нет. Надо все тщательно осмотреть. Это займет много времени.

— Почему? — спросил Колльберг.

— К тому времени, когда приехала пожарная машина и пожар был погашен, дом почти полностью сгорел и разрушился. Пожарные залили огонь сотнями литров воды и быстро его погасили, а ночью ударил мороз и все это превратилось в гигантский ледяной конгломерат.

— Веселенькое дельце, — произнес Колльберг.

— Если все делать по правилам, им теперь придется счищать лед, слой за слоем.

Мартин Бек кашлянул и сказал:

— А трупы? Они их уже нашли?

— Один, — ответил Меландер.

Он вынул трубку изо рта и указал черенком в сторону бывшего правого крыла сгоревшего дома.

— Вон там. По-моему, это девушка лет четырнадцати. Та, которая спала в мансарде.

— Кристина Модиг?

— Да. Они оставят ее здесь на ночь. Скоро стемнеет, а они хотят работать только при дневном свете.

Меландер выгатил кисет, тщательно набил трубку и закурил. Потом спросил:

— А у вас как дела?

— Превосходно, — сказал Колльберг.

— Да, — заметил Мартин Бек. — Особенно у Леннарта. Сначала он едва не подрался с Рённом…

— В самом деле? — удивился Меландер, чуть приподняв брови.

— Да. А потом его едва не забрали двое полицейских за появление в нетрезвом виде.

— Ага, понятно, — спокойно сказал Меландер. — А как там Гюнвальд?

— Он в больнице. У него контузия.

— Он отлично потрудился вчера вечером, — отметил Меландер.

Колльберг посмотрел на развалины дома, вздрогнул и сказал:

— Да, вынужден это признать. Черт побери, ну и холодина.

— У него было очень мало времени, — сказал Меландер.

— Да, — согласился Мартин Бек. — Как мог дом так быстро сгореть?

— Пожарные пока что не могут этого объяснить.

— Гм, — хмыкнул Колльберг.

Он посмотрел на пожарную машину, и его мысли приняли иной оборот.

— А что эти парни здесь до сих пор делают? Единственное, что может теперь здесь загореться, так это разве что пожарная машина.

— Они гасят тлеющие угли, — объяснил Меландер. — Обычная работа.

— Когда я был маленьким, произошла как-то замечательная штука, — вспомнил Колльберг. — Загорелось пожарное депо, и все машины внутри сгорели, а пожарники только стояли снаружи и глядели на все это. Я теперь уже не помню, где это было.

— Ну, ты немножечко не так все рассказал. Это случилось в Уддевалла, — пояснил Меландер. — И если быть точным, это было десятого…

— Бога ради, не трогай ты мои детские воспоминания, — раздраженно попросил Колльберг.

— А какова, по их мнению, причина пожара? — спросил Мартин Бек.

— Они пока что не знают, — ответил Меландер. — Ждут результатов технической экспертизы. Так же, как и мы.

Колльберг угрюмо огляделся по сторонам.

— Черт, ну и холод, — снова пожаловался он. — К тому же здесь запах, как в открытой могиле.

— Это и есть открытая могила, — торжественно заявил Меландер.

— Ну ладно, пойдем, — обратился Колльберг к Мартину Беку.

— Куда?

— Домой. Зачем вообще мы сюда приперлись?

Спустя пять минут они уже ехали в машине.

— Этот чурбан действительно не знает, почему он следил за Мальмом? — спросил Колльберг, когда они проезжали по Сканстулсброн.

— Ты имеешь в виду Гюнвальда?

— Да, кого же еще?

— Не думаю, что он это знал, однако полностью не уверен.

— Ларссона нельзя назвать большим интеллектуалом, но…

— Он человек действия, — сказал Мартин Бек, — и в этом есть свои преимущества.

— Да, конечно, но все же немножечко обидно, если ты не имеешь ни малейшего понятия о том, чем занимаешься.

— Он знал, что должен наблюдать за человеком, и, возможно, этого было для него достаточно.

— А как получилось, что этим делом занялся Ларссон?

— Все очень просто. Гёран Мальм не имел никакого отношения к отделу расследования убийств. Его задержали ребята из другого отдела. Они пытались его арестовать, но не получили на это разрешения. Пришлось им его выпустить, но они хотели организовать за ним наблюдение, чтобы он никуда не исчез. Поскольку у них было полным-полно собственной работы, они попросили Хаммара помочь им. Он поручил Ларссону организовать наблюдение, в дополнение к его основным обязанностям.

— А почему именно ему?

— После гибели Стенстрёма Гюнвальд считается лучшим специалистом по таким делам. В любом случае, он оказался на своем месте.

— Почему?

— Потому что ему удалось спасти восемь человек. Как ты думаешь, сколько человек смог бы вынести из горящего дома Рённ? Или Меландер?

— Да, конечно, ты прав, — нехотя сказал Колльберг. — Возможно, мне следует извиниться перед Рённом.

— Думаю, следует.

Поток машин двигался очень медленно. Немного помолчав, Колльберг спросил:

— А кому понадобилось за ним следить?

— Не знаю. Кажется, отделу краж. Эти парни расследуют триста тысяч краж в год, и у них даже нет времени, чтобы спуститься в столовую и нормально пообедать. В понедельник мы все это выясним. Это легко сделать.

Колльберг кивнул, он проехал еще метров на десять вперед и снова был вынужден остановиться.

— Думаю, Хаммар прав, — сказал Колльберг. — Вероятнее всего, это обычный пожар.

— Дом что-то уж подозрительно быстро загорелся, — возразил Мартин Бек. — Кроме того, Гюнвальд сказал, что…

— Гюнвальд дуралей, — оборвал его Колльберг, — к тому же он всегда что-то выдумывает. Я могу привести уйму самых естественных причин.

— Например?

— Какой-нибудь взрыв. Некоторые из этих людей были не в ладах с законом и могли держать дома какие-нибудь взрывчатые вещества. Кроме того, у них могли быть канистры с бензином или газовые баллоны. Вряд ли Мальм был такой уж крупной рыбой, раз они отпустили его. Совершенно невероятно, что кто-то решил подвергнуть опасности жизни восьми человек только для того, чтобы избавиться от Мальма.

— Даже если окажется, что это поджог, все равно ничто не указывает на то, что охотились именно за Мальмом, — сказал Мартин Бек.

— Да, ты прав, — согласился Колльберг. — Сегодня у нас не самый лучший день.

— Да, — кивнул Мартин Бек.

— Ладно, увидимся в понедельник.

На этом разговор закончился.

На Шермарбринк Мартин Бек пересел в метро. Он не знал, к чему чувствует большее отвращение — к переполненному метро или езде с черепашьей скоростью в машине. Впрочем, у метро было хотя бы то преимущество, что можно было быстрее доехать. Хотя ему вовсе незачем было торопиться домой.

А Леннарт Колльберг спешил домой. Он жил на Паландергатан, у него была красивая жена, которую звали Гюн, и шестимесячная дочь. Его жена лежала на животе, на ковре в гостиной и выполняла домашнее задание. На ней была надета лишь старая пижамная куртка, она лениво болтала в воздухе длинными голыми ногами. Гюн посмотрела на мужа большими карими глазами и сказала:

— Боже, ты сегодня такой мрачный.

Он снял пиджак и швырнул его на стул.

— Будиль уже уснула?

Она кивнула.

— У меня сегодня был ужасный день, — пожаловался Колльберг. — Все на меня кидались. Сначала Рённ, а потом два идиота-полицейских из округа Мария.

Ее глаза блеснули.

— А ты, конечно, совершенно не чувствуешь за собой никакой вины?

— Ладно, в любом случае, теперь я свободен до понедельника.

— Я не собираюсь тебя ни в чем упрекать, — сказала Гюн. — Чем мы займемся?

— Мне хотелось бы сходить куда-нибудь поужинать и немного выпить.

— Думаешь, нам это удастся?

— Конечно. Сейчас всего лишь восемь часов. Мы сможем раздобыть на сегодняшний вечер няню?

— Надеюсь, Оса не откажется придти.

Оса Турелль была вдовой полицейского, хотя ей исполнилось всего двадцать пять лет. Она жила с коллегой Колльберга Оке Стенстрёмом, которого застрелили в автобусе четыре месяца назад.

Гюн нахмурила густые темные брови и принялась энергично тереть ластиком по листу бумаги.

— У меня есть другое предложение, — сказала она. — Мы можем отправиться в постель. Это дешевле и намного приятнее.

— Омары в белом вине — это тоже очень приятно, — заметил Колльберг.

— Ты думаешь о еде больше, чем о любви, — пожаловалась она, — хотя мы женаты всего два года.

— Ничего подобного. Кстати, у меня есть идея получше. Мы пойдем поужинаем и выпьем, а потом отправимся в постель. Немедленно звони Осе.

Телефон с длинным шнуром стоял на ковре. Гюн подтащила телефон к себе и набрала номер. Разговаривая с Осой, она перевернулась на спину, согнула ноги в коленях и поставила ступни на ковер. Пижама чуть соскользнула.

Колльберг глядел на свою жену. Он задумчиво созерцал широкую полосу густых черных волос, которые росли у нее в нижней части живота и становились более редкими между ног. Слушая Осу, она глядела в потолок. Через минуту подняла левую ногу и почесала лодыжку.

— Все в порядке, — сказала она, кладя трубку. — Через час она будет здесь. Кстати, знаешь последние новости?

— Какие?

— Оса собирается поступить на службу в полицию.

— О Боже, — с отсутствующим видом сказал он. — Гюн?

— Да.

— Мне пришла в голову еще одна мысль, которая даже лучше предыдущей. Сперва мы отправимся в постель, потом пойдем поужинаем и выпьем, а после этого снова ляжем в постель.

— Это просто замечательно, — улыбнулась она. — Может, прямо здесь, на ковре?

— Да. Позвони в ресторан «Опера-келарен» и закажи столик.

— Посмотри, какой там номер.

Колльберг рылся в телефонном справочнике, одновременно расстегивая рубашку и пояс; он нашел номер и слушал, как она звонит.

Потом она села, сняла пижаму через голову и отбросила ее в сторону.

— А как ты хочешь? Просто, без всяких выдумок?

— Ага.

— Сзади?

— Выбирай сама, как тебе больше нравится.

Она засмеялась, медленно и податливо перевернулась и встала на четвереньки, широко раздвинув ноги. Опустила вниз темноволосую голову и уперлась лбом в руки.

Спустя три часа, когда они уже приступили к десерту, она невольно заставила Колльберга вспомнить то, о чем он не думал с тех пор, как расстался с Мартином Беком возле станции метро.

— Этот ужасный пожар, — сказала она. — Как ты думаешь, его устроили нарочно?

— Нет, — ответил он. — Я не могу в это поверить. Любое предположение должно в конце концов опираться на здравый смысл.

Он был полицейским вот уже более двадцати лет, и ему следовало бы лучше разбираться в таких делах.

VI

Субботнее утро было солнечным.

Мартин Бек просыпался нехотя, с необычным чувством удовлетворенности. Он лежал, уткнувшись лицом в подушку, и пытался определить, поздно уже или еще слишком рано. Он слышал, как поет черный дрозд на дереве за окном и как тяжелые капли с крыши падают в талый снег на балконе. Как проезжают по улице автомобили и как тормозит поезд метро на

подходе к станции. Как хлопает дверь у соседа. Как урчат водопроводные трубы. Внезапно в кухне за стеной раздался грохот, который заставил его сразу открыть глаза. Голос Рольфа:

— О, черт!

И Ингрид:

— Какой ты неуклюжий.

И Инга:

— Тише!

Он протянул руку за сигаретами и спичками; ему пришлось опереться на локоть и извлечь пепельницу из-под груды книг. До четырех часов утра он лежал и читал книгу о Цусиме, и пепельница была полна сигаретных окурков и обгоревших спичек. Когда ему было лень вставать и опорожнять пепельницу перед сном, он обычно прятал ее под книгами для того, чтобы избавить себя в от пророчества Инги о том, как в один прекрасный день вся семья сгорит заживо из-за его привычки курить в постели.

Его часы показывали половину десятого, но сегодня суббота и он свободен. Свободен от всех обязанностей, подумал он, чувствуя укоры совести. Он собирался остаться в квартире один целых два дня. Инга и дети должны были уехать к брату Инги, у которого был летний домик в Руслагене, и пробыть там почти до конца воскресенья. Мартина Бека, естественно, тоже пригласили, но возможность провести уик-энд в одиночестве была для него столь редким удовольствием, что он не собирался ее упускать и сослался на то, что у него много работы.

Лежа в постели, он выкурил сигарету, потом отнес пепельницу в туалет и опорожнил ее. Быстро побрился, надел брюки цвета хаки и вельветовую рубашку. Потом поставил книгу о Цусиме на полку, сложил диван и пошел на кухню.

Его семья сидела за столом и завтракала. Ингрид встала, взяла из буфета чашку и налила ему чаю.

— Папа, может быть, ты тоже с нами поедешь? — спросила она. — Посмотри, какой чудесный день. Нам будет скучно без тебя.

— Боюсь, что я не смогу, — ответил Мартин Бек. — Мне бы очень хотелось, но…

— У папы много работы, — кисло произнесла Инга. — Как всегда.

Он снова почувствовал угрызения совести. Однако тут же подумал, что без него им будет лучше, потому что братец Инги всегда использовал приезд Мартина Бека как повод для того, чтобы напиться. Брат Инги в трезвом состоянии был вполне нормальным человеком, но в пьяном виде становился невыносимым. И все же он обладал одним положительным качеством — принципиально никогда не пил в одиночку. Мартин Бек продолжил свои размышления на эту тему и пришел к выводу, что, оставаясь дома, он совершает доброе дело, так как в его отсутствие шурин будет трезвым.

Он едва успел сделать этот замечательный вывод, как его шурин позвонил в дверь, и через пять минут Мартин Бек уже мог приступить к проведению своего столь желанного свободного уик-энда.

Уик-энд оправдал все его ожидания. Инга оставила еду для него в холодильнике, но он отправился в магазин и сам закупил продукты. Среди прочего он купил бутылку коньяка и шесть бутылок пива. Остаток субботы он посвятил сборке палубы на модели парусника «Катти Сарк»[3], к которой из-за отсутствия времени не прикасался уже несколько недель.

За обедом Мартин Бек съел две холодные фрикадельки, немного икры, кусок камамбера и выпил две бутылки пива. Кроме того, он выпил немного кофе и коньяка и посмотрел по телевизору старый американский боевик. Потом расстелил себе постель и улегся в ванну с книгой Раймонда Чандлера «Женщина в озере». Время от времени он потягивал коньяк, который поставил на крышку унитаза.

Чувствовал он себя превосходно и не думал ни о работе, ни о своей семье.

Встав из ванны, надел пижаму, погасил в квартире свет, оставив включенной лишь лампу на письменном столе, и продолжал читать и потягивать коньяк до тех пор, пока не почувствовал себя вялым и сонным, и отправился в постель.

В воскресенье он спал до позднего утра, потом сидел в пижаме, работая над моделью парусника, и не одевался почти до вечера. Когда его семья вернулась, он сходил вместе с Рольфом и Ингрид на фильм о вампирах.

Это был очень удачный уик-энд, и в понедельник утром он чувствовал себя свежим и энергичным и сразу же принялся выяснять, кто такой Гёран Мальм и во что он может быть замешан. Утро он провел в кабинетах нескольких своих коллег и нанес краткий визит в суд. Когда он вернулся, чтобы сообщить о результатах своего расследования, разговаривать ему было не с кем, потому что все ушли на обед.

Он позвонил в Южное управление и, к своему удивлению, сразу попал на Колльберга, который, как правило, первый убегал на обед, особенно по понедельникам.

— Почему ты не на обеде?

— Я как раз собирался идти, — сказал Колльберг. — А ты откуда звонишь?

— Я в кабинете Меландера. Зайди ко мне сюда после обеда. Когда появятся Меландер и Рённ, мы сможем немного поговорить о Гёране Мальме. Конечно, если Меландеру удастся покинуть свой пост на пожарище. Во всяком случае, я раздобыл кое-какие сведения о Мальме.

— Хорошо, — сказал Колльберг. — Я только проинструктирую Бенни. — Он немного помолчал и добавил:

— Если это вообще возможно.

Бенни Скакке был их самым свежим пополнением. Его взяли в отдел расследования убийств два месяца назад на место Оке Стенстрёма. Стенстрёму было двадцать девять лет, когда он погиб, и многие коллеги, а в особенности Колльберг, считали его молодым и зеленым. Бенни Скакке был на два года моложе.

В ожидании остальных Мартин Бек включил магнитофон Меландера и прослушал ленту, одолженную в суде. Во время прослушивания он делал пометки на листе бумаги.

Рённ прибыл ровно в час дня, через пятнадцать минут Колльберг распахнул дверь и сказал:

— А вот и я. Можно начинать.

Мартин Бек подвинул свой стул Колльбергу, а сам устроился у картотечных ящиков.

— Речь идет об автомобильных ворах, — сказал он. — И торговле крадеными машинами. В прошлом году количество нераскрытых краж автомобилей резко возросло и появились все основания полагать, что продажей угнанных машин занялась одна или несколько хорошо организованных банд. Возможно, они также вывозили их контрабандой из страны. Мальм, вероятнее всего, простой винтик в этом механизме.

— Большой винтик или маленький? — поинтересовался Рённ.

— Думаю, маленький, — сказал Мартин Бек. — Даже очень маленький.

— На чем же он попался? — спросил Колльберг.

— Подожди немного, я начну с самого начала. — Мартин Бек положил на ящик свои записи. — Около десяти часов вечера двадцать четвертого февраля Гёрана Мальма остановили на пункте проверки приблизительно в четырех километрах к северу от Сёдертелье. Это была рутинная дорожная проверка, и он попал туда совершенно случайно. Он вел «шевроле-импала», модель 1963 года. С машиной все вроде бы было в порядке, но оказалось, что Гёран Мальм не является ее владельцем. Они проверили, не числится ли

регистрационный номер в списке украденных машин. Он действительно там оказался, но согласно списку принадлежал «фольксвагену», а не «шевроле». Это означало, что у машины фальшивый номер и то ли по ошибке, то ли по чистой случайности он оказался «горячим». На первом допросе Мальм утверждал, что взял машину у своего друга. Имя владельца машины, его приятеля, Бертил Олафсон. Имя, которое назвал Мальм, было и на табличке в машине. Оказалось, что Олафсон хорошо известен полиции. Несколько раз его подозревали в кражах автомобилей. За несколько недель до того, как задержали Мальма, полиция собрала достаточно доказательств против Олафсона, но арестовать его не удалось. Его не нашли до сих нор.

Мальм утверждал, что Олафсон одолжил ему машину, она якобы не нужна была Олафсону, так как он должен был уехать за границу. Когда ребята, которые подозревали Олафсона и уже начали его искать, узнали, что полиция случайно задержала Мальма, они попытались его арестовать. Они были убеждены, что Мальм и Олафсон — сообщники. Когда им не удалось его арестовать (скоро вы услышите, почему так случилось), они поручили Гюнвальду, с любезного разрешения Хаммара, следить за Мальмом. Таким образом они надеялись взять Олафсона, который, в свою очередь, мог вывести их на банду. Конечно, в том случае, если банда в действительности существовала. А Олафсон и Мальм состояли в ней.

Мартин Бек пересек комнату и погасил сигарету в пепельнице.

— Так обстоят дела, — сказал он. — И это не все. Документы на машину были подделаны, причем очень умело.

Рённ почесал кончик носа:

— А почему они выпустили Мальма?

— За недостатком доказательств, — сказал Мартин Бек. — Подождите, вы сейчас сами услышите.

Он склонился над магнитофоном.

— Прокурор обратился с просьбой дать разрешение на арест Мальма как подозреваемого в укрывательстве краденого. На основании того, что Мальм мог бы затруднить расследование, если бы его оставили на свободе.

Он включил магнитофон и перемотал пленку.

— Ага, вот это место. Прокурор допрашивает Мальма в суде.

Прокурор: Итак, герр Мальм, вы только что слышали в моем изложении, что произошло вечером двадцать четвертого февраля этого года. Пожалуйста, расскажите нам своими собственными словами, как было дело.

Мальм: Точно так, как вы и говорили. Я ехал по шоссе недалеко от Сёдертелье, там был полицейский пост. Я, конечно, сразу остановился и… а когда полиция увидела, что машина не моя, они забрали меня в участок.

П.: Понятно. Скажите, герр Мальм, как получилось, что вы ехали в машине, которая принадлежала не вам?

М.: Ну, я собирался поехать в Мальме, чтобы повидаться со своим приятелем, и Берра…

П.: Берра? Вы имеете в виду Бертила Олафсона?

М.: Ну да. Берра или Олафсон одолжил мне машину на пару недель. Я ведь собирался поехать в Мальмё. Поэтому воспользовался такой возможностью вместо того, чтобы ехать в поезде. К тому же так получается дешевле. Ну, в общем, я сел в машину и поехал. Откуда мне было знать, что машина краденая?

П.: Почему Олафсон одолжил вам машину на такой длительный срок? Разве самому ему она не была нужна?

М.: Нет, он сказал, что уезжает за границу и машина ему не нужна.

П.: Так значит, он должен был уехать за границу. Надолго?

М.: Этого он мне не сказал.

П.: Вы намеревались пользоваться машиной вплоть до его возвращения?

М.: Да, если бы она была мне нужна. В противном случае я должен был поставить ее на автостоянку. Он живет в одном из тех домов, где автостоянку покупают вместе с квартирой.

П.: Олафсон уже возвратился домой?

М.: Насколько мне известно, нет.

П.: Вы знаете, где он находится?

М.: Нет. Вроде бы он собирался ехать во Францию, но точно я не знаю.

П.: Герр Мальм, у вас есть собственная машина?

М.: Нет.

П.: Однако раньше она у вас была, не так ли?

М.: Да, но очень давно.

П.: Вы часто брали машину у Олафсона?

М.: Нет, впервые.

П.: Вы давно знакомы с Олафсоном?

М.: Около года.

П.: Вы часто виделись?

М.: Не очень, иногда.

П.: Что вы имеете в виду под словом «иногда»? Раз в месяц? Раз в неделю? Как часто?

М.: Ну, может быть, раз в месяц. Или два раза.

П.: В таком случае, вы хорошо знали друг друга, так?

М.: Ну, достаточно хорошо.

П.: Но вы должны были знать друг друга очень хорошо, раз он одолжил вам свою машину.

М.: Да, конечно.

П.: Чем занимался Олафсон?

М.: Что?

П.: Чем он зарабатывал себе на жизнь?

М.: Не знаю.

П.: Не знаете, хотя были знакомы с ним около года?

М.: Нет. Мы никогда об этом не говорили.

П.: А чем вы сами зарабатываете себе на жизнь?

М.: Да так, ничем особенным… ну, сейчас я ничего не делаю.

П.: А обычно чем вы занимаетесь?

М.: Ну, разными вещами. Это зависит от того, куда мне удастся устроиться.

П.: Назовите ваше последнее место работы.

М.: Я красил автомобили в одном гараже в Блакеберге.

П.: Когда это было?

М.: Ну, прошлым летом. Потом в июле гараж закрыли, и мне пришлось уволиться.

П.: А потом? Вы искали другую работу?

М.: Да, но ничего не смог найти.

П.: А на какие средства вы жили, когда были безработным в течение… давайте-ка прикинем… почти восьми месяцев?

М.: Ну, мне было нелегко.

П.: Но вы должны были где-то брать деньги, не так ли? Вам ведь приходилось платить за квартиру, и, кроме того, человек должен что то есть.

М.: Ну, у меня были кое-какие сбережения, и еще я занимал деньги в разных местах.

П.: Что вы собирались делать в Мальмё?

М.: Повидаться с моим приятелем.

П.: До того, как Олафсон одолжил вам машину, вы, по вашим собственным словам, собирались ехать поездом. Вы сами сказали, что поездка на поезде в Мальмё стоит весьма дорого. Каким образом вы могли себе позволить такую поездку?

М.: Ну…

П.: У Олафсона давно была эта машина? «Шевроле»?

М.: Не знаю.

П.: Но вы ведь, наверное, заметили, на какой машине он ездил, когда вы с ним познакомились?

М.: Нет, я как-то не обратил на это внимания.

П.: Герр Мальм, вы ведь имели дело с автомобилями, не так ли? Вы сказали, что красили машины. Разве не странно, что вы не обратили внимания на марку автомобиля вашего друга? Неужели вы бы не заметили, если бы он сменил машину?

М.: Нет, я как-то об этом не думал. Да и вообще я редко видел его машину.

П.: Герр Мальм, Олафсон просил, чтобы вы помогли ему продать эту машину?

М.: Нет.

П.: Но вы ведь знали, что Олафсон торгует крадеными автомобилями, не так ли?

М. : Нет, я этого не знал.

П.: У меня больше нет вопросов.

Мартин Бек выключил магнитофон.

— Невероятно вежливый прокурор, — зевая сказал Колльберг.

— Ага, — согласился с ним Рённ, — и неэффективный.

— Да, — сказал Мартин Бек. — Поэтому им пришлось отпустить Мальма и поручить Гюнвальду следить за ним. Они рассчитывали через Мальма выйти на Олафсона. Весьма вероятно, что Мальм работал на Олафсона, но, очевидно, он получал за свою работу не очень много, если принять во внимание его уровень жизни.

— К тому же он красил автомобили, — напомнил Колльберг. — Такой человек весьма полезен, если имеешь дело с крадеными автомобилями.

Мартин Бек кивнул.

— А мы можем побеседовать с этим Олафсоном? — спросил Рённ.

— Нет, его все еще ищут, — ответил Мартин Бек. — Вероятнее всего, Мальм говорил правду во время допроса, когда сказал, что Олафсон уехал за границу. Наверняка Олафсон объявится.

Колльберг стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— А я не понимаю Ларссона, — он искоса взглянул на Рённа. — Как он мог утверждать, что не знает, почему наблюдал за Мальмом?

— А зачем ему вообще нужно было это знать? — спросил Рённ. — И прекрати снова цепляться к Гюнвальду.

— О Боже, да ведь должен же он был знать, что им нужен Олафсон. В противном случае в слежке за Мальмом не было никакого смысла.

— Да, — спокойно сказал Рённ. — Об этом ты сможешь спросить у него сам, когда он выздоровеет.

— Ох-хо-хо, — Колльберг потянулся так, что швы его пиджака затрещали.

— Ладно, эти автомобильные кражи вовсе не наша забота. Ну и слава Богу.

VII

В понедельник Бенни Скакке, сотруднику отдела расследования убийств, впервые в жизни предстояло самостоятельно расследовать убийство или, по меньшей мере, драку с кровопролитием.

Он сидел в своем кабинете и выполнял задание, которое поручил ему Колльберг, перед тем как уйти на Кунгсхольмсгатан. Другими словами, он дежурил у телефона, сортировал документы и рассовывал их по разным папкам. Процесс сортировки шел медленно, потому что он внимательно просматривал каждый документ перед тем, как положить его в нужную папку. Бенни Скакке был самолюбив и болезненно переживал тот факт, что, хотя он выучил назубок в полицейской школе все, что нужно было выучить о расследовании убийств, у него все равно не было ни малейшей возможности применить свои знания на практике. В ожидании того момента, когда ему представится шанс проявить свои скрытые таланты в этой области, он при каждом удобном случае пытался перенять опыт у своих старших коллег. Один из его методов заключался в том, что он постоянно прислушивался к их разговорам между собой, чем приводил в бешенство Колльберга. Другой состоял в том, что он читал старые рапорты. Именно этим он и занимался, когда зазвонил телефон.

Это был дежурный, он звонил снизу.

— Тут пришел человек, который хочет сообщить о преступлении, — сказал дежурный, который, чувствовалось, находился в некотором замешательстве. — Отправить его к вам наверх или…

— Да, направьте его сюда, — немедленно ответил помощник инспектора Скакке.

Он положил трубку и вышел в коридор, чтобы встретить посетителя. При этом он размышлял над тем, что собирался сказать дежурный, когда он его перебил. Или? Возможно: «…или сказать ему, чтобы он обратился к настоящему полицейскому?» Скакке был невероятно чувствительным молодым человеком.

Его посетитель медленно и неуверенно поднимался по лестнице. Бенни Скакке распахнул перед ним застекленную дверь и невольно отшатнулся, почувствовав кислый запах пота, мочи и алкоголя. Он проводил мужчину в кабинет и предложил ему присесть в кресло у письменного стола. Мужчина подождал, пока Скакке сам сядет, и только потом опустился в кресло.

Скакке внимательно посмотрел на посетителя. Он выглядел лет на пятьдесят-пятьдесят пять, ростом был едва ли выше 150 сантиметров, очень худой, наверное, весил около 40 килограммов. У него были редкие светлые волосы и выцветшие голубые глаза. Красные прожилки покрывали его нос и щеки. Руки у него тряслись, в левый глаз дергался. Его коричневый костюм был весь в пятнах и лоснился, а вязаная жилетка, надетая под пиджак, была заштопана нитками другого цвета. От мужчины пахло алкоголем, однако он не выглядел пьяным.

— Итак, вы хотите кое о чем сообщить? О чем же?

Мужчина опустил взгляд на свои руки. В пальцах он нервно вертел сигаретный окурок.

— Можете курить, если хотите, — сказал Скакке, подвинув к посетителю коробок спичек.

Мужчина взял коробок, прикурил, хрипло закашлялся и поднял взгляд.

— Я убил свою жену, — выдавил он.

Бенни Скакке придвинул к себе блокнот и сказал, как ему казалось, спокойным и властным голосом:

— Понятно. Где именно?

Ему хотелось, чтобы Мартин Бек или Колльберг были сейчас здесь.

— Ударил по голове.

— Нет, я имею в виду, где она сейчас?

— А… Дома. Дансбаневеген, номер 11.

— Как ваша фамилия? — спросил Скакке.

— Готфридсон.

Скакке записал фамилию в блокнот, наклонился вперед и положил локти на стол.

— Вы можете рассказать мне, как это произошло?

Человек, которого звали Готфридсон, закусил нижнюю губу.

— Ну… — сказал он, — ну, я пришел домой, а она мне устроила скандал. Я устал и не мог ей ответить. Сказал, чтоб она заткнулась, а она еще больше разоралась. Тут у меня в голове все помутилось и я схватил ее за горло. Она стала меня пинать и кричать. Ну, в общем, я ударил ее по голове несколько раз. Она упала, а я испугался и хотел привести ее в чувство, но она неподвижно лежала на полу.

— Вы вызвали врача?

Мужчина покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я решил, что она уже мертвая, так что не было смысла вызывать врача. Он немного помолчал н добавил:

— Я не хотел причинить ей боль. Я просто рассердился. Она не должна была так вести себя со мной.

Бенни Скакке встал и снял свое пальто с вешалки у двери. Он не был уверен в том, что поступает правильно. Надев пальто, он сказал:

— Почему вы пришли сюда, а не в районный полицейский участок? Ведь он гораздо ближе.

Готфридсон встал и пожал плечами.

— Я подумал… подумал, что убийство…

Бенни Скакке открыл дверь.

— Будет лучше, если вы пойдете со мной, Готфридсон.

Через несколько минут они подъехали к дому, где жил Готфридсон. В машине он сидел молча, руки у него сильно тряслись. Они поднялись по лестнице, Скакке взял у него ключ и открыл входную дверь.

Они вошли в крошечную темную прихожую с тремя дверями, все они были закрыты. Скакке вопросительно поглядел на Готфридсона.

— Там, — сказал Готфридсон, показывая на дверь слева.

Скакке сделал три шага вперед и открыл дверь.

Комната оказалась пустой.

Мебель была обшарпанная и пыльная, но, судя по всему, все стояло на своих местах. Нигде никаких следов борьбы. Скакке обернулся и посмотрел на Готфридсона, который все еще стоял у входной двери.

— Здесь никого нет, — сказал он.

Готфридсон уставился на него широко раскрытыми глазами, потом медленно подошел к двери в комнату и вытянул вперед руку.

— Но ведь она лежала здесь, — сказал он.

Он в изумлении огляделся вокруг. Потом пересек прихожую н открыл кухонную дверь, Кухня тоже была пустой.

Третья дверь вела в ванную; и там не оказалось ничего примечательного.

Готфридсон запустил руку в свои редкие волосы.

— Как это? — произнес он. — Я же видел, что она лежала здесь.

— Да, — сказал Скакке. — Возможно, видели. Очевидно, она не была мертва. Кстати, а почему вы так решили?

— Я же видел, — ответил Готфридсон. — Она не двигалась и не дышала. К тому же она была холодная. Как покойник.

— Очевидно, она всего лишь выглядела мертвой.

Скакке пришло в голову, что мужчина его разыгрывает и просто-напросто придумал всю эту историю. Возможно, у него вообще нет жены. Хотя, впрочем, видно, что предполагаемая смерть жены, ее воскрешение и исчезновение привели его в состояние оцепенения. Скакке обследовал пол, где, по словам Готфридсона, лежала мертвая женщина. Ни следов крови, ни чего-либо еще ему обнаружить не удалось.

— Ну, ладно, — сказал Скакке. — Теперь ее здесь нет. Может быть, имеет смысл опросить соседей.

Готфридсон попытался его отговорить.

— Не стоит. Мы в плохих отношениях. К тому же они днем не бывают дома.

Он пошел в кухню и сел на табурет.

— Черт бы ее побрал, где же она? — воскликнул он.

В этот момент входная дверь открылась. В прихожую вошла маленькая толстая женщина. На ней были юбка с передником и джемпер, вокруг головы был повязан клетчатый шарф. В руке она держала хозяйственную сумку.

Скакке не знал, что сказать. Женщина тоже молчала. Она быстро прошла мимо него в кухню.

— А, мерзавец, ты уже вернулся?

Готфридсон уставился на нее и открыл рот, чтобы что-то ответить. Его жена с размаху швырнула сумку на кухонный стол.

— А это что за тип? Ты ведь знаешь, мне не нравится, когда ты приводишь сюда своих приятелей-алкоголиков. Твои дружки-пьяницы могут найти себе какое-нибудь другое место.

— Прошу прощения, — неуверенно начал Скакке. — Ваш муж подумал, что с вами произошел несчастный случай и…

— Несчастный случай. — Она фыркнула. — Несчастный случай, еще чего.

Она обернулась и враждебно посмотрела на Скакке.

— Я просто решила его немножко напугать. Пьянствует где-то несколько дней, потом заявляется домой в непотребном виде и начинает распускать руки. Нет уж, теперь с меня довольно.

Женщина размотала шарф. Никаких следов драки на ее лице не было, за исключением небольшой ссадины на скуле.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Скакке. — Вы не ранены?

— Фи! — скривилась она. — Когда он сбил меня с ног, я сделала вид, будто потеряла сознание.

Она повернулась к мужчине.

— Ну что, испугался?

Готфридсон в замешательстве посмотрел на Скакке и что-то пробормотал.

— Кстати, а вы кто такой? — спросила женщина.

Скакке перехватил взгляд Готфридсона и лаконично сказал: «Полиция».

— Полиция! — воскликнула фру Готфридсон.

Она уперлась руками в бедра и с угрожающим выражением лица наклонилась к мужу, который съежился на своей табуретке.

— Ты что, сдурел? — заорала она. — Привел сюда легавого? Зачем, я тебя спрашиваю?

Она выпрямилась и сердито поглядела на Скакке.

— А вы тоже хороши. Надо еще разобраться, что вы за полицейский. Врываетесь в квартиру к ни в чем не повинным людям. Разве вас не учили, что надо предъявлять полицейский значок, когда вы приходите к честным людям?

Скакке торопливо вынул из кармана свое удостоверение.

— А… помощник?

— Помощник инспектора, — сухо сообщил Скакке.

— А что, собственно, вы здесь ищете? Я не сделала ничего дурного и мой муж тоже.

Она встала рядышком с Готфридсоном и покровительственно положила руку ему на плечо.

— У него есть ордер или какой-нибудь другой документ, который дает ему право врываться в наш дом? — спросила она. — Он предъявил тебе что-нибудь?

Готфридсон покачал головой и ничего не ответил.

Скакке сделал шаг вперед и открыл рот, но его опередила фру Готфридсон.

— Ага, так значит, вы здесь незаконно. Меня так и подмывает пожаловаться на вас за вторжение в мою квартиру. А теперь убирайтесь, пока я добрая.

Скакке посмотрел на мужчину, который упорно глядел в пол. Потом пожал плечами, повернулся к этой парочке спиной и с чуточку испорченным настроением возвратился в Южное управление.

Мартин Бек и Колльберг все еще не вернулись с Кунгсхольмсгатан. Они сидели в кабинете Меландера и снова прослушивали пленку с записью допроса Мальма, на этот раз в присутствии Хаммара, который заглянул к ним, чтобы поинтересоваться, удалось ли им еще что-нибудь выяснить.

В кабинете висел плотный дым от сигарет Мартина Бека и сигары Хаммара, а Колльберг поджег в пепельнице обгоревшие спички и пустые коробки из-под сигарет, внеся тем самым свой посильный вклад в загрязнение воздуха. Рённ еще ухудшил ситуацию, открыв окно и впустив в комнату самый грязный городской воздух во всей Северной Европе. Мартин Бек откашлялся и сказал:

— Разработка версии поджога осложняется тем, что все свидетели находятся в больнице и их нельзя допросить.

— Да, — согласился Рённ.

— Я не думаю, что это был поджог, — сказал Хаммар. — Однако нам не следует делать поспешных выводов до тех пор, пока Меландер не закончит свою работу на месте пожара и эксперты не скажут свое слово.

Зазвонил телефон. Колльберг снял трубку и одновременно бросил пустой спичечный коробок в костер, который он разжег в пепельнице. С полминуты он слушал.

— Что? — спросил он с непритворным изумлением, и все находящиеся в кабинете тут же уставились на него.

Колльберг с отсутствующим видом посмотрел на Мартина Бека и сказал:

— Джентльмены, у меня для вас большой сюрприз, черт бы его побрал. Гёран Мальм не погиб во время пожара.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хаммар. — Его что, не было в доме?

— Да нет, он практически полностью сгорел вместе с матрацем. Это звонил прозектор. Он говорит, что Мальм умер еще до того, как начался пожар.

VIII

У медсестры палаты, где лежал Гюнвальд Ларссон, тон был решительный и непреклонный.

— Не могу вам ничем помочь, — сказала она. — Я не хочу понимать, насколько это важно. Для меня самое важное то, что больной Ларссон чувствует себя лучше и ему не пойдет на пользу, если вы будете звонить и волновать его. Доктор приказал, чтобы его никто не беспокоил. Я уже сказала об этом вашему сотруднику Коллербергу[4], который только что звонил и вел себя очень грубо. Перезвоните завтра. До свидания.

Мартин Бек подержал трубку в руке, потом пожал плечами и положил ее на место.

Он сидел у себя в кабинете в Южном управлении. Был вторник, половина девятого утра, и ни Колльберг, ни Скакке еще не пришли. Колльберг, очевидно, был уже на подходе и мог появиться в любой момент.

Мартин Бек снова поднял трубку, набрал номер полицейского участка округа Мария и попросил к телефону Цакриссона. Цакриссон отсутствовал, он должен был заступить на дежурство в час дня.

Мартин Бек распечатал новую пачку сигарет «Флорида», закурил и посмотрел в окно. Пейзаж, открывающийся за ним, был вовсе не таким красивым, как тот, к которому он привык. Мрачный промышленный район и шоссе, ведущее в центр города, все полосы которого забиты автомобилями, ползущими черепашьим шагом. Мартин Бек испытывал отвращение к автомобилям и сам садился за руль лишь в случае крайней необходимости. Ему не нравилось временное управление в Вестберге, и он с нетерпением ждал того дня, когда капитальный ремонт в управлении полиции на Кунгсхольме закончится и все разбросанные по городу отделы снова соберутся под одной крышей.

Мартин Бек повернулся спиной к мрачному пейзажу, закинул руки за голову, и, уставившись в потолок, принялся размышлять.

Когда, как и почему умер Гёран Мальм и какова связь между его смертью и пожаром? Простейшая версия заключалась в том, что кто-то вначале убил Мальма, а потом поджег дом, чтобы уничтожить все следы. Однако как мог в этом случае предполагаемый убийца пробраться в дом и остаться не замеченным Ларссоном или Цакриссоном?

Мартин Бек услышал за дверью в коридоре быстрые, энергичные шаги Скакке, а через минуту объявился и Колльберг. Он грохнул кулаком в дверь Мартина Бека, заглянул внутрь, сказал: «Привет» и исчез. Снова он появился уже без пальто и пиджака и с расслабленным узлом галстука. Он уселся в кресло для посетителей и сообщил:

— Я попытался поговорить с Гюнвальдом Ларссоном по телефону, но мне это не удалось.

— Я знаю, — сказал Мартин Бек. — Я тоже пытался.

— Однако мне удались поговорить с Цакриссоном, — продолжил Колльберг. — Я позвонил ему домой сегодня утром. Гюнвальд Ларссон приехал на Шёльдгатан около половины одиннадцатого, и Цакриссон вскоре после этого ушел. Он говорит, что свет в квартире Мальма погас без четверти восемь. Он также утверждает, что, кроме трех гостей Рота, не видел никого, кто бы входил в дом или выходил оттуда через входную дверь в течение всего вечера. Однако неизвестно, внимательно ли он наблюдал все это время. Стоя там, он вполне мог задремать.

— Да, я тоже об этом думал, — сказал Мартин Бек. — Однако мне кажется совершенно невероятным, что кому-то повезло настолько, что он смог и войти в дом, и выйти незамеченным.

Колльберг вздохнул и потер подбородок.

— Да, в это невозможно поверить, — согласился он. — Какая программа у нас на сегодня?

Мартин Бек три раза чихнул, и Колльберг каждый раз говорил ему: «Будь здоров». Мартин Бек вежливо поблагодарил его.

— Что касается меня, то я собираюсь побеседовать с патологоанатомом, — сказал он.

Раздался стук в дверь. Вошел Скакке и остановился посреди кабинета.

— Ну, чего надо? — буркнул Колльберг.

— Ничего, — ответил Скакке. — Просто я хотел узнать, может быть, что-то прояснилось в деле с пожаром.

Поскольку ни Мартин Бек, ни Колльберг ему не ответили, он нерешительно продолжил:

Я имею в виду, что мог бы что-нибудь сделать…

— Ты уже поел? — спросил Колльберг.

— Нет, — ответил Скакке.

— В таком случае для начала ты можешь сделать нам кофе, — сказал Колльберг. — Ты чего-нибудь еще хочешь, Мартин?

Мартин Бек встал и застегнул пиджак.

— Нет, — сказал он. — Я сейчас поеду в Институт судебной экспертизы.

Он положил в карман пачку «Флориды» и спички и вызвал по телефону такси.

Патологоанатом, который проводил вскрытие, был седым профессором лет семидесяти. Он работал полицейским врачом в те далекие годы, когда Мартин Бек служил простым патрульным, и, кроме того, Мартин Бек слушал его лекции в полицейской школе. С тех пор им часто приходилось работать вместе и Мартин Бек высоко ценил его опыт и знания.

Он постучал в дверь кабинета врача в Институте судебной экспертизы в Сольне, услышал внутри стрекот пишущей машинки и открыл дверь, не ожидая ответа. Профессор печатал на машинке, сидя у окна, спиной к двери. Он закончил печатать, вытащил из машинки лист бумаги и повернулся к Мартину Беку.

— Привет, — поздоровался он. — А я как раз печатаю предварительный протокол для тебя. Как дела?

Мартин Бек расстегнул пальто и сел.

— Так себе, — сказал он. — Этот пожар совершенно загадочен. Кроме того, у меня простуда. Однако для вскрытия я еще не совсем готов.

Профессор внимательно посмотрел на него.

— Тебе нужно обратиться к врачу. Это ненормально, что ты все время ходишь простуженным.

— Да ну их, этих врачей, — сказал Мартин Бек. — Я, конечно, уважаю твоих ученых коллег, но они так и не научились лечить обычную простуду.

Он вытащил платок и с трубным звуком высморкался.

— Ну ладно, давай займемся делом, — сказал он. — В первую очередь меня интересует Мальм.

Профессор снял очки и положил их перед собой на письменный стол.

— Хочешь на него взглянуть? — спросил он.

— Нет, — ответил Мартин Бек. — С меня вполне достаточно того, что ты можешь мне рассказать.

— Должен признать, выглядит он не лучшим образом, — сказал эксперт. — Так же, как и двое других. Что ты хочешь узнать?

— Как он умер?

Профессор вынул носовой платок и начал протирать очки.

— Боюсь, я не смогу тебе этого сказать, — ответил он. — Главное я ведь уже вам сообщил. Мне удалось установить, что он был мертв, когда начался пожар. Когда все вокруг загорелось, он лежал в своей постели, очевидно, полностью одетый.

— Могла ли смерть быть насильственной? — спросил Мартин Бек.

Патологоанатом покачал головой.

— Маловероятно.

— У него были какие-нибудь раны или повреждения на теле?

— Да, естественно. Множество. Жар был очень сильный, и он лежал в характерной позе фехтовальщика. На голове у него было множество трещин, но образовались они после смерти. Кроме того, на теле были ссадины и сдавленности, вероятнее всего, от падающих балок и других предметов, а череп раскололся от жары.

Мартин Бек кивнул. Он уже достаточно насмотрелся на обгоревшие трупы и знал, как легко дилетанту предположить, что повреждения образовались перед смертью.

— А как ты пришел к заключению, что он умер до того, как начался пожар?

— Во-первых, когда тело соприкоснулось с огнем, система кровообращения у него уже не работала. Во-вторых, в его легких н бронхах отсутствовали следы сажи или дыма. У двух других имеются хлопья сажи в дыхательных органах и четкие сгустки крови в сосудах. Что касается их, то несомненно, что они умерли во время пожара.

Мартин Бек встал и подошел к окну. Он посмотрел вниз на шоссе, где желтые машины дорожной службы разбрасывали соль по почти полностью растаявшему серому снегу. Он вздохнул, закурил сигарету и повернулся спиной к окну.

— У тебя есть достаточные основания полагать, что его убили? — спросил профессор.

Мартин Бек пожал плечами.

— Трудно поверить, что он умер естественной смертью как раз перед тем, как загорелся дом.

— Его внутренние органы были вполне здоровыми, — сказал патологоанатом. — Единственная не совсем обычная вещь заключается в том, что содержание окиси углерода у него в крови было слишком высоким, если учесть, что дым он не вдыхал.

Мартин Бек просидел еще полчаса у эксперта перед тем, как вернуться в центр города. Выйдя из автобуса на Норра-Банторгет и вдохнув грязный воздух на автовокзале, он

подумал, что в городе наверняка нет ни одного жителя, который не страдал бы от хронического отравления окисью углерода.

Он немного поразмышлял над важностью того, что сказал патолог о содержании окиси углерода в крови покойного, но вскоре переключился на другое. Спускаясь в метро, он думал о том, что здесь воздух еще более ядовит, чем наверху.

IX

В среду, тринадцатого марта, Гюнвальду Ларссону впервые разрешили встать с постели. Он с трудом натянул на себя больничный халат и хмуро посмотрел на свое отражение в зеркале. Халат был на несколько размеров меньше и выцвел так, что установить его цвет было совершенно невозможно. Потом он взглянул на свои ноги. На них были черные шлепанцы на деревянной подошве, рассчитанные явно на Голиафа и могущие служить эмблемой сапожной мастерской.

Его деньги лежали в тумбочке у кровати. Он взял несколько монеток и направился к ближайшему телефону-автомату для пациентов. Набрал номер управления полиции, машинально одергивая рукав своего неудобного облачения. Рукав не поддался ни на сантиметр.

— Да, — сказал Рённ. — О, это ты? Ну, как дела?

— Прекрасно. Послушай, как я здесь оказался?

— Это я привез тебя в больницу. Ты был немного не в себе.

— Последнее, что я помню, так это то, что я сижу и смотрю на фотографию Цакриссона в газете.

— Ну, это было пять дней назад. Как твои руки?

Гюнвальд Ларссон посмотрел на свою правую руку и осторожно пошевелил пальцами. Рука была могучая, покрытая длинными светлыми волосами.

— Вроде бы нормально, — сказал он. — Осталось только несколько маленьких повязок.

— Ну, это хорошо.

— Ты мог бы не начинать каждую фразу с «ну», — раздраженно сказал Гюнвальд Ларссон.

Рённ на это ничего не ответил.

— Ну, Эйнар?

— Ну, что? — сказал Рённ и рассмеялся.

— Почему ты смеешься?

— Просто так. Тебе что-нибудь нужно?

— Сзади и слева в среднем ящике моего письменного стола лежит черный кожаный кошелек. В нем мой ключ зажигания. Поезжай в Булмору и возьми мой белый халат и белые шлепанцы. Халат висит в платяном шкафу, а шлепанцы стоят в прихожей, у двери.

— Ну, думаю, это мне по силам.

— В спальне, в комоде есть кулек с эмблемой универмага «НК», в нем лежит несколько пижам. Возьми его тоже, слышишь?

— Все эти вещи нужны тебе немедленно?

— Да. Эти дураки выпишут меня не раньше, чем послезавтра. Они мне дали серо-сине-коричневый халат, который на десять размеров меньше, и пару клумпов, похожих на гробы. Как там у вас дела?

— Ну, не так уже и плохо. Нормально.

— Чем занимаются Бек и Колльберг?

— Их здесь нет. Они в Вестберге.

— Прекрасно. Как идет расследование?

— Какое расследование?

— Пожара, чего же еще?

— Это дело закрыто.

— Что? — заорал Гюнвальд Ларссон. — Что ты сказал? Закрыто?

— Да, это был несчастный случай.

— Несчастный случай?

— Ну, примерно так… понимаешь, расследование на месте пожара закончилось сегодня утром и…

— Какого черта, что ты болтаешь? Ты что, пьян?

Гюнвальд Ларссон разговаривал так громко, что палатная сестра вышла в коридор.

— Понимаешь, этот Мальм…

— Больной Ларссон, — строго сказала сестра. — Так нельзя себя вести.

— Заткнись, — гаркнул вышедший из себя Гюнвальд Ларссон.

Сестра была полной дамой лет пятидесяти с решительным подбородком. Она окинула пациента ледяным взглядом и приказала:

— Немедленно повесьте трубку. Судя по всему, вам слишком рано разрешили встать, больной Ларссон. Я должна немедленно сообщить о случившемся врачу.

— Ну, ладно, я приеду как можно скорее, — заверил его Рённ. — Я привезу тебе документы, так что ты сам сможешь во всем разобраться.

— Больной Ларссон, немедленно отправляйтесь в постель, — раздался голос медсестры.

Гюнвальд Ларссон открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

— Ну, пока, — сказал Рённ.

— Пока, — нежно попрощался Гюнвальд Ларссон.

— Я сказала, немедленно в постель, — приказала медсестра. — Вы разве не слышали, больной Ларссон?

Она не сводила с него глаз до тех пор, пока он не закрыл за собой дверь палаты.

Гюнвальд Ларссон хмуро глядел в окно. Оно выходило на север, и он мог видеть почти весь Сёдермальм. Ему казалось, что он даже различает верхушку закопченной трубы, оставшейся на месте пожара.

«Что бы это все могло означать, черт побери?»— подумал он.

И через минуту:

«Они, наверное, сошли с ума, Рённ и все остальные».

В коридоре раздались приближающиеся шаги.

Гюнвальд поспешно нырнул в постель и попытался выглядеть воспитанным и невинным.

Совершенно противоестественная затея.

В трех километрах от него Рённ положил трубку, улыбнулся и постучал указательным пальцем по своему красному носу, словно хотел удержаться от взрыва смеха. Меландер, который сидел напротив него и барабанил на своей старенькой пишущей машинке, поднял взгляд, вынул изо рта трубку и сказал:

— Кто тебя рассмешил?

— Гюнвальд, — сказал Рённ, стараясь подавить смех, — Ему уже лучше. Ты бы только слышал его голос, когда он говорил, какую одежду они ему дали. А потом пришла сестра и принялась на него орать.

— А что он сказал о Мальме и обо всем остальном?

— Пришел в бешенство. Рвал и метал.

— Ты увидишь его?

— Ну, думаю, что да.

Меландер придвинул к Рённу несколько скрепленных между собой листков рапорта и сказал:

— Возьми это с собой… ему будет приятно.

Рённ молча посидел с минуту и сказал:

— Можешь дать мне десять крон на цветы?

Меландер сделал вид, что не слышит.

— Ну, тогда пять, — через минуту сказал Рённ.

Меландер возился со своей трубкой.

— Пять, — упрямо сказал Рённ.

Меландер невозмутимо вытащил бумажник и изучил его содержимое, держа бумажник так, чтобы Рённ не видел, что находится внутри. Наконец, он сказал:

— Можешь разменять банкнот в десять крон?

— Думаю, смогу.

Меландер озадаченно посмотрел на Рённа. Потом достал банкнот в пять крон и положил его на рапорт. Рённ взял деньги и документы и направился к двери.

— Эйнар, — сказал Меландер.

— Ну?

— Где ты собираешься покупать цветы?

— Не знаю.

— Не покупай их в киоске возле больницы. Они там жульничают.

Рённ ушел. Меландер посмотрел на часы и напечатал:

«Дело закрыто. В дополнительных мерах необходимости нет. Стокгольм, среда, 13 марта 1968 года, 14 часов 30 минут».

Он вытащил лист из машинки, достал из кармана авторучку и завершил отчет своей абсолютно неразборчивой подписью. Она была такой крошечной, что Колльберг обычно утверждал, будто бы она похожа на трех дохлых прошлогодних комаров. Потом он положил отчет в корзинку, где лежали документы, с которых нужно было снять копии, выпрямил скрепку, вынул еще одну трубку и принялся ее прочищать.

Меландер со всей серьезностью относился к своим отчетам. Он работал по собственной методике, гарантирующей, что все будет записано и ничего не упущено. Она была частью его системы. Подробности запоминаются легче, если их записывать сразу и формулировать четко и ясно. Ему достаточно было один раз прочесть любой текст, чтобы потом никогда его не забывать. Впрочем, он вообще никогда и ничего не забывал.

Делом о пожаре на Шёльдгатан он занимался ровно пять дней, с пятницы, и закончил его две минуты назад. Поскольку дежурить в субботу и воскресенье ему не было нужно, он теперь надеялся получить четыре выходных подряд. Хаммар уже согласился, конечно, если не случится ничего непредвиденного.

Не рановато ли было ехать в их летний домик в Вермдё? Да, вроде бы, нет. Он мог бы начать покраску, а жена привела бы в порядок кухонные полки, застелила новую бумагу.

Летний домик был его гордостью. Домик перешел к Меландеру по наследству от отца, который тоже был полицейским, сержантом в Накке, и единственное, что мучило Мсландера, так это то, что у него нет детей и ему, в свою очередь, некому оставить домик. Впрочем, решение остаться бездетными они с женой приняли совершенно добровольно, отчасти для удобства, отчасти после тщательных финансовых расчетов. В те времена трудно было предвидеть, что полицейским впоследствии так резко повысят зарплату, и, кроме того, он всегда учитывал, что выбранная им профессия связана с большим риском, и вел себя соответствующим образом.

Он закончил прочищать трубку, набил ее табаком и закурил. Потом встал и пошел в туалет. Он надеялся, что в ближайшее время телефон не зазвонит.

Осмотр мест происшествия был для Фредрика Меландера делом привычным, может, даже более привычным, чем для любого другого полицейского в стране. Ему исполнилось сорок восемь лет, и в молодые годы он учился у таких людей, как Харри Сёдерман и Отто Вендель.[5]

За время работы в отделе расследования убийств, куда он перешел после централизации полиции в 1965 году, он насмотрелся на сотни самых невероятных преступлений и мест происшествия. В подавляющем большинстве они выглядели совершенно непривлекательно. Однако Меландер был человеком невпечатлительным. Он обладал способностью выполнять свою работу абсолютно без всяких эмоций. Многие коллеги завидовали этому его качеству, о наличии которого у себя он даже не подозревал.

Поэтому увиденное на Шёльдгатан вовсе не подействовало на его психику и не вызвало у него каких-либо заметных эмоций.

Работа па месте пожара требовала внимания и систематизации. Сначала необходимо было выяснить, сколько погибло людей. Обнаружили три трупа, в которых опознали Кристину Модиг, Кеннета Рота и Гёрана Мальма. Все три трупа серьезно обгорели. Мальм частично даже обуглился. Его труп нашли последним, когда раскопали самый нижний слой. Кристина Модиг лежала в западном крыле дома, которое относительно меньше пострадало. Обоих мужчин нашли в полностью разрушенном восточном крыле, где начался пожар. Кристине Модиг было четырнадцать лет, она еще ходила в школу. Кеннету Роту было двадцать семь, а Гёрану Мальму — сорок два. Двое последних числились в уголовной картотеке полиции и не имели постоянного места работы. Бóльшая часть этих сведений была известна и раньше.

Задача второй стадии расследования состояла в том, чтобы найти ответ на два вопроса: каковы причины смерти и отчего возник пожар.

Ответ на первый вопрос должен быть дать патологоанатом из Института судебной экспертизы. От вопроса о причине пожара голова должна была болеть у Меландера, несмотря на то, что он никогда не испытывал головной боли.

В его распоряжении было несколько экспертов из пожарного ведомства и Института судебной экспертизы, которые вначале не доставили ему особой радости. Их главный| вклад в расследование состоял в том, что они жмурились и напускали на лица загадочное выражение.

Меландер сделал несколько сот фотографий. Когда находили каждый труп — Кристину Модиг на следующий день после пожара, Кеннета Рота в воскресенье и Гёрана Мальма лишь в понедельник, — он фотографировал его под всеми возможными углами и отправлял останки на вскрытие.

Трупы выглядели не слишком привлекательно, но так как пожар длился недолго, а человеческое тело состоит на 90 процентов из жидкости, то сгорели они не полностью, и медицинским экспертам осталось достаточно работы.

В первых протоколах никаких неожиданностей не оказалось.

Кристина Модинг умерла от отравления окисью углерода. На ней была ночная рубашка, и она лежала в постели. Все указывало на то, что она умерла во время сна. В ее дыхательных органах и бронхах обнаружили частички сажи.

Обстоятельства смерти Кеннета Рота были такими же, за исключением того, что он не был одет и находился в полном сознании. Из-за попыток спастись он сильно обгорел. Он тоже надышался ядовитого дыма, а в его горле, бронхах и легких присутствовала сажа.

Однако с Гёраном Мальмом дело обстояло по-другому.

Были и другие, более разительные отличия. Мальм действительно умер, лежа в своей постели, но удалось установить, что он был полностью одет. Многое указывало на то, что на нем было не только нижнее белье, брюки и пиджак, но также носки, ботинки и пальто. Труп сильно обуглился и лежал в так называемой позе фехтовальщика, которая объясняется сокращением мышц после смерти от жара. Все свидетельствовало о том, что пожар начался в его квартире, однако ничто не говорило о том, что при этом он находился в полном сознании и пытался спастись.

Что же касается причины пожара, то у Меландера уже имелась собственная версия, когда он разговаривал с Мартином Беком и Колльбергом днем в пятницу, хотя он и не стал излагать ее им. Пожар начался вследствие какого-то взрыва и затем очень быстро распространился по всему дому. В глубине души Меландер полагал, что взрыв был вызван горячей золой или тлеющими углями и что прошло несколько часов, прежде чем температура повысилась настолько, что оконные стекла лопнули. На этой стадии Гёран Мальм уже мог быть мертв, а бо́льшая часть утвари и мебели у него в квартире расплавилась или обуглилась точно так же, как пол, потолок и стены. «Взрыв», который, как он полагал, видел Ларссон, в этом случае мог объясняться тем, что огонь мгновенно охватил всю квартиру, когда лопнуло первое оконное стекло и туда ворвался свежий воздух. Естественно, потом уже могли быть вторичные взрывы газовых труб, каких-нибудь веществ, бензина или спирта. Причиной такого пожара могло быть все, что угодно: брошенная сигарета, искра из кухонной плиты, забытый утюг, тостер, неисправность электропроводки; имелись сотни причин, и большинство из них казались весьма вероятными. Однако во всех этих рассуждениях был один прокол и именно поэтому Меландер пока что оставил эту версию при себе. Если огонь тлел так долго, что вся квартира Мальма и он сам обуглились, жар должны были почувствовать в квартире наверху, где в это время находились четыре человека. С другой стороны, никакого противоречия здесь не было, потому что эти люди могли спать или находиться под влиянием алкоголя либо наркотиков. А допрашивать их не входило в его обязанности. С какой стороны ни посмотри, сплошные темные пятна.

Во вторник, в половине второго Меландер вернулся на место пожара после скромного обеда у киоска с сосисками на Рингвеген. Здесь его терпеливо ждал мотоциклист, доставивший ему коричневый конверт. В конверте находилась короткая записка от Колльберга.

«Предварительный телефонный отчет о вскрытии Мальма. Смерть наступила в результате отравления окисью углерода до начала пожара. Следов сажи в легких и дыхательных путях не обнаружено».

Меландер прочел записку трижды. Потом он чуть приподнял брови и спокойно принялся набивать трубку. Он знал, что нужно искать и где именно.

Вскоре он нашел то, что искал.

Предпринимая все возможные меры осторожности, они извлекли из-под обломков все, что еще пять дней назад находилось в кухне Гёрана Мальма. Среди прочего обнаружили маленькую старую газовую плиту на четырех ножках, с двумя горелками. Она стояла на покрытой линолеумом деревянной решетке, но когда последняя сгорела, плита упала. Деревянный пол и перекрытия тоже разрушились, и то, что осталось от наполовину

расплавившейся плиты, лежало в яме на глубине около 80 сантиметров ниже первоначального уровня пола. Газовая плита почти полностью развалилась, однако латунные краны на обеих горелках пострадали меньше всего. Оба крана были открыты; в закрытом состоянии они фиксировались штырьками, входящими в пазы фланцев, и не могли открыться случайно, например, от толчка или от того, что кто-то зацепился за них одеждой. Плита присоединялась к газовой магистрали при помощи резинового патрубка. От него практически ничего не осталось, но все же можно было установить, что он красного цвета, около одного сантиметра в диаметре. Он присоединялся к мундштуку, который, в свою очередь, крепился непосредственно к трубе. Для того, чтобы резиновый патрубок не соскочил с мундштука, он обычно фиксировался хомутиком из оцинкованного железа, затянутого болтом и гайкой. Кроме того, на мундштуке имелся главный вентиль. Оказалось, что вентиль открыт, а хомутик отсутствует на своем месте. Отсутствие хомутика нельзя было объяснить естественными причинами, потому что даже в том случае, если бы резиновый патрубок полностью сгорел, хомутик или, по крайней мере, то, что от него осталось, должно было быть на месте, так как для того, чтобы его снять, нужно было ослабить болт.

Меландеру и его людям понадобилось около трех часов, чтобы найти хомутик. Он действительно был изготовлен из оцинкованною железа и лежат в двух метрах от мундштука газовой трубы. Он не очень пострадал, гайка и болт оказались на месте. Болт, однако, висел на двух последних нитках резьбы. Это означало, что кто-то отвинтил болт и освободил хомутик. Рядом они обнаружили предмет, который сначала приняли за согнутый гвоздь, однако при более внимательном изучении оказалось, что это отвертка со сгоревшей ручкой.

Теперь Меландер продолжил поиски в другом направлении.

В квартире было два источника тепла — изразцовая печь и маленькая железная печурка; заслонки дымоходов у обеих были закрыты.

Дверь в прихожую полностью выгорела, так же как и дверная рама, однако замок сохранился. Ключ торчал изнутри, он немного подплавился, но все же свидетельствовал о том, что дверь была заперта и к тому же на два оборота.

Вскоре начало темнеть и Меландер, обдумывая заметно исправленную версию, направился домой, в свою уютную квартиру на Полхемсгатан, где его ожидал ужин, несколько спокойных часов у телевизора и в завершение всего десятичасовой крепкий сон. Переступив через порог, он увидел, что жена уже накрыла на столе в кухне и еда готова. Печеные бобы и жареные сосиски. Его шлепанцы стояли на привычном месте у кресла перед телевизором, а кровать, казалось, ждала своего хозяина и повелителя.

Не так уж и плохо, подумал Меландер.

Его жена была экономной некрасивой женщиной ростом около 175 сантиметров с большой обвисшей грудью, страдающая плоскостопием. Она была на пять лет моложе его, звали ее Сага. Он считал ее очень красивой и придерживался этого мнения на протяжении более чем двадцати двух лет. Она и вправду ненамного изменилась за это время и по-прежнему весила 65 килограммов, а соски ее грудей остались такими же маленькими, розовыми и цилиндрическими, как ластик на торце карандаша.

Когда они легли в постель и выключили свет, он взял ее за руку и сказал:

— Дорогая.

— Да, Фредрик?

— Этот пожар произошел в результате несчастного случая.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Замечательно. Я люблю тебя.

И они уснули.

На следующее утро Меландер обследовал окна в квартире Мальма. Естественно, стекла и рамы вылетели, но шпингалеты валялись среди золы, кусков черепицы, осколков стекла и прочего хлама. Некоторые из них все еще болтались на обуглившихся остатках оконных рам. Все они были тщательно закрыты изнутри. Фронтон в восточной части дома полностью разрушился в результате взрыва, однако обломки этой стены обуглились не так сильно.

Он нашел еще два предмета.

Во-первых, деревянную раму окна Мальма. Весь ее край был покрыт чем-то желтым и липким. У него не было сомнений, что это остатки пластыря.

Во-вторых, вентилятор, который был вмонтирован в наружную стену. Вентилятор был забит ватой и остатками полотенца.

После этих находок дело совершенно прояснилось. Гёран Мальм совершил самоубийство. Он запер дверь и закрыл все окна, задвинул заслонки и заткнул вентилятор. Он также заклеил пластырем все щели в окнах. Для того, чтобы все кончилось быстро и безболезненно, он ослабил хомутик и снял резиновый патрубок. Потом открыл главный вентиль и лег в кровать. Газ, исходящий через относительно широкую трубу, быстро наполнил комнату; через несколько минут Мальм потерял сознание и максимум через пятнадцать минут умер. Наличие окиси углерода у него в крови, таким образом, объясняется отравлением газом; вероятнее всего, когда начался пожар, он уже был мертв в течение нескольких часов. Все это время газ стремительно выходил из магистрали. Квартира превратилась в настоящую бомбу, крошечной искорки было достаточно, чтобы произошел разрушительный взрыв газа и дом взлетел на воздух.

Последним, что сделал Меландер на месте пожара, было то, что он обследовал газовый счетчик и проверил его показания, получив, таким образом, еще одно доказательство в пользу того, что его версия правильна.

Затем он отправился на Кунгсхольмсгатан и доложил о результатах.

Факты были бесспорными.

Хаммар пришел в восторг и даже не пытался это скрывать.

Колльберг подумал: «А я что говорил», потом сказал это вслух и немедленно начал готовиться к возвращению в относительно спокойную Вестбергу.

Мартин Бек, казалось, о чем-то задумался, но факты оспаривать не стал и утвердительно кивнул.

Рённ с облегчением вздохнул.

Хаммар объявил, что расследование закончено и дело закрыто.

Меландер был доволен собой.

Собственно говоря, оставался один вопрос, на который не было ответа, подумал он. Однако существовали сотни предполагаемых ответов на этот вопрос и выбирать из них единственно правильный было не только не нужно, но и почти невозможно.

Выйдя из туалета, он услышал, как где-то рядом звонит телефон, возможно, даже в его собственном кабинете, но проигнорировал этот звонок. Он пошел в гардероб, надел пальто, и теперь ему предстояли четыре хорошо оплачиваемых выходных дня.

Десятью минутами позже, после пяти с половиной дней адских мук, умерла рыжеволосая Мадлен Ольсен. Ей было двадцать четыре года.

X

Гюнвальд Ларссон тоже задавал себе вопрос, о котором думал Меландер и на который не было ответа.

На нем теперь были его собственный халат и новая пижама, которую он надел в первый раз, а на ногах белые шлепанцы.

Он стоял у окна и старался не смотреть на цветы, которые принес ему Рённ: отвратительно подобранный букет гвоздик, тюльпанов и массы зелени.

— Да, да, — раздраженно произнес он, перелистывая бумаги, которые передал ему Рённ. — Даже ребенок способен это понять.

— Ну, — сказал Рённ.

Он сидел в кресле для посетителей и со скромной гордостью глядел на свой букет.

— Даже если в квартире было столько газа, сколько в первомайском воздушном шаре, не мог же он взорваться сам по себе, черт возьми. Верно?

— Ну…

— Что, ну?

— Ну, почти любая мелочь может вызвать взрыв в заполненной газом комнате.

— Почти любая?

— Да, достаточно даже крошечной искорки.

— Но ведь искорка, черт побери, не может появиться ни с того ни с сего?

— Я как-то расследовал дело, связанное со взрывом газа. Один парень открыл краны и совершил самоубийство. А позже к двери подошел бродяга и позвонил. В звонке проскочила искра, и дом взлетел на воздух.

— Но в данном случае никакой бродяга не звонил в дверь к Мальму.

— Ну, можно найти сотни причин.

— Здесь их быть не может. Существует только одно объяснение, и никто не желает потрудиться, чтобы его найти.

— Его невозможно найти. Все разрушено. Сам подумай, ведь искра может возникнуть в результате короткого замыкания или просто из-за плохой изоляции проводки.

Гюнвальд Ларссон ничего не сказал.

— А во время пожара вся электрическая проводка сгорела, — продолжил Рённ. — Предохранители взорвались. Невозможно даже установить, какой предохранитель вышел из строя раньше, а какой позже.

Гюнвальд Ларссон, как и прежде, ничего не сказал.

— Электрический будильник, радиоприемник, телевизор, — продолжал Рённ. — Искра могла появиться из любой печи.

— Но ведь заслонки были закрыты?

— Искра все равно могла появиться, — упрямо сказал Рённ. — Например, в дымоходе.

Гюнвальд Ларссон нахмурился и в оцепенении уставился поверх голых деревьев и крыш.

— А с чего бы это Мальму понадобилось себя убивать? — неожиданно спросил он.

— Он оказался в ловушке. У него не было денег, и он знал, что полиция следит за ним. То, что его не арестовали, вовсе не означало, что он в безопасности. Стоило появиться Олафсону, и Мальма снова бы взяли.

— Гм, — нерешительно хмыкнул Гюнвальд Ларссон. — Ладно, это правда.

— Дома у него тоже все было очень плохо, — сказал Рённ. — Одинокий. Алкоголик. Состоял на учете в полиции. Дважды разведен. Имеет детей, но много лет не давал денег на их содержание. Его уже собирались послать и трудовой лагерь для алкоголиков.

— Угу.

— К тому же он болен и несколько раз лежал в больнице.

— Ты имеешь в виду, что он не совсем нормальный?

— У него был маниакально-депрессивный психоз. Он впадает в депрессию всякий раз, когда напивается или у него появляются любые неприятности.

— Ладно, достаточно. Достаточно.

— Ну, он уже пытался покончить с собой, — безжалостно продолжил Рённ. — По крайней мере, дважды.

— Но это все равно не объясняет, откуда появилась искра.

Рённ пожал плечами. Возникла минутная пауза.

— За несколько минут до взрыва я кое-что видел, — задумчиво сказал Гюнвальд Ларссон.

— Что?

— Кто-то зажег спичку или щелкнул зажигалкой на втором этаже. Над квартирой Мальма.

— Но ведь взрыв произошел в квартире Мальма, а не там, — произнес Рённ.

Он принялся тереть нос сложенным платком.

— Не делай этого, — сказал Гюнвальд Ларссон, не глядя на него. — Он у тебя становится еще краснее, чем обычно.

— Извини, — сказал Рённ.

Он спрятал платок, немного подумал и произнес:

— Меландер говорит, что поскольку дом старый, газ мог просочиться в верхнюю квартиру, хотя и не в смертельной концентрации.

Гюнвальд Ларссон повернулся и посмотрел на Рённа.

— Кто допрашивал оставшихся в живых?

— Никто.

— Никто?

— Нет. Они не имеют никакого отношения к Мальму. Во всяком случае, на это ничто не указывает.

— Откуда тебе об этом известно?

— Ну…

— Где все они сейчас?

— Они все еще в больнице. Думаю, здесь. Кроме детей. Их забрали в детский дом.

— Они выживут? Я имею в виду взрослых.

— Да, за исключением Мадлен Ольсен. У нее мало шансов, но она еще жива, насколько мне известно.

— Значит, остальных можно допросить?

— Не сейчас. Дело закрыто.

— А ты сам-то веришь, что это был несчастный случай?

Рённ опустил взгляд на свои руки. Наконец кивнул.

— Да. Другого объяснения нет. Все подтверждается.

— Да. За исключением этой искры.

— Ну, вообще-то ты прав. Однако здесь невозможно ничего доказать.

Гюнвальд Ларссон вырвал из носа светлый волос и задумчиво на него уставился. Потом подошел к кровати и сел на нее. Сложил бумаги, которые ему принес Рённ, и швырнул их на тумбочку так, словно он тоже закрывал это дело.

— Тебя выпишут послезавтра?

— Наверное.

— А потом ты, очевидно, будешь неделю на больничном?

— Очевидно, — с отсутствующим видом ответил Гюнвальд Ларссон.

Рённ посмотрел на свои часы.

— Ну, мне пора. У моего сына завтра день рождении, и мне надо купить ему подарок.

— А что ты собираешься ему подарить? — не проявляя особого интереса, спросил Гюнвальд Ларссон.

— Пожарную машину, — ответил Рённ.

Гюнвальд Ларссон уставился на него так, словно он сказал что-то ужасно неприличное.

— Он ее хочет, — объяснил Рённ. — Она примерно такого размера и стоит тридцать две кроны.

Он развел руки, чтобы показать, какого размера пожарная машина.

— Понятно, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Ну… в таком случае, пока.

Гюнвальд Ларссон кивнул. Он ничего не говорил до тех пор, пока Рённ не взялся за дверную ручку.

— Эйнар…

— Да?

— Эти цветы… ты их сам нарвал? На какой-то могиле?

Рённ с обидой посмотрел на него и вышел.

Гюнвальд Ларссон лег на спину, сплел пальцы своих могучих рук за головой и устремил взгляд в потолок.

На следующий день был четверг, четырнадцатое марта; никаких признаков весны пока не наблюдалось, хотя, если верить календарю, она уже наступила. Напротив, ветер стал более холодным и пронизывающим, чем обычно; твердые крупинки снега стучали в окна Южного управления. Колльберг сидел и пил кофе с булочками, разбрасывая крошки по письменному столу Мартина Бека. Сам Мартин Бек пил чай, тщетно надеясь, что его желудку станет лучше. Была половина четвертого, и бо́льшую часть дня Колльберг посвятил ворчанию на Скакке. Когда объект его насмешек время от времени удалялся за пределы слышимости, он смеялся до колик в животе.

Раздался тихий стук в дверь и вошел Скакке. Он бросил робкий взгляд в сторону Колльберга и осторожно положил лист бумаги на стол Мартина Бека.

— Что это? — поинтересовался Колльберг. — Еще один случай мнимой смерти?

— Копия протокола из Института судебной экспертизы, — едва слышно прошептал Скакке и направился к двери.

— Скажи нам, Бенни, — спросил Колльберг с невинным выражением лица, — как это тебе пришла в голову мысль стать полицейским?

Скакке нерешительно остановился и принялся переминаться с ноги на ногу.

— Отлично, — сказал Мартин Бек, взяв документ в руки. — Спасибо. Можешь идти.

Когда дверь закрылась, он взглянул на Колльберга и сказал:

— Может, на сегодня уже достаточно?

— Ладно, — весело ответил Колльберг. — Я могу продолжить завтра. Что это?

Мартин Бек пробежал глазами протокол.

— От Хелма, — сказал он. — Он обследовал ряд предметов с места пожара на Шёльдгатан. Как он говорит, для того, чтобы установить возможную причину пожара. Результаты отрицательные.

Он вздохнул и положил протокол на стол.

— Эта девушка, Мадлен Ольсен, умерла вчера, — произнес он.

— Да, я читал об этом в газетах, — безо всякого интереса сказал Колльберг. — Кстати, а ты не знаешь, почему это ничтожество решило стать полицейским?

Мартин Бек ничего не ответил.

— А я знаю, — сказал Колльберг. — Я читал в его деле. Он написал, что хочет воспользоваться профессией как трамплином в своей карьере. Его цель стать начальником управления полиции.

Колльберг зашелся в очередном приступе смеха и едва не подавился булочкой.

— Не нравится мне это дело с пожаром, — сказал Мартин Бек.

Прозвучало это так, словно он разговаривает сам с собой.

— Что это ты там сидишь и бормочешь? — отдышавшись, спросил Колльберг. — А кому оно нравится? Разве недостаточно, что четыре человека сгорели заживо, а этот слабоумный великан получил медаль?

Колльберг внимательно посмотрел на Мартина Бека и заговорил серьезным тоном:

— Все ведь совершенно ясно, разве не так? Мальм открыл газ и покончил с собой. О том, что произойдет потом, он не думал, а когда дом взорвался, был уже мертв. Погибли трое ни в чем не повинных людей, а полиция лишилась свидетеля и шансов на поимку Олафсона или как там его зовут. Тебе или мне здесь делать нечего. Разве я не прав?

Мартин Бек тщательно высморкался.

— Все сходится, — решительно подвел итог Колльберг. — Только не говори, что сходится слишком хорошо. Или что твоя знаменитая интуиция…

Он осекся и критически оглядел Мартина Бека.

— Черт возьми, по-моему у тебя какая-то депрессия.

Мартин Бек пожал плечами. Колльберг покачал головой.

Они были знакомы давно и отлично понимали друг друга. Колльберг прекрасно знал, что мучит Мартина Бека, однако не мог первым, без его разрешения заговорить на эту тему и поэтому весело предложил:

— Да черт с ним, с этим пожаром. Я уже о нем почти забыл. Как насчет того, чтобы сегодня вечером пойти ко мне? Гюн уходит на какие-то курсы, мы сможем выпить и сыграть партию в шахматы.

— Да, — согласился Мартин Бек. — Почему бы и нет.

Теперь у него был повод прийти домой хотя бы на несколько часов позже.

XI

Гюнвальда Ларссона действительно выписали пятнадцатого марта после утреннего обхода. Доктор велел ему не волноваться и освободил на десять дней от работы, то есть до понедельника, двадцать пятого.

Спустя полчаса он вышел на продуваемое ветром крыльцо Южной больницы, остановил такси и поехал прямо в управление полиции на Кунгсхольмен. Ему не хотелось встречаться с коллегами, и он прошел в свой кабинет никем не замеченный, за исключением дежурного внизу. Он заперся в кабинете и позвонил по телефону в несколько мест. Если бы хоть один из этих разговоров услышало его начальство, он бы схлопотал строгий выговор.

Разговаривая но телефону, он делал записи на листе бумаги, на котором постепенно образовался список из нескольких имен и фамилий.

Из всех полицейских, которые так или иначе занимались пожаром на Шёльдгатан, Гюнвальд Ларссон являлся единственным выходцем из высшего общества. Его отца можно было отнести к богатым людям, хотя после продажи недвижимости от этого богатства мало что осталось. Гюнвальд Ларссон вырос в фешенебельном районе Стокгольма Эстермальм и посещал лучшую школу. Однако вскоре оказалось, что он стал белой вороной в семье. У него были совершенно противоположные взгляды, к тому же он объявлял об этом в самые неподходящие моменты. В конце концов отец счел, что нет другого выхода, как позволить сыну стать моряком.

Гюнвальду Ларссону не понравилась служба в военно-морском флоте и через несколько лет он перешел в торговый флот. Здесь он очень быстро понял, что все его знания, полученные в училище и на борту допотопных военных кораблей, совершенно ничего не стоят.

Все его братья и сестры получили высшее образование и к тому времени, когда умерли родители, уже успели сделать карьеру. Он не поддерживал с ними контактов и, честно говоря, почти забыл об их существовании.

У него не было стремления до конца своих дней оставаться моряком, поэтому ему пришлось подыскать себе другую профессию, которая, желательно, не обрекала бы его на сидячий образ жизни и позволила бы извлечь преимущество из его отличной физической подготовки. К огромному изумлению и невообразимому ужасу его родственников в Лидингё и Эстермальме он стал полицейским.

Мнения о нем, как о полицейском, были самыми различными. Однако почти все недолюбливали его.

В большинстве случаев он поступал не так, как все, а его методы, как правило, были, мягко говоря, не совсем обычными.

Таким же необычным являлся список, лежащий сейчас перед ним на письменном столе.

Гёран Мальм, 42, вор, мертв (самоубийство?);

Кеннет Рот, 27, вор, мертв, похоронен;

Кристина Модиг, 14, несовершеннолетняя проститутка, мертва, похоронена;

Мадлен Ольсен, 24, рыжеволосая проститутка, мертва;

Кент Модиг, 5, ребенок (детский дом);

Клари Модиг, 7 месяцев, грудной ребенок (детский дом);

Агнес Сёдерберг, 68, старуха, дом престарелых в Розенлунде;

Герман Сёдерберг, 67, старый алкоголик, Хёгалидская лечебница;

Макс Карлсон, 23, бандит, Тиммермансгатан, 12;

Анна-Кайса Модиг, 30, проститутка, Южная больница (психиатрическое отделение);

Карла Бергрен, ?, проститутка, Гётгатан, 25.

Гюнвальд Ларссон просмотрел список и решил, что имеет смысл допросить лишь трех последних. Из оставшихся четверо мертвы, двое — маленькие дети, которые еще ничего не понимают, и двое — беспомощные старики.

Он сложил вчетверо лист бумаги, сунул его в карман и вышел из кабинета. Внизу он не сделал даже попытки кивнуть дежурному. Нашел на стоянке свою машину и поехал домой.

Субботу и воскресенье он просидел дома, запоем читая роман Сакса Ромера.[6] О пожаре он совершенно не думал.

В понедельник утром, восемнадцатого марта, он проснулся рано, снял последние повязки, принял душ, побрился и долго выбирал, что надеть. Потом сел в машину и поехал на Гётгатан, где жила Карла Бергрен.

Ему пришлось подняться по двум лестничным маршам, пересечь наискосок заасфальтированный двор, преодолеть еще три грязных лестничных пролета с облупившейся коричневой краской и разболтанными перилами, и наконец он оказался перед щелястой дверью, на которой висел металлический почтовый ящик и был прикреплен клочок картона с написанными от руки словами «Карла Бергрен, манекенщица».

Звонка, по-видимому, здесь не было, поэтому он негромко постучал в дверь, открыл ее и вошел внутрь, не дожидаясь ответа.

Квартира оказалась однокомнатной. Оконная штора была наполовину опущена, и внутри царил полумрак. Воздух был теплым и спертым. Тепло излучали два старомодных электрокамина с открытыми спиралями. Одежда и другие предметы были в беспорядке разбросаны по полу. Единственным предметом в комнате, который нельзя было сразу же отправить в мусорное ведро, оказалась кровать. Она была достаточно большой, а постельное белье выглядело сравнительно чистым.

Карла Бергрен была в квартире одна. Она уже проснулась, но все еще не встала и лежала в кровати, читая женский журнал. Так же, как и в прошлый раз, когда он ее видел, она была голая и выглядела почти как тогда, за исключением того, что теперь она не дрожала от холода и не заходилась в истерике. Напротив, она казалась очень спокойной.

Она была хорошо сложена, очень стройная, с крашеными светлыми волосами и маленькими, чуть обвисшими грудями, которые наверняка смотрелись наиболее выгодно, когда она лежала на спине, как сейчас; волосы у нее между ног были мышиного цвета. Она лениво потянулась, зевнула и сказала:

— По-моему, еще немного рановато, но, впрочем, ладно.

Гюнвальд Ларссон ничего не сказал, и она, очевидно, ошибочно истолковала его молчание.

— Деньги, естественно, вперед. Положи их на столик вон там. Надеюсь, тебе известна такса? А может быть, тебе хочется чего-нибудь исключительного? Как насчет небольшого шведского массажа? Ручная работа, не пожалеешь.

Ему пришлось пригнуться, чтобы пройти в дверь, а комната была такой крошечной, что он едва в ней поместился. Здесь воняло потом, застоявшимся табачным дымом и дешевой косметикой. Он шагнул к окну и попытался поднять шторы, однако пружину заело, и в результате штора почти полностью опустилась.

Девушка на кровати наблюдала, как он это делает. Внезапно она узнала его.

— Ой, — сказала она. — Я тебя узнала. Ведь это ты спас мне жизнь, да?

— Да.

— Я так тебе благодарна.

— Не стоит благодарностей.

Она чуть задумалась, слегка раздвинула ноги и провела правой рукой по гениталиям.

— Это совсем другое дело, — произнесла она. — Для тебя, конечно, это будет бесплатно.

— Набрось на себя что-нибудь, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Почти каждый говорит, что я привлекательно выгляжу, — застенчиво сказала она.

— Только не я.

— И в постели я тоже хороша. Так все говорят.

— К тому же не в моих правилах допрашивать голых… людей.

Он чуть замялся, подыскивая слово, словно не был уверен, к какой категории следует ее отнести.

— Допрашивать? Ах да, конечно, ведь ты легавый.

И после секундного колебания:

— Я ничего не сделала.

— Ты проститутка.

— Ой, не будь таким грубым. Разве в этом есть что-то плохое?

— Оденься.

Она вздохнула, покопалась в простынях, нашла махровый халат и набросила его на себя.

— А в чем дело? — спросила она. — Чего тебе надо?

— Я хочу спросить тебя кое о чем.

— Меня? О чем же?

— Например, о том, что ты делала в том доме.

— Ничего противозаконного, — сказала она. — Это правда.

Гюнвальд Ларссон вынул шариковую ручку и вырвал из блокнота несколько листов.

— Как тебя зовут?

— Карла Бергрен, но в действительности…

— В действительности? Не вздумай лгать.

— Нет, — сказала она, надувшись, как ребенок. — Я не собираюсь тебе лгать. В действительности меня зовут Карин София Петерсон. Бергрен — это фамилия мамы. А Карла звучит лучше.

— Откуда ты приехала?

— Из Шиллингарюда. Это в Смоланде.

— Ты давно живешь в Стокгольме?

— Больше года. Почти восемнадцать месяцев.

— У тебя было здесь какое-нибудь постоянное место работы?

— Ну… смотря, что ты имеешь в виду. Я немного работала манекенщицей. Это довольно тяжелая работа.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать… почти.

— Значит, шестнадцать, да?

Она кивнула.

— Итак, что вы делали в той квартире?

— У нас была всего лишь маленькая вечеринка.

— Ты имеешь в виду, что вы ужинали и все такое прочее?

— Нет. Это была секс-парти.

— Секс-парти?

— Ну да. Ты что, никогда о таком не слышал? Это классная вещь.

— Ага, — равнодушно сказал Гюнвальд Ларссон, переворачивая страницу. — Ты хорошо знала этих людей?

— Парня, который там жил, я раньше никогда не видела. По-моему, его звали Кент.

— Кеннет Рот.

— Ах, вот как? Ну, все равно, я никогда раньше о нем не слышала. С Мадлен я тоже была плохо знакома. Они умерли, да?

— Да. А что ты можешь сказать о Максе Карлсоне?

— Я его знала. Мы иногда с ним встречались, но только для того чтобы переспать и получить удовольствие. Это он меня туда привел.

— Он твой сутенер?

Она покачала головой и сказала с наивной торжественностью:

— Нет, я в них не нуждаюсь. С ними одна морока. Этим парням нужны только деньги; кроме своей доли, их больше ничего не интересует.

— Ты знала Гёрана Мальма?

— Это тот парень, который покончил с собой и устроил пожар? Тот, что жил внизу?

— Совершенно верно.

— Никогда о нем не слыхала. Но то, что он сделал, — это просто ужасно.

— А остальные знали его?

— По-моему, нет. Во всяком случае, Макс и Мадлен его не знали. Может быть, с ним был знаком Кент, то есть Кеннет, ведь он там жил, так ведь?

— Ну ладно, что вы там делали?

— Трахались.

Гюнвальд Ларссон пристально посмотрел на нее и медленно сказал:

— Нам придется поговорить об этой вечеринке более подробно. В котором часу ты туда пришла? И как вообще получилось, что ты туда попала?

— Меня пригласил Макс. Сказал, что мы неплохо развлечемся. По пути мы захватили с собой Мадлен.

— Вы добирались туда пешком?

— Пешком! В такую погоду! Мы взяли такси.

— Когда вы туда приехали?

— По-моему, около девяти.

— Что вы там делали?

— У парня, который там жил, оказалось две бутылки вина, и мы их выпили. Потом слушали музыку.

— Ты не заметила ничего необычного?

Она снова покачала головой.

— Что ты имеешь в виду?

— Продолжай, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Ну, потом Мадлен разделась. Да на ней-то и смотреть не на что. Я сделала то же самое. Ребята тоже. А потом… потом мы танцевали.

— Голые?

— Да. Это классная вещь.

— Понятно, продолжай.

— Мы какое-то время танцевали. Потом сели и покурили.

— Покурили?

— Да. Гашиш. Чтобы получить кайф. Это классно.

— Кто давал тебе гашиш?

— Макс. Он…

— Да? Что же он делал?

— Ну, ладно! Ты ведь спас мне жизнь, и, кроме того, я пообещала тебе говорить правду. Но я ничего не сделала.

— Так чем же занимался Макс?

— Он торговал гашишем. В основном, продавал его подросткам.

Гюнвальд Ларссон сделал пометку.

— Что было потом?

— Ну, ребята бросили жребий, кому с кем оставаться. Это было очень забавно. Ты, наверное, сам участвовал в таких делах.

— Они подбросили монетку?

— Точно. Максу досталась Мадлен, и они ушли в другую комнату. А я и этот парень, Кеннет, остались в кухне. Мы собирались…

— Продолжай, я слушаю.

— Ой, ты наверняка сам участвовал в таких вечеринках. Сначала мы собирались заняться этим делом попарно, а потом собраться всей компанией, если, конечно, ребята еще будут на что-то способны. Это самая классная вещь, я тебе точно говорю.

— Свет вы выключили?

— Да. Тот парень и я легли на пол в кухне. Впрочем…

— Что, впрочем?

— Ну, произошла странная вещь — я уснула. Проснулась я оттого, что Мадлен меня тормошила; она растолкала меня и сказала, что Макс сердится оттого, что я не иду к нему. В этот момент я лежала на том парне сверху, раскинув ноги.

— Дверь между кухней и комнатой была закрыта?

— Да, и тот парень, Кеннет, тоже уснул. Мадлен принялась его тормошить. Я щелкнула зажигалкой, посмотрела, сколько времени, и увидела, что была с ним в кухне больше часа.

Гюнвальд Ларссон кивнул.

— Я ужасно себя чувствовала, но все же встала и пошла в комнату. Макс схватил меня, повалил на пол и сказал:

— Ну, так что же он сказал?

— Сейчас мы с тобой займемся делом, сказал он. Эта рыжая сучка ни на что не способна. А потом…

— Да, я слушаю.

—А потом я больше ничего не помню, кроме того, что раздался хлопок, похожий на выстрел, в комнате сразу стало полно дыма и огня. А потом появился ты… О Боже, это было ужасно.

— И тебе ничего не показалось странным?

— Только то, что я уснула. Обычно со мной такого не бывает. Я имела дело со многими настоящими ценителями, и они говорят, что я отлично знаю свое ремесло. И к тому же очень привлекательна.

Гюнвальд Ларссон кивнул и спрятал листочки бумаги. Он долго разглядывал девушку и, наконец, сказал:

— По-моему, ты довольно уродлива. У тебя обвисшие груди и мешки под глазами, ты выглядишь больной и жалкой. Через несколько лет ты опустишься, превратишься в жалкую развалину и станешь выглядеть так ужасно, что к тебе будет даже страшно прикоснуться. До свидания.

На лестнице он остановился и вернулся в квартиру. Девушка сняла халат и щупала у себя под мышками. Она хихикнула и сказала:

— В больнице у меня отросла щетина. Ты передумал?

— Я подумал, что тебе стоит купить билет в Смоланд, поехать домой и найти себе нормальную работу, — сказал он.

— Там вообще нет никакой работы, — ответила она.

Он захлопнул дверь за собой с такой силой, что она едва не соскочила с петель.

Гюнвальд Ларссон постоял несколько минут на Гётгатан. Что же он выяснил? То, что газ из квартиры Мальма просачивался в кухню верхней квартиры, вероятнее всего, вдоль водопроводных и канализационных труб. То, что концентрации газа хватило, чтобы люди наверху уснули, однако, она оказалась недостаточной, чтобы газ взорвался, когда Карин София Петерсен щелкнула своей зажигалкой.

Что это означало? В общем-то, ничего; во всяком случае, настроение у него не улучшилось.

Он чувствовал себя уставшим и нездоровым. Ему казалось, что после допроса девушки в ее мрачной комнате у него полный упадок сил. Он прямиком направился в турецкие бани и провел там три безмятежных часа.

В понедельник днем у Мартина Бека состоялся телефонный разговор, о котором никто в отделе не должен был знать. Он дождался, когда Колльберг и Скакке вышли, набрал номер Института судебной экспертизы и попросил к телефону человека по фамилии Хелм, которого считали одним из наиболее опытных криминалистов в мире.

— Ты осматривал труп Мальма как до вскрытия, так и после него?

— Естественно, — сердито ответил Хелм.

— Как по-твоему, в нем было что-нибудь необычное?

— В общем-то нет. Разве только то, что труп слишком сильно обгорел. Я имею в виду, со всех сторон. Даже сзади, хотя он лежал на спине.

Хелм сделал паузу и задумчиво добавил:

— Матрац, естественно, тоже сгорел.

— Да, понятно, — сказал Мартин Бек.

— Не понимаю я вас, парни, — в недоумении сказал Хелм. — Разве это дело не закрыто? Зачем же…

В этот момент Колльберг открыл дверь и Мартину Беку пришлось поспешно закончить разговор.

XII

Во вторник, девятнадцатого числа, Гюнвальд Ларссон был близок к тому, чтобы все бросить. Он знал, что деятельность, которую он развил на протяжении последних нескольких дней, была не совсем законной, и до сих пор не удалось обнаружить ничего, что бы могло оправдать его поведение. Действительно, он не мог доказать, что существовала какая-либо связь между Мальмом и другими людьми в доме, когда начался пожар, и теперь знал еще меньше, чем раньше, откуда взялась роковая искра.

Его утренний визит в Южную больницу позволил подтвердить лишь то, что уже и так раньше в общем-то было известно. Кристина Модиг спала в маленькой мансарде, потому что в квартире ее матери было тесно и, кроме того, ее маленькие брат и сестра очень шумели. Вряд ли поведение девушки можно было считать нормальным, но полиции до всего этого никакого дела было. Будучи малолетней, она уже одно время находилась на попечении у

государства, однако теперь у властей стала модной точка зрения, что нужно использовать другие методы, когда юные девушки сбиваются с пути. Таких подростков стало слишком много, а работников социальных служб не хватало и, к тому же, методы их работы устарели. В результате многие подростки оказались предоставлены самим себе и делали все, что хотели; это ухудшало репутацию страны и приводило родителей и учителей в состояние отчаяния и бессилия. И все же, как уже говорилось, полиции до всего этого не было никакого дела.

То, что Анна-Кайса Модиг нуждается в помощи психиатра, было очевидно даже для такого относительно нечувствительного человека, как Гюнвальд Ларссон. С ней было трудно разговаривать, она все время дрожала и плакала. Он выяснил, что в мансарде была керосиновая печка, впрочем, об этом он уже знал и без нее. Разговор с ней ничего не дал, тем не менее он сидел у нее до тех пор, пока врач не рассердился и не выставил его оттуда.

Из квартиры Макса Карлсона на Тиммермансгатан не доносилось никаких признаков жизни, хотя Ларссон энергично стучал в дверь. Вероятнее всего, там просто никого не было.

Гюнвальд Ларссон поехал к себе домой в Булмору, надел клетчатый фартук и отправился в кухню, где приготовил яичницу с ветчиной и жареным картофелем. Потом он выпил чашку чая, выбрав сорт, который соответствовал его сегодняшнему настроению. К тому времени, когда он покончил с едой и вымыл посуду, было уже больше трех часов дня.

Он немного постоял у окна, глядя на высотные жилые дома этого респектабельного, но невероятно скучного пригорода. Потом спустился вниз, сел в машину опять поехал на Тиммермансгатан.

Макс Карлсон жил на втором этаже старого дома, который, однако, был в довольно приличном состоянии. Гюнвальд Ларссон оставил машину в трех кварталах от дома, но не из осторожности, а скорее из-за хронической нехватки мест для стоянки. Он быстро шагал по тротуару и находился уже менее чем в десяти метрах от парадного, как вдруг заметил человека, идущего ему на встречу, — девочку лет тринадцати или четырнадцати, похожую на тысячи других, с длинными развевающимися волосами, в джинсах и курточке. В руке она несла вытертый кожаный портфель и, очевидно, шла прямо из школы. В ее внешности и одежде не было ничего необычного, и он, вероятно, никогда бы не обратил внимания на девочку, если бы не ее поведение. Она двигалась чересчур беззаботно, словно изо всех сил старалась выглядеть спокойной и естественной, но, несмотря на это, ежесекундно с тревогой и виноватым видом оглядывалась но сторонам. Встретившись с ним взглядом, она немного поколебалась и остановилась, а он продолжал идти прямо, мимо нее и парадного. Девочка проводила его взглядом и вошла в парадное.

Гюнвальд Ларссон остановился, вернулся назад и последовал за ней. Двигался он быстро и бесшумно, несмотря на то, что был крупным и тяжелым, и, когда девочка постучала в дверь к Карлсону, Гюнвальд Ларссон уже успел преодолеть половину лестницы. Она тихонько постучала четыре раза; это было похоже на какой-то сигнал, и он попытался запомнить ритм. Она облегчила ему задачу, повторив стук почти сразу же, через пять или шесть секунд. Немедленно после повторного стука дверь приоткрылась; он услышал звяканье цепочки, дверь распахнулась и тут же захлопнулась. Он спустился в парадное и, прислонившись к стене, принялся ждать.

Через две или три минуты дверь наверху открылась и он услышал легкие шаги на лестнице. Ясно было, что сделка состоялась очень быстро, потому что, спустившись в парадное, девочка все еще возилась с замком своего портфеля. Гюнвальд Ларссон вытянул левую руку и схватил ее за запястье. Она остановилась, как вкопанная, и уставилась на него, не делая, однако, никакой попытки освободиться, заплакать или убежать. Казалось, она даже не очень испугалась, а скорее давно примирилась с тем, что нечто подобное раньше или позже обязательно должно произойти. Он молча открыл портфель и достал оттуда

спичечный коробок Там лежало около десяти белых таблеток. Он отпустил запястье девочки и кивком показал, что она может идти. Она удивленно посмотрела на него и выбежала из парадного.

Гюнвальд Ларссон не торопился. Он с минуту разглядывал таблетки, потом положил их в карман и медленно поднялся по лестнице. Прислушиваясь, подождал тридцать секунд у двери. Никаких звуков из квартиры не доносилось. Он поднял руку и костяшками пальцев исполнил две быстрых серии ударов с интервалом около пяти секунд между ними.

Макс Карлсон открыл дверь. Теперь он выглядел намного лучше, чем в предыдущий раз, но Гюнвальд Ларссон помнил его лицо, и не было никакого сомнения, что и у того тоже хорошая память.

— Добрый день, — сказал Гюнвальд Ларссон, поставив ногу в зазор между дверью и косяком.

— О, это вы? — сказал Макс Карлсон.

— Я всего лишь хотел спросить, как вы себя чувствуете.

— Спасибо, очень хорошо.

Макс Карлсон оказался в сложной ситуации. Он знал, что его гость полицейский и что этот гость воспользовался условным сигналом. Цепочка была наброшена, и если бы он попытался захлопнуть дверь и что-нибудь спрятать, то автоматически выдал бы себя.

— Мне хотелось бы вас кое о чем спросить, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Он находился в не менее сложной ситуации. У него не было никакого права входить в квартиру, и он не мог официально допросить хозяина, если бы тот не согласился.

— Ну… — неопределенно сказал Макс Карлсон. Он на сделал даже попытки сбросить цепочку, но было видно, что он не знает, как вести себя дальше.

Гюнвальд Ларссон разрешил проблему, неожиданно навалившись правым плечом на дверь. Шурупы, на которых держалась цепочка, с треском вырвало из деревянного косяка. Мужчина внутри поспешно попятился, словно боялся, что на него упадет дверь. Гюнвальд Ларссон вошел в квартиру, закрыл за собой дверь и повернув ключ в замке. Он посмотрел на болтающуюся цепочку и сказал:

— Дрянная работа.

— Вы что, ненормальный?

— Вам следовало бы поставить шурупы подлиннее.

— Черт возьми, что все это значит? Как вы посмели ворваться в чужую квартиру?

— Я вовсе не врывался, — ответил Гюнвальд Ларссон. — В том, что цепочка сломалась, моей вины нет. Разве я не сказал, что вам следовало поставить шурупы подлиннее?

— Что вам нужно?

— Всего лишь немножечко с вами побеседовать.

Гюнвальд Ларссон огляделся вокруг для того, чтобы убедиться, что мужчина в квартире один. Квартира была небольшой, но выглядела уютной. Сам Макс Карлсон тоже выглядел внушительно, высокий, широкоплечий, весом не менее 80 килограммов. Такой наверняка умеет за себя постоять, подумал Гюнвальд Ларссон.

— Побеседовать? — сказал мужчина, сжимая кулаки. — О чем?

— О том, что вы делали в той квартире до того, как начался пожар.

Мужчина, казалось, чуть расслабился

— Ах, об этом, — сказал он.

— Да, именно об этом.

— Мы всего лишь устроили небольшую вечеринку. Несколько бутербродов, немного пива и музыки.

— Так, значит, такой маленький семейный вечер?

— Да. Та крошка Мадлен была моей девушкой, а…

Он замолчал и напустил на себя траурный вид.

— Что же дальше? — спокойно поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

— А Кеннет встречался с другой девушкой, которую звали Карла.

— А не наоборот?

— Наоборот? Что вы имеет в виду?

— А с кем встречалась та школьница, которая была здесь пять минут назад?

— Какая школьница? Здесь не было никакой школьницы…

Гюнвальд Ларссон ударил мужчину, быстро и сильно, застав его врасплох.

Макс Карлсон отлетел на два шага, но не упал.

— Какого черта! Ты что делаешь, проклятый легавый? — заорал он.

Гюнвальд Ларссон ударил его еще раз. Мужчина схватился за край стола, однако не смог удержать равновесие и рухнул, потянув вслед за собой со стола скатерть. Декоративная ваза из толстого стекла упала на пол. Мужчина вскочил на ноги. Из уголка рта у него стекала тонкая струйка крови. В правой руке он держал тяжелую стеклянную вазу.

— Ну, сучий… — начал он.

Он провел тыльной стороной левой ладони по лицу, посмотрел на кровь и поднял свое оружие.

Гюнвальд Ларссон ударил его в третий раз. Карлсон ударился спиной о стул и, опрокинув его, упал на пол. Когда он встал на четвереньки, Гюнвальд Ларссон сильно пнул его в правое запястье. Стеклянная ваза перелетела через комнату и с глухим стуком ударила в стенку.

Макс Карлсон медленно поднялся на колено, прикрывая один глаз рукой. Взгляд его другого глаза был испуганным и встревоженным. Гюнвальд Ларссон спокойно посмотрел на него и сказал:

— Где твой товар?

— Какой товар?

Гюнвальд Ларссон сжал кулак.

— Нет, нет, ради Бога, не надо, — поспешно сказал мужчина. — Я…

— Где?

— В кухне.

— Где в кухне?

— Под нижней крышкой газовой плиты.

— Вот так-то лучше, — произнес Гюнвальд Ларссон. Он посмотрел на свой правый кулак. Кулак был очень большой, с красными точками в тех местах, где сгорели толстые светлые волоски. Макс Карлсон тоже на него посмотрел.

— Так что же вы делали вместе с Ротом и теми двумя проститутками? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Мы трах…

— Меня не интересует ваш половой разврат. Я хочу знать, кто поджег дом?

— Поджег дом… нет, нет, ради Бога, мне обо этом ничего не известно. А Кеннет погиб…

— Чем занимался Рот? Наркотики?

— Откуда мне знать..?

— Говори правду, — предупредил Гюнвальд Ларссон.

— Нет, нет, не надо. Умоляю, заберите меня в полицейский участок.

— Успеется, — сказал Гюнвальд Ларссон и сделал шаг вперед. — Рот тоже торговал наркотиками?

— Нет… спиртные напитки.

— Спиртные напитки?

— Да.

— Краденые?

— Да.

— Контрабанда?

— Да.

— Где он держал свой товар?

— В…

— Продолжай.

— В мансарде дома, где он жил.

— Но ты не имел дела со спиртными напитками?

Карлсон покачал головой.

— Только проститутки и наркотики?

— Да.

— А Мальм? Чем он занимался?

— Я не был знаком с Мальмом.

— Нет, был.

— Я плохо его знал.

— Однако вы обделывали свои дела вместе, ты, Рот и Мальм?

Карлсон облизал губы. Он по-прежнему прикрывал рукой правый глаз, левый выражал странную смесь ненависти и страха.

— В известном смысле, — наконец сказал он.

— А Рот и Мальм хорошо знали друг друга?

— Да.

— Так значит, Рот торговал спиртным?

— Да.

— А ты занимался продажей наркотиков. Еще десять минут назад. Теперь ты прекратил свою деятельность. Чем занимался Мальм?

— По-моему, это было связано с автомобилями.

— Вот как, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Таких три маленьких бизнесмена, каждый в своей области. Какой была твоя доля?

— Никакой.

— Я имею в виду, кто у вас был главным?

— Никто. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Кулак ударил в четвертый раз, с чудовищной силой. Удар пришелся мужчине в правое плечо и отбросил его к стенке.

— Имя, — зарычал Гюнвальд Ларссон. — Имя! И побыстрее, черт возьми!

В ответ он услышал хриплый шепот:

— Олафсон. Бертил Олафсон.

Гюнвальд Ларссон пристально смотрел на мужчину, которого звали Макс Карлсон, мужчину, жизнь которого он спас десятью днями раньше.

Мужчина тупо глядел на него своим здоровым глазом.

— А сейчас, — сказал Гюнвальд Ларссон, — ты встанешь, пойдешь в кухню и покажешь, где находится твой товар.

Тайник был устроен очень умело, и его трудно было обнаружить при поверхностном осмотре. Под нижней крышкой плиты оказались достаточные запасы гашиша и амфетаминов, все наркотики в аккуратных пакетиках. С другой стороны, их было не так уж и много. Карлсон оказался типичным мелким торговцем, который в конце цепочки доставляет наркотики школьникам в обмен на их карманные деньги или на то, что они смогли украсть у своих родителей, либо добыть, взломав телефонные или торговые автоматы. Через какое количество посредников прошел товар, прежде чем попасть к нему в руки, он наверняка не имел ни малейшего представления. Между ним и корнями зла был огромный комплекс политических и социальных просчетов.

Гюнвальд Ларссон вышел в прихожую и позвонил в полицию.

— Пришлите пару ребят, которые занимаются наркотиками, — коротко сказал он.

Парни, которые пришли за Карлсоном, работали в специальном отделе по борьбе с наркотиками. Они были высокие, с румяными щеками, в ярких свитерах и вязаных шапочках. Один из них отдал честь, когда вошел, и Гюнвальд съязвил:

— Прекрасная маскировка. Вам не мешало бы еще захватить с собой удочки. Кстати, форменные брюки сильно мнутся, если их заправлять в носки, как это сделали вы. Кроме того, как-то не принято отдавать честь, когда на тебе надет обычный свитер.

Оба парня из отдела наркотиков зарумянились еще больше и с подозрением уставились на разбросанную по комнате мебель.

— У нас тут произошло небольшое недоразумение, — небрежно заметил Гюнвальд Ларссон.

Он огляделся вокруг и добавил:

— Тому, кто будет вести это дело, скажете, что этого субъекта зовут Макс Карлсон и что он ничего не хочет говорить.

Потом он пожал плечами и вышел. Он был прав. Мужчина ничего не сказал, даже того, что его зовут Макс Карлсон. Он был упрямым.

Гюнвальду Ларссону, таким образом, удалось установить, что в доме на Шёльдгатан были три мелких бандита, двое из них уже умерли, а третий в данный момент находился на полпути к тюремной камере. Однако, ему не удалось выяснить, откуда взялась пресловутая искра, и его шансы на это стали еще меньше, чем раньше.

Более того, он почувствовал себя действительно больным. Он отправился домой, разделся и принял душ. Потом отключил телефон, лег в постель и раскрыл роман Сакса Ромера.

XIII

Порыв свежего воздуха рассеял тучи, и звезды заняли благоприятное положение на небе на следующий день утром, то есть в среду, двадцатого марта, и именно Колльберг совершенно незаслуженно первым узнал об этом.

Он сидел за своим письменным столом в Южном управлении полиции в Вестберге и пытался решить шахматную задачу в «Свенска Дагбладет». Дело двигалось туго, потому что он непрерывно думал о предстоящем обеде и ему трудно было сосредоточиться. Час назад он позвонив жене и сказал, что собирается пообедать дома. С его стороны это было

чрезвычайно предусмотрительно, так как у нее оставалось много времени и он мог рассчитывать на что-нибудь особенно вкусненькое.

С утра позвонил Мартин Бек и пробормотал что-то о совещании у начальства и о том, что он придет позже. Это вдохновило Колльберга, и он дал Скакке задание, которое наверняка могло укрепить мышцы ног, однако, во всех других отношениях было совершенно бессмысленным.

В умиротворенном ожидании обеда он посмотрел на часы, и в этот момент зазвонил телефон. Он поднял трубку и сказал:

— Колльберг слушает.

— Гм. Это Хелм. Привет!

Кольборг не помнил, чтобы он обращался в Институт судебной экспертизы с какой-нибудь неотложной просьбой, и поэтому, ничего не подозревая, спросил:

— Примет! Могу быть чем-нибудь полезен?

— В таком случае, это бы произошло впервые в истории криминалистики, — кисло ответил Хелм.

Хелм был ворчливым и раздражительным человеком, но в то же самое время знаменитым криминалистом, и опыт показывал, что спорить с ним не стоит. Поэтому Колльберг обычно старался разговаривать с ним только в самых необходимых случаях и сегодня не собирался отступать от этого правила.

— Иногда я начинаю сомневаться, что вы находитесь в своем уме, — пожаловался Хелм.

— Отчего же? — любезно поинтересовался Колльберг.

— Десять дней назад Меландер прислал нам несколько сот предметов с места пожара, гору всякого мусора, от консервных банок и до камня с отпечатками пальцев Гюнвальда Ларссона.

— Да, понятно, — сказал Колльберг.

— Понятно! Хотел бы я на тебя посмотреть, если бы тебе пришлось целыми днями копаться во всей этой куче. Конечно, намного легче положить кусок смерзшегося мусора в пластиковый мешок и прикрепить к нему табличку с надписью «Неизвестный предмет», чем попытаться установить, что это такое. Ты согласен?

— Я знаю, что у тебя всегда хватает работы, — льстиво произнес Колльберг.

— Хватает работы? Это что же, такая шутка? Тебе известно, сколько экспертиз мы проводим ежегодно?

Колльберг не имел об этом никакого понятия и воздержался от предположений.

— Пятьдесят тысяч. А тебе известно, сколько у нас сотрудников? — Хелм помолчал и через несколько секунд продолжил: — Ну, так вот. Когда мы уже шесть дней, не разгибаясь, трудились над этими предметами, позвонил Рённ и сказал, что дело закрыто и что мы можем все это выбросить в мусорное ведро.

Колльберг с раздражением взглянул на часы.

— Верно, — сказал он. — Рённ говорил правду.

— Ах вот как! Кому же прикажете верить, если потом позвонил Гюнвальд Ларссон и сказал, что дело вовсе не закрыто и мы должны продолжать работу и поторапливаться, потому что это очень важно.

— Он не имел права так поступать, — запальчиво заявил Колльберг. — Его ударило куском черепицы по голове и теперь он еще более ненормальный, чем обычно.

— Ага. А в понедельник я случайно встретил Хаммара и он подтвердил то, что ты только что сказал: дело закрыто и расследование прекращено.

— Ну вот видишь.

— А через пятнадцать минут нам позвонил Бек и поинтересовался, не обнаружили ли мы что-нибудь «необычное» в связи с этим чертовым пожаром.

— Мартин?

— Вот именно. Таким образом, с нами уже разговаривали Меландер, Рённ, Ларссон, Хаммар и Бек, причем каждый последующий противоречил предыдущему, и мы теперь не знаем, как все это понимать.

— Ну?

— Сегодня я попытался связаться с кем-нибудь из них. И что же? Ларссон болен и находится дома. Я позвонил ему домой, и мне никто не ответил. Потом я попробовал найти Хаммара, однако оказалось, что он в отпуске. Я попросил к телефону Меландера, но кто-то ответил мне, что он час назад пошел в туалет и до сих пор не вернулся. Рённ куда-то ушел, Бек на совещании, а Скакке отправился искать Рённа. Ты единственный человек, с кем я вообще могу поговорить.

«К сожалению», — подумал Колльберг, но вслух сказал:

— А что случилось?

— Видишь ли, этот человек, Мальм, лежал из спине на матраце и, как я уже сообщил Беку, сильно обгорел сзади. И Бек, и я пришли к выводу, что это объясняется тем, что матрац тоже сгорел. Это звучит логично, так?

— Конечно. Но послушай, ведь это дело действительно закрыто.

— Теперь я в этом сомневаюсь, — ехидно сказал Хелм. — Мы обнаружили в матраце несколько предметов, которых не должно было там быть.

— Какие же это предметы?

— Например, маленькая пружинка, алюминиевая капсула и остатки кое-каких химических реактивов.

— И что же все это означает?

— Это был поджог, — сказал Хелм.

XIV

Леннарта Колльберга нельзя было назвать сдержанным на язык человеком, однако на этот раз он словно на целую минуту окаменел и молча глядел в окно на шумный пригород и промышленный пейзаж, окружающие Южное управление полиции. Наконец, он слабым и недоверчивым голосом произнес:

— Что? Что ты сказал?

— Разве я недостаточно ясно выразился? — ехидно сказал Хелм. — Пожар возник не случайно. Другими словами, это был поджог.

— Поджог?

— Да. В этом нет теперь абсолютно никакого сомнения. Кто-то поместил в матрац детонатор замедленного действия. Маленькую химическую зажигательную бомбу с часовым механизмом.

— Бомбу с часовым механизмом?

— Совершенно верно. Это хитрая штука. Она проста по своему устройству, легка в обращении и размером не более спичечного коробка. От нее, естественно, мало что осталось.

Колльберг ничего не сказал.

— Остатки ее можно было обнаружить только в результате очень тщательного обследования, — подчеркнул Холм. — Причем обязательно нужно знать, что именно вы ищете.

— И ты это знал? Я имею в виду, случайно?

— В нашей профессии нельзя полагаться на случай. Я просто отметил некоторые детали и сделал соответствующие выводы.

Колльберг вышел из себя. Он нахмурил свои кустистые брови и сказал:

— Слушай, прекрати себя расхваливать. Ради Бога, если у тебя есть что сказать, говори.

— Я уже все сказал, — надменно ответил Хелм. — Если желаешь, могу повторить все сначала. Кто-то положил химическую бомбу в матрац Мальма. Бомбу, начиненную химическим веществом, с детонатором, связанным с маленьким устройством с пружиной, которое похоже на простейшие часы. Вы получите более подробную информацию, когда у нас будет время, чтобы обследовать остатки.

— Ты в этом уверен?

— Уверен ли я? В нашем деле нельзя полагаться на домыслы. И все-таки немного странно, что никто не обратил внимание на тот факт, что одежда и кожа на спине трупа обуглились, хотя он находился в позе фехтовальщика. Или что матрац полностью сгорел, а кровать почти не пострадала.

— Зажигательная бомба в матраце, — недоверчиво произнес Колльберг. — Бомба с часовым механизмом величиной со спичечный коробок? До первого апреля еще целых десять дней.

Хелм что-то неразборчиво пробормотал. Со стороны Колльберга это было не слишком вежливо.

— Я никогда ни о чем подобном не слыхивал, — сказал он.

— А я слышал. Здесь, в Швеции, этот способ нов, но мне известно несколько таких случаев на Континенте, в основном, во Франции. Я даже видел такое устройство. В Парижею. В Сюрте.[7]

В кабинет без стука вошел Скакке. Он остановился, как вкопанный, и уставился на растерянное лицо Колльберга.

— Вам там не помешало бы слегка расширить свой кругозор, — ядовито сказал Хелм, — и хотя бы иногда покидать свои кабинеты.

— Сколько времени может работать часовой механизм в этой дьявольской штуковине?

— То устройство, которое я видел в Париже, было рассчитано на восемь часов, причем время срабатывания детонатора можно было установить с точностью до одной минуты.

— А ее можно услышать? Она громко тикает?

— Не громче, чем наручные часы.

— И что же происходит, когда детонатор срабатывает?

— Начинается химическая реакция с большим выделением тепла. Через две секунды вспыхивает пламя, которое нельзя погасить обычными способами. У спящего человека почти нет шансов спастись. И в девяти случаях из десяти полиция считает, что пожар произошел из-за курения в постели, или выдвигает какие-либо сходные предположения… — Хелм сделал театральную паузу и закончил фразу: — …если криминалист-эксперт, расследующий дело, не обладает исключительными знаниями и наблюдательностью.

— Нет, — внезапно сказал Колльберг. — Это совершеннейшая нелепость. Не может ведь быть таких совпадений. Ты что же, пытаешься убедить меня, что Мальм пришел домой, заткнул все щели и отдушины, открыл газ и лег в постель, куда кто-то уже поместил бомбу с часовым механизмом? И что он покончил с собой и уже был мертв, когда его убивали? И что бомба вызвала взрыв газа, в доме начался пожар, и еще три человека сгорели заживо под носом у самого тупого детектива в мире за всю историю криминалистики? Того, который стоял снаружи и глазел на все это, разинув рот? Как ты можешь это объяснить?

— Это не входит в мои обязанности, — заявил Хелм. — Я всего лишь изложил тебе факты. Объяснения я оставляю вам. По-моему, именно для этого и существует полиция, не так ли?

— До свидания, — сказал Колльберг и положил трубку.

— Что случилось? — спросил Скакке. — Кто-то умер? А Рённа нет…

— Помолчи, — сказал Колльберг, — и впредь стучи, когда входишь в кабинет начальника. Не забывай о том, что случилось со Стенстрёмом.

Он встал и подошел к двери. Надел пальто и шляпу.

Потом указал на Скакке своим толстым пальцем и сказал:

— У меня есть несколько очень ответственных заданий для тебя. Позвони в Главное управление и вызови Мартина с совещания. Найди Рённа и Хаммара, а также Меландера, даже если для этого тебе придется взломать дверь туалета. Скажи им всем, чтобы они немедленно позвонили Хелму в Институт судебной экспертизы. То же самое передай Эку, Стрёмгрену и любому другому идиоту, которого сможешь обнаружить в отделе. Когда ты все это исполнишь, можешь отправляться к себе в кабинет, позвонить Хелму и самостоятельно поинтересоваться у него, что случилось.

— А вы уходите? — спросил Скакке.

— Служебные дела, — ответил Колльберг, глядя на свои часы. — Встретимся на Кунгсхольмсгатан через два часа.

Его едва не остановили за превышение скорости на Вестберга-Алле.

Когда он вошел в свою квартиру на Паландергатан, его жена выглянула из кухни, откуда доносились аппетитные запахи.

— О Боже, ты так странно выглядишь, — весело сказала она. — Обед не готов. У нас есть еще пятнадцать минут.

— Нет, — сказал Колльберг, глядя на дверь спальни. — Только не там. Матрац может взорваться.

XV

Предпринятые усилия дали результаты. После обеда удалось найти Хаммара, который приехал сам и собрал свой несколько удивленный коллектив. Коллектив состоял из Мартина Бека, Фредрика Меландера, Леннарта Колльберга и Эйнара Рённа.

Хаммар выглядел мрачнее, чем когда-либо. Наступила весна, солнечная и теплая, и за завтраком он разговаривал со своей женой об уходе на пенсию и о том, что нужно провести отпуск в их коттедже в деревне. Он был совершенно уверен, что дело о пожаре закончено, и почти забыл о нем. Несносный Хелм неожиданно расстроил его планы.

— Ларссон все еще болен? — спросил Хаммар.

— Да, — ответил Колльберг. — Он почивает на лаврах.

— Он выйдет на работу в понедельник, — сказал Рённ, потирая нос.

Хаммар откинулся на спинку кресла, пригладил рукой волосы и почесал в затылке.

— Судя по всему, нам следует сконцентрироваться на том Бертиле Олафсоне, — сказал он. — Мальм был всего лишь мелкой рыбешкой, психически ненормальным, алкоголиком и Бог знает кем еще. Трудно представить, что кому-то понадобилось избавиться от такого субъекта. Ясно лишь то, что Мальм наверняка что-то знал об Олафсоне, что-то компрометирующее. Хотя даже этого мы толком не знаем. Придется нам поближе познакомиться с Олафсоном.

— Да, — сказал Колльберг, которому уже давно надоели эти штампы.

— Что нам известно об Олафсоне? — спросил Хаммар.

— То, что он исчез, — пессимистически ответил Рённ.

— Его приговорили к году тюрьмы несколько лет назад, — сказал Мартин Бек. — Кажется, за воровство. Нужно будет посмотреть в картотеке.

Мсландер вынул трубку изо рта и сказал:

— Восемнадцать месяцев за воровство и подделку документов в 1962 году. Срок отсидел в Кумле.

Остальные посмотрели на него с привычным восхищением.

— Нам известно, какая у тебя память, но мы и не подозревали, что ты удерживаешь у себя в голове еще и все приговоры, — удивился Колльберг.

— Я просто как-то просмотрел дело Олафсона, — невозмутимо ответил Меландер. — Подумал, что интересно узнать, кто он такой.

— Может, тебе случайно известно и то, где он находится?

— Нет.

В кабинете воцарилось молчание. Наконец Колльберг сказал:

— Ну? Кто же он такой?

Меландер посасывал трубку и, казалось, обдумывал, с чего начать.

— Он не представляет собой ничего особенного. Приговор, о котором упомянул Мартин, был у него далеко не первым. Однако в тот раз он впервые был приговорен к тюремному заключению. До этого его признавали виновным в приобретении и нелегальном владении наркотиками, кражах автомобилей и прочих мелочах. Еще два года назад он состоял на постоянном учете в полиции.

— Олафсона, вероятно, начали разыскивать сразу после того, как в его машине взяли Мальма, — сказал Колльберг. — Очевидно, по обвинению в воровстве?

— Да, — ответил Мартин Бек. — Я уже это выяснил. Полиция в Густавсберге обнаружила несколько украденных автомобилей на участке Олафсона в Вермдё. У него там небольшой летний домик, доставшийся в наследство от отца. Домик находится в безлюдном месте, в лесу, и чтобы туда добраться, нужно проехать больше одного километра по узкой лесной дороге. Патрульный автомобиль из Густавсберга оказался там по чистой случайности. Конечно, там никого не было, но во дворе за домом стояли три седана. В гараже тоже находилась машина, недавно окрашенная. Нашли также краску, пульверизаторы, полировочные материалы, номера, регистрационные сертификаты и многое другое. Как только выясняюсь, что четыре автомобиля краденые, в квартиру Олафсона в Орсте послали двух человек, чтобы его задержать. Его там не оказалось, и он до сих пор не появился.

Мартин Бек подошел к тумбочке, на которой стоял графин, налил в стакан воды и выпил ее.

— Когда это произошло? — спросил Хаммар.

— Двенадцатого февраля, — ответил Мартин Бек. — Больше месяца назад.

Колльберг вынул из кармана календарь.

— Понедельник. А еще раньше Олафсона пытались найти?

Мартин Бек покачал головой.

— Вначале не очень. Они надеялись, что рано или поздно он все равно появится. Когда задержали Мальма, он сказал, что Олафсон уехал за границу, и они продолжили ждать, не снимая наблюдения за его квартирой и летним дрмиком.

— Может быть, Олафсону стало известно, что ребята из Густавсберга выяснили, чем он занимается, и он успел скрыться до прихода полиции? — спросил Рённ.

Колльберг зевнул.

— Ты имеешь в виду, что он намеренно скрывается? —сказал Мартин Бек. — Я в этом сомневаюсь. Вблизи летнего домика не было ни души и никто не мог его предупредить, что там побывала полиция.

— Известно, когда он в последний раз был в своей квартире? — спросил Меландер. — Соседей, например, опрашивали?

— Не думаю, — ответилл Мартин Бек. — Поиски Олафсона проводились с применением обычных мер розыска.

— Другими словами, вяло, — подытожил Хаммар. Он хлопнул по столу ладонями и поднялся. — Принимайтесь за дело, ребята. Опросите соседей и всех, кого сможете. Всех, кто каким-либо образом связан с Олафсоном. Прочтите все судебные отчеты, досье и вообще все, что удастся найти и прочесть об этом субъекте. Но самое главное, разыщите его! Сейчас! Немедленно! Если именно он подложил ту штуковину в матрац Мальма, то теперь, естественно, будет скрываться, даже если раньше этого и не делал. Если вам нужны еще люди, достаточно об этом только сказать.

— Какие люди? — спросил Колльберг. — Откуда?

— Ну, — пожал плечами Хаммар, — у вас ведь есть этот парень. Скакке.

Колльберг уже встал и направлялся к двери, как вдруг услышал, что упомянули фамилию Скакке. Он остановился и открыл рот для того, чтобы что-то сказать, но Мартин Бек вытолкал его в коридор и закрыл за ними дверь.

— Бесполезная болтовня, — сказал Колльберг. — Если проследить за карьерой Хаммара, то у Скакке, возможно, большие шансы стать начальником полиции.

Он покачал головой и добавил:

— Слава Богу, я достаточно стар, чтобы не дожить до этого.

Остаток дня они провели, собирая дополнительную информацию о Бертиле Олафсоне.

Мартин Бек, среди прочего, побеседовал с коллегами из отдела краж, которым очень хотелось взять Олафсона, однако из-за того, что людей не хватало, им пришлось снять наблюдение с квартиры и летнего домика в Вермдё.

Из досье Олафсона следовало, что он родился тридцать шесть лет назад, шесть лет посещал школу и другого образования не имеет, сменил множество мест работы и профессий, однако в последнее время в основном был безработным. Его отец умер, когда Бертилу Олафсону было восемь лет, а его мать повторно вышла замуж через два года и до сих пор живет с его отчимом. Единственный брат Бертила Олафсона, моложе его на десять лет, — зубной врач в Гётеборге. Его собственный брак оказался бездетным и несчастливым, сейчас он уже развелся и с тех пор, как отбыл тюремный срок, время от времени встречался с женщиной, которая была на пять лет старше него.

Психологи охарактеризовали его, как человека эмоционально неустойчивого и социально опасного. Кроме того, он был заторможенным. Сотрудник, у которого он стоял на учете, сообщил, что не смог наладить хороший контакт с ним, из-за его враждебности и нежелания сотрудничать.

Перед тем как разойтись, Мартин Бек дал наиболее важные задания. Эйнар Рённ должен был поехать в Сегелторп и поговорить с матерью и отчимом Олафсона, а Меландеру поручалось собрать надежную информацию о его деятельности, используя свои связи в преступном мире. Сам Мартин Бек намеревался получить необходимое разрешение и вместе с Колльбергом обыскать квартиру и летний домик.

Бенни Скакке был решено пока что не привлекать к поискам Олафсона.

XVI

Еще не было восьми часов, когда в четверг утром Колльберг заехал за Мартином Беком. Последний еще не оделся, он сидел на кухне в халате и разговаривал с дочерью, Ингрид, у

которой сегодня было свободное утро и ей хватало времени, чтобы нормально позавтракать перед тем, как уйти в школу. Сам Мартин Бек выпил всего лишь одну чашку чая, а дочь энергично обмакивала в какао бутерброд с сыром и рассказывала о митинге протеста против войны во Вьетнаме, в котором принимала участие вчера вечером. Когда раздался дверной звонок, Мартин Бек затянул пояс на талии и положил свою сигарету на край пепельницы, хотя подозревал, что Ингрид возьмет ее сразу же, как только он выйдет. Он вышел из кухни и открыл дверь.

— Ты что, еще не одет? — удивился Колльберг.

— Мы ведь договаривались на восемь часов, — объяснил Мартин Бек.

Он провел Колльберга в кухню.

— До восьми всего лишь две минуты, — сказал Колльберг. — привет, Ингрид.

— Доброе утро, — пробормотала Ингрид, с виноватым видом разгоняя облачко дыма у себя над головой.

Колльберг сел на место Мартина Бека и окинул взглядом стол. Сам он уже обильно позавтракал, но чувствовал, что вполне способен поесть еще разок. Мартин Бек достал еще одну чашку и налил чаю своему гостю, а Ингрид придвинула к нему масло, сыр и корзинку с хлебом.

— Я буду готов через минуту, — сказал Мартин Бек и ушел к себе в комнату.

Одеваясь, он слышал сквозь полуоткрытую кухонную дверь, как Ингрид расспрашивает Колльберга о его семимесячной дочке Будиль, а тот превозносит ее достоинства с плохо скрываемой отцовской гордостью. Когда через минуту, одетый и выбритый, Мартин Бек вошел в кухню, Колльберг сказал:

— Мы как раз ищем другую няню.

— Но я ведь обещала, что могу посидеть с Будиль, если понадобится. Разве я не справлюсь? Дети такие забавные.

— Год назад ты говорила, что дети — самая ужасная вещь в мире, — заметил Мартин Бек.

— Ой, тогда я была еще ребенком.

Мартин Бек подмигнул Колльбергу и с уважением сказал:

— Конечно, конечно, извини. А теперь ты уже зрелая женщина, ведь так?

— Какие глупости, — сказала Ингрид. — Я вовсе не собираюсь становиться зрелой женщиной, а сразу из девушки превращусь в старушку.

Она ткнула отца пальцем в живот и исчезла в своей комнате. Когда Мартин Бек и Колльберг вышли в прихожую, чтобы надеть пальто, из-за двери Ингрид доносилась громкая поп-музыка.

— «Битлз», — сказал Мартин Бек. — Просто чудо, что у нее не лопаются барабанные перепонки.

— «Роллинг Стоунз», — поправил Колльберг. Мартин Бек с изумлением уставился на него.

— Как ты их различаешь?

— О, между ними огромная разница, — сказал Колльберг, спускаясь по лестнице.

Уличное движение в такое время уже было оживленным, однако Колльбергу, которого все, кроме него, считали нервным и не очень хорошим водителем, удалось тем не менее проехать через весь Стокгольм по боковым улочкам и переулкам, совершенно не известным Мартину Беку, сквозь кварталы с высотными офисами и жилыми домами. Он остановил машину у относительно нового дома на Сандфьордсгатан в Орсте.

— Думаю, квартплата в этом районе приличная, — сказал Колльберг, когда они поднимались в лифте. — Вряд ли можно было предположить, что такому человеку, как Бертил Олафсон, будет по средствам здесь жить.

Мартину Беку понадобилось тридцать секунд, чтобы открыть дверь, хотя ключ он получил непосредственно от домовладельца. Квартира состояла из комнаты, прихожей, кухни и ванной, а из квитанции, лежавшей на коврике у двери среди рекламных объявлений и прочего мусора, следовало, что квартирная плата за прошлый квартал составила 1296 крон и 51 эре. Кроме квитанции, в этой куче объявлений и брошюр, которые бросали внутрь через щель для писем и которые накапливались здесь почти месяц, ничто не представляло интереса. В самом низу кучи лежал листок с текстом по трафарету из ближайшей бакалеи. В верхней части листка был заголовок «ОСОБАЯ СКИДКА», а ниже — список различных деликатесов с ценами до и после снижения. Стоимость банки балтийской сельди, например, снизилась с 2 крон 63 эре до 2 крон и 49 эре. Мартин Бек сложил листок вчетверо и сунул его в карман.

В комнате стояли стол, три стула, кровать и тумбочка возле нее, два кресла, низкий столик, телевизор и комод. Вся мебель выглядела так, словно ее купили одновременно и недавно. В комнате было не очень чисто. На расстеленной кровати лежало несвежее постельное белье. На столе стояла пустая, но невымытая пепельница. Библиотека, казалось, состояла исключительно из комиксов в бумажных обложках. Картин здесь не было, но зато было множество прикрепленных к стене клейкой лентой журнальных фотографий автомобилей и женщин с различной степенью обнаженности.

В кухне оказалось несколько стаканов, тарелок и чашек, лежащих в сушилке. Холодильник был включен, в нем находились пачка маргарина, две маленькие банки пива, высохший лимон и превратившийся в камень кусок сыра. В буфете были кое-какие кухонные принадлежности, пачка печенья, пакет сахара и пустая банка из-под кофе. Под раковиной стояли совок, веник и бумажный пакет с мусором. В одном из ящиков буфета было полно пустых спичечных коробков.

Мартин Бек вышел в прихожую и открыл дверь в ванную. Здесь неприятно пахло из унитаза, который, очевидно, никогда не чистили. Потеки грязи на трубах и ванне тоже указывали на то, что их чистили без особого усердия. На полочке лежали старая зубная щетка, бритва, почти полностью выдавленный тюбик зубной пасты и сломанная расческа с застрявшими между зубьев пучками волос. Полотенце, висящее на крючке, было жестким от грязи.

Картина для Мартина Бека была ясной, и он принялся осматривать гардероб.

На полу стояли две пары грязных туфель, покрытых толстым слоем пыли как снаружи, так и внутри, и брезентовый мешок с грязным бельем. На крючках висели две грязные рубашки, три еще более грязных свитера, две пары дакроновых брюк[8], твидовый пиджак, светло-серый летний костюм и синее пальто.

Мартин Бек уже собрался обследовать карманы, но в этот момент Колльберг позвал его в кухню.

Колльберг высыпал содержимое мусорного вместилища на пол и теперь держал в руках пластиковый пакет.

— Взгляни на это, — сказал он.

В одном уголке пакета было несколько зеленых зернышек. Колльберг растер их большим и указательным пальцем.

— Гашиш, — определил он.

Мартин Бек кивнул.

— Теперь понятно, почему он коллекционировал пустые спичечные коробки. Этого пакета хватило бы, чтобы наполнить по меньшей мере тридцать коробков.

В остальном результаты обыска были незначительными. Несколько сувениров указывали на то, что Олафсон побывал в Польше. Четыре старых счета в карманах его твидового пиджака были выписаны в ресторане «Амбассадор» и датированы декабрем. В ящике прикроватной тумбочки оказалось два презерватива и любительская фотография полной темноволосой женщины в бикини на пляже. На обороте фотографии кто-то написал шариковой ручкой «Берра с любовью, Кай».

Каких-либо еще личных вещей в квартире не было, и ничто не говорило о том, где может находиться в настоящее время живущий здесь человек.

Мартин Бек позвонил в соседнюю квартиру. Дверь открыла женщина. Они задали ей несколько вопросов.

— Ну, вы ведь сами понимаете, — сказала она, — что значит жить в таком доме. Как-то не обращаешь внимания на тех, кто живет в других квартирах. Кажется, я видела его несколько раз, но, по-моему, он поселился здесь недавно.

— Вы можете припомнить, когда видели его в последний раз? — спросил Колльберг.

Женщина покачала головой.

— Не помню. — Но это наверняка было очень давно. По-моему, на Рождество. Но я в этом не уверена.

В двух других квартирах на этом этаже никого не было дома. По крайней мере, дверь никто не открыл. Управляющего в доме, очевидно, не было; объявление у входа рекомендовало жильцам по всем квартирным вопросам обращаться к механику, живущему по другому адресу.

Они вышли на улицу. Колльберг сел в машину, а Мартин Бек пересек улицу и вошел в бакалею на противоположной стороне. Он показал продавцу листок со списком деликатесов.

— Я не могу сказать точно, когда мы отправили этот список, — ответил продавец. — Как правило, мы отсылаем их по пятницам. Подождите минутку.

Он исчез в подсобке и тут же вернулся.

— В пятницу, девятого февраля, — сказал он.

Мартин Бек кивнул, возвратился к Колльбергу и сказал:

— Он не появлялся дома с девятого февраля.

Колльберг молча пожал плечами.

Они проехали по Сокенвеген и Нюнесвеген, пересекли промышленный район Хаммарбю и оказались на шоссе, ведущем в Вермдё. В Густавсберге они отправились в полицейский участок и побеседовали с одним из патрульных, которые обнаружили краденые автомобили во дворе у Олафсона. Он рассказал им, как добраться до летнего домика.

Через пятнадцать минут они уже были там.

Домик был расположен в уединенном месте. Дорога туда была узкой и извилистой и скорее напоминала лесную тропинку. Участок возле дома когда-то был ухоженным, с газоном, японским садом и посыпанными песком дорожками, но сейчас от этого почти ничего не осталось. Возле дома снег уже растаял, но у поленницы дров под стеной все еще лежали серые кучи. В дальней части сада стоял, очевидно, недавно построенный гараж. Он был пуст, а три автомобиля, которые, судя по отпечаткам протекторов на гравии, когда-то здесь стояли, тоже уехали.

— Глупо было убирать машины, — сказал Колльберг. — Если бы он вернулся, то сразу бы понял, что здесь побывала полиция.

Мартин Бек осмотрел входную дверь домика. Она была закрыта на защелку и большой висячий замок. Единственным человеком, который мог дать им ключи, был Олафсон, и стало ясно, что придется немного потрудиться. Они взяли в машине отвертки и другие инструменты и уже через несколько минут открыли входную дверь.

Домик состоял из большой комнаты, обставленной в деревенском стиле, с двумя откидными кроватями у стен; кухни и умывальника. Воздух внутри был сырой, здесь пахло плесенью и керосином. В большой комнате был камин, а в кухне дровяная печь, из других нагревательных приборов — лишь керосиновая печь в одной из спален. Пол был в песке и засохших полосах грязи, мебель в большой комнате грязная и обшарпанная. Кухонный стол, табуретки и полки были завалены мусором, пустыми бутылками, грязными тарелками, чашками с кофейной гущей и немытыми стаканами. На одной из коек лежали грязные простыни и старое одеяло.

В доме никого не оказалось.

В маленькой прихожей за дверью находилась кладовка, полки которой были уставлены краденым товаром, вероятнее всего, вещами, украденными из автомобилей. Здесь были транзисторные приемники, фотоаппараты, бинокли, карманные фонарики, инструменты, несколько удочек, охотничье ружье и портативная пишущая машинка. Мартин Бек встал на табуретку и заглянул на верхнюю полку. Там лежал старый крокетный молоток, выцветший шведский флаг и фотография в рамке. Он принес фотографию в комнату и показал ее Колльбергу.

На фотографии были изображены светловолосая молодая женщина и маленький мальчик в коротких штанишках н рубашке с короткими рукавами. Женщина была красивая; и она, и мальчик смеялись, глядя в объектив. Одежда женщины и прическа были модными в конце тридцатых годов. На заднем плане стоял домик, где сейчас находились Мартин Бек и Колльберг.

— Наверное, фотография сделана за пару лет до смерти отца, — сказал Мартин Бек. — Тогда это место выглядело совершенно по-другому.

— У него симпатичная мать, — заметил Колльберг — Интересно, как там дела у Рённа.

Эйнар Рённ немного поплутал в машине по Сегелторпу, прежде чем нашел дом, где жила мать Олафсона. Теперь ее фамилия была Лундберг, и Рённ выяснил, что ее муж заведует отделом в большом универмаге.

Женщина, которая открыла ему дверь, была седой, но выглядела максимум лет на пятьдесят пять. Она была стройной и загоревшей, хотя весна едва наступила. Женщина вопросительно вскинула брови, и вокруг ее красивых серых глаз появились светлые морщинки, контрастирующие с загорелой кожей лица.

— Что вам угодно? — спросила женщина.

Рённ снял шляпу и достал служебное удостоверение.

— Вы фру Лундберг? — спросил он.

Она кивнула и с тревогой в глазах ждала продолжения.

— Дело касается вашего сына, — сказал Рённ. — Бертила Олафсона. Если позволите, я бы хотел задать вам несколько вопросов.

Она нахмурилась.

— Что он натворил на сей раз? — спросила она.

— Думаю, ничего, — ответил Рённ. — Вы позволите ненадолго войти?

Женщина нехотя отпустила дверную ручку.

— Да, — медленно сказала она, — пожалуйста, входите.

Рённ повесил пальто, положил шляпу на столик в прихожей и последовал за женщиной в гостиную, которая оказалась уютной и хорошо обставленной, однако без чрезмерной претензии на элегантность. Хозяйка указала ему на кресло у камина, а сама присела на диван.

— Давайте без предисловий, — лаконично заявила она. — Когда дело касается Бертила, я готова ко всему, так что можете сразу сказать мне правду. Что он сделал?

— Мы разыскиваем его, так как надеемся, что он поможет нам разобраться с одним делом, — сказал Рённ. — Я всего лишь хотел спросить у вас, фру Лундберг, известно ли вам, где он сейчас находится?

— Так, значит, его нет дома? — спросила она. — В Орсте.

— Нет, и, по-видимому, он там уже давно не появлялся.

— А в летнем домике? У нас есть… у него есть домик в Вермдё. Его построил отец Бертила, мой первый муж, и теперь он принадлежит Бертилу. Возможно, он там?

Рённ покачал головой.

— Может быть, он говорил вам, что собирается куда-нибудь уехать?

Мать Бертила Олафсона развела руками.

— Нет. Мы теперь с ним редко общаемся. Я совершенно не знаю, чем он занимается и где он находится. Здесь его не было уже больше года, а если он и приходил, то лишь для того, чтобы попросить денег.

— Он не звонил вам в последнее время?

— Нет. Впрочем, около трех недель мы были в Испании. Но я не думаю, что он звонил. У нас больше нет ничего общего.

Она вздохнула.

— Мой муж и я давно махнули рукой на Бертила. Похоже, теперь его дела не стали лучше.

Рённ молча сидел, глядя на женщину. Возле уголков ее рта появились резкие складки.

— Вы знаете кого-нибудь, кому может быть известно, где он находится? — спросил он. — Девушку, с которой он встречается, приятеля или еще кого-нибудь?

Она засмеялась, однако этот смех звучал фальшиво.

— Могу вам кое-что сказать, — ответила она. — Когда-то он был очень хорошим мальчиком. Но однажды попал в плохую компанию, под чужое влияние, и стал во всем противоречить мне, моему мужу и своему брату, в общем, противоречить всем. Потом его отправили в исправительное заведение, но от этого стало только хуже. Там он научился еще сильнее ненавидеть общество. Он вышел оттуда настоящим преступником и наркоманом. — Она свирепо посмотрела на Рённа. — Полагаю, общеизвестно, что эти ваши исправительные школы и заведения воспитывают преступников и наркоманов. Так что все это ваше перевоспитание ровным счетом ничего не стоит.

Вообще-то Рённ был согласен с ней и теперь даже не знал, что ответить.

— Ну, — наконец сказал он, — возможно, вы и правы.

Он собрался с мыслями и произнес:

— Я не хотел вас расстраивать. Можно задать вам еще всего лишь один вопрос?

Она кивнула.

— Какие отношения между вашими двумя сыновьями? Они встречаются или каким-то другим образом поддерживают контакт?

— Они не поддерживают больше никаких отношений, — сказала она. — Герт теперь квалифицированный дантист, у него своя практика в Гётеборге. Когда он еще учился в институте, он уговорил Бертила прийти к нему лечить зубы. Герт такой милый мальчик. Какое-то время они были хорошими друзьями. А потом что-то случилось, не знаю что, и они перестали встречаться. Думаю, вам нет никакого смысла расспрашивать Герта, потому что теперь он ничего не знает о Бертиле. Можете мне поверить.

— Так значит, вы не догадываетесь, почему они перестали дружить? — спросил Рённ.

— Нет, — ответила она, глядя в сторону. — Не догадываюсь. Что-то случилось. С Бертилом всегда что-то случается. Разве я не права?

Она в упор посмотрела на Рённа, который внезапно закашлялся.

— Возможно, самое время заканчивать беседу?

Рённ встал и протянул руку.

— Большое спасибо за вашу помощь, фру Лундберг, — сказал он.

Она молча пожала ему руку. Он достал свою визитную карточку и положил ее на стол.

Если вы что-нибудь услышите о нем, может быть, вы будете столь любезны и позвоните мне?

Она молча проводила его из комнаты и открыла дверь.

— До свидания, — сказал Рённ.

На полпути к калитке он обернулся и увидел, что она стоит в дверях, провожая его взглядом. Теперь она выглядела значительно старше, чем тогда, когда он пришел.

XVII

Фигура Бертила Олафсона стала несколько четче, но ненамного. Было известно, что он занимается крадеными автомобилями. Перед тем как их продать, он либо перекрашивал их, либо менял номера. Предполагали, что он также продает наркотики. Вряд ли Олафсон был оптовым торговцем и, вероятнее всего, таким способом добывал средства на наркотики для самого себя.

Ни одно из этих открытий не было сенсационным. Полиции уже несколько лет было приблизительно известно, чем занимается Олафсон. Мальм должен был обнаружить что-то гораздо более серьезное, коли Олафсон с риском для себя заставил его замолчать.

Если, конечно, именно Олафсон подложил то маленькое устройство в матрац Мальма. Несмотря ни на что, это была всего лишь версия, однако в Главном управлении на этой стадии расследования не было никого, кто бы сомневался в том, что эта версия правильная.

Фредрику Меландеру наконец-то повезло, впервые с того момента, как он начал собирать информацию в преступном мире. Вначале оказалось, что один из его наиболее надежных осведомителей, медвежатник, который завязал несколько лет назад, стал рецидивистом и уже отбыл восемь месяцев из трехлетнего срока в тюрьме Херланда. Затем он выяснил, что пивного бара, завсегдатаи которого вполне могли знать Мальма и Олафсона и с владельцем которого он был в хороших отношениях, больше не существует, потому что дом, где находился бар, снесли. Владелец бара уехал из Стокгольма и, поговаривали, открыл табачный магазин в Кумле. После этих осечек Меландер отправился в третьеразрядное кафе, среди посетителей которого можно было встретить несколько бывших воров, располагающих ценной информацией и способных обменять ее на выпивку. Но даже здесь судьба была против него. Заведение сменило вывеску и над входом красовалось: «Ночной дансинг». В витринах были большие цветные фотографии оркестра, сборища темноволосых мужчин со странными инструментами в руках, и в рубашках с длинными сборчатыми рукавами. В окошечке у двери, где раньше скромное, написанное от руки меню предлагало посетителям кабачки, фрикадельки и гороховый суп, теперь было красочное меню на испанском языке.

Меландер вошел внутрь, постоял у двери и огляделся по сторонам. Потолок стал ниже, свет был не таким ярким, как раньше, а столиков оказалось побольше; все они были покрыты клетчатыми скатертями. Витражи изображали бои быков и танцоров фламенко. Была пятница, вечер, и примерно за половиной столиков расположилась юные, шумные посетители. Никто не обратил внимания на Меландера, и через несколько минут он заметил знакомую официантку. Она была одета так, словно собралась на карнавал и не смогла выбрать между деревенской девушкой из Даларны и Кармен.

Меландер помахал ей и спросил, не знает ли она, где сейчас собираются старые клиенты. Она действительно знала и назвала ему заведение, которое располагалось на этой же улице, немного дальше. Меландер поблагодарил ее и ушел.

Здесь ему повезло больше. Сидя на скамье у задней стены, он увидел хорошо знакомую фигуру, уныло потягивающую из стакана. Это был один из тех людей, которых надеялся найти Меландер. Этот человек был искусным фальшивомонетчиком, однако возраст и алкоголизм заставили его сменить это доходное, но слишком переменчивое занятие. Одно время он также неудачно пытался промышлять в качестве взломщика. Однако теперь он вряд ли смог бы незаметно украсть даже пару чулок в универмаге Вулворта и при этом не попасться. Звали его Кудрявый из-за вьющихся рыжих голос, которые он сильно отрастил еще задолго до того, как это стало модно, хотя столь экстравагантный вид облегчал его опознание и несколько раз помогал его схватить.

Меландер сел напротив Кудрявого, который сразу расцвел, почуяв возможность выпить на дармовщинку.

— Привет, Кудрявый. Как дела? — спросил Меландер.

Кудрявый вытряхнул последние капли из стакана и жадно проглотил их.

— Неважно, — ответил он. — На хлеб не хватает, да и утла своего нет. Думаю подыскать себе работу.

Меландер прекрасно знал, что Кудрявый ни одного дня в жизни не проработал честно, и поэтому с олимпийским спокойствием отнесся к этой новости.

— Так тебе негде жить? — поинтересовался он.

— Ну-у… Прошлую зиму я провел в Хёгалиде, но это дьявольское место.

В дверях кухни появилась официантка, и Кудрявый быстро добавил:

— К тому же меня мучит ужасная жажда.

Меландер подозвал официантку.

— Если вы платите, то я, пожалуй, могу позволить себе что-нибудь получше, — сказал Кудрявый, заказывая двойной джин и тоник.

Меландер попросил меню. Когда официантка ушла, он спросил:

— А что ты обычно пьешь?

— Водку с сахаром. Конечно, это не нектар, но приходится учитывать свое финансовое положение.

Меландер кивнул. С этим он был совершенно согласен. Однако на этот раз платило государство, хотя и не прямо, поэтому он заказал для них обоих свинину с луком, несмотря на протесты Кудрявого. К тому времени, когда еда оказалась на столе, Кудрявый уже расправился со своей порцией джина и Меландер щедро повторил заказ. Поскольку он опасался, что вскоре Кудрявый опьянеет настолько, что с ним станет невозможно разговаривать, то сразу объявил об истинной цели своего визита.

Кудрявый смаковал имя и напиток. Наконец он сказал:

— Бертил Олафсон. Как он выглядит?

Меландер никогда не встречался с Олафсоном, однако видел его фото и знал наизусть описание. Кудрявый задумчиво пропустил сквозь пальцы свои знаменитые волосы.

— Ох-хо-хо, — сказал он. — Да, знаю. Приторговывает наркотиками, да? Автомобильные кражи, то да се, да? Лично с ним я не знаком, но знаю, кто он такой. А что вас интересует?

Меландер отодвинул в сторону тарелку и занялся своей трубкой.

— Все, что тебе о нем известно, — сказал он. — Например, тебе известно, где он сейчас находится?

Кудрявый покачал головой.

— Нет, к тому же я давненько его не видел. Впрочем, сами знаете, у нас с ним разные компании. Он бывает в таких заведениях, куда я никогда не стану заходить. По-моему, он часто бывает в клубе в нескольких кварталах отсюда. Там в основном собираются подростки. Этот Олафсон намного старше, чем большинство из них.

— Чем еще он занимается, кроме наркотиков и автомобилей?

— Не знаю, — сказал Кудрявый. — Думаю, только этим. Но я слышал, что он работает на какого-то парня, только не знаю на кого. Он никогда не занимался крупными делами, но примерно год назад, по-видимому, внезапно разбогател. Думаю, что тот, на кого он работает, проворачивает серьезные дела. Впрочем, это лишь слухи, точно никому ничего не известно.

У Кудрявого начал заплетаться язык. Меландер спросил, знает ли он Мальма.

— Мы встречались с ним всего пару раз, — сказал Кудрявый. — Я слышал, он был в том доме, который сгорел. Он был мелкой рыбешкой. Вряд ли он может вас заинтересовать. К тому же он умер, бедняжка.

Перед тем как уйти, Меландер, после минутного колебания, сунул два банкнота по десять крон в руку Кудрявому и сказал:

— Позвони нам, если услышишь что-нибудь еще. Может, тебе удастся кое-кого расспросить, а?

Обернувшись в дверях, он увидел, как Кудрявый подзывает официантку.

Меландер нашел клуб, о котором упоминал Кудрявый. Увидев юных посетителей, толпящихся у входа, он понял, что среди них будет выглядеть, как страус в курятнике, и ушел. Домой.

Придя домой, он немедленно позвонил Мартину Беку и предложил послать в клуб Скакке.

Бенни Скакке был в восторге. Как только Мартин Бек положил трубку, Скакке позвонил своей девушке и сообщил, что у него важное задание и поэтому он не сможет встретиться с ней сегодня вечером. При этом он намекнул, что речь идет о поимке опасного убийцы. Впрочем, на нее это не произвело особого впечатления. Скорее, она рассердилась.

Бо́льшую часть дня он посвятил выполнению программы, которую сам установил для себя на каждую пятницу. Вначале он полтора часа упражнялся на турнике, затем отправился в парную и проплыл тысячу метров в бассейне, а придя домой, уселся за письменный стол и в течение двух часов штудировал право.

Ближе к вечеру он принялся размышлять над тем, как ему следует одеться, чтобы как можно меньше походить на полицейского. Он предпочел бы выглядеть, как плейбой. Обычно он одевался очень строго и даже не мог себе представить, как можно прийти на работу, например, без галстука. Поскольку Скакке вряд ли можно было назвать завсегдатаем баров, ресторанов или ночных клубов, он весьма туманно представлял себе, что надевают люди, когда отправляются и подобные заведения. Впрочем, он догадывался о том, что готовые

костюмы, висящие в его платяном шкафу, не совсем то, что требуется для молодого плейбоя. В конце концов он поехал к своим родителям на Кунгсхольм и взял костюм у своего младшего брата. Его мать как раз жарила котлеты, так что он воспользовался возможностью и заодно пообедал. За столом он рассказывал своим изумленным и гордым родителям совершенно невероятные истории из своей опасной жизни детектива, увенчав их повествованием о том, что случилось с Гюнвальдом Ларссоном.

Вернувшись к себе на Абрахамсберг, он сразу же надел костюм. Посмотрев на себя в зеркало, он остался доволен, хотя вид у него был несколько странный. Он был убежден в том, что ни у одного сотрудника полиции нет такого костюма.

Пиджак был длинный и сильно приталенный, с косыми карманами и высоким воротником, закрывающим шею. Брюки очень тесные, с поясом ниже пупка, а штанины, обтягивающие бедра, расширялись конусом ниже коленей и неприятно болтались вокруг голеней при ходьбе. Пиджак был из голубого вельвета, а рубашка к нему — ярко-оранжевая, с высоким воротом.

Бенни Скакке считал себя замаскированным до неузнаваемости, когда примерно в десять часов вошел в ночной клуб. Клуб располагался в подвале, и перед тем как спуститься по лестнице, Бенни Скакке пришлось уплатить членский взнос в размере 35 крон.

Клуб состоял из двух больших комнат и одной поменьше. Воздух здесь был плотным от табачного дыма и запаха пота.

В одной из больших комнат часть людей танцевала под музыку беснующейся поп-группы, другие сидели за столиками, пили пиво и разговаривали, стараясь перекричать музыку. В комнате поменьше было относительно тихо. По-видимому, здесь собирались те, кто предпочитал спокойно посидеть за столом, поесть, выпить вина и подержаться за руки при романтическом мерцающем свете свечей. Скакке решил, что люди сидели молча благодаря свечам, хотя на самом деле они просто были близки к обмороку из-за отсутствия кислорода.

Он протолкался к бару, заказал кружку пива и, держа ее в руке, принялся бродить по клубу, разглядывая посетителей. Большинство девушек без грима вряд ли выглядели бы старше четырнадцати лет, хотя он заметил по меньшей мере пятерых мужчин за пятьдесят, но все-таки средний возраст колебался примерно между двадцатью пятью и тридцатью.

Скакке решил послушать, о чем здесь беседуют, прежде чем самому завязать с кем-нибудь разговор. Он подобрался поближе к четырем мужчинам, группкой стоящим в углу. Каждому из них было за тридцать. По выражениям их лиц можно было судить, что предмет разговора достаточно серьезен. Они хмурились, задумчиво прихлебывали пиво, внимательно слушали того, кто говорил, и время от времени делали энергичные жесты. Скакке не мог ничего разобрать, пока не подошел к ним вплотную.

— Я уверен, что у нее вообще отсутствует либидо, — сказал один из них. — Я бы предпочел Риту.

— Но она работает только один на один, — сказал другой. — Мне кажется, что Беббан лучше.

Двое других что-то пробормотали в знак согласия.

— Отлично, — сказал первый мужчина. — Берем с собой Беббан, ведь нас все-таки трое. Пойдем поищем ее.

Четверо мужчин исчезли среди танцоров. Скакке остался стоять на месте, размышляя над тем, что такое либидо. Дома нужно будет посмотреть в энциклопедии.

Толпа у бара поредела, и Скакке удалось пристроиться у стойки. Когда бармен подошел к нему, он заказал пиво и как бы мимоходом спросил:

— Вы не видели Берру Олафсона?

Бармен вытер руки полосатым фартуком и покачал головой.

— Нет, уже несколько недель, — сказал он.

— А кто-нибудь из его приятелей есть здесь?

— Не знаю. Впрочем, минуту назад я видел Олле.

— Где он сейчас?

Бармен окинул взглядом толпу и показал куда-то по диагонали за спину Скакке.

— Вот он.

Скакке обернулся и увидел по меньшей мере пятнадцать человек, каждый из которых мог быть Олле.

— Как он выглядит?

Бармен удивленно вскинул брови.

— Я думал, вы его знаете, — сказал он. — Вон он стоит. В черной рубашке и с бакенбардами.

Скакке взял пиво, положил деньги на стойку и обернулся. Он сразу увидел парня по имени Олле, который стоял, засунув руки в карманы, и разговаривал с низенькой блондинкой с пышной прической и большим бюстом. Скакке подошел к парню и похлопал его по плечу.

— Привет, Олле! — сказал он.

— Привет, — неуверенно ответил парень.

Скакке кивнул блондинке, которая бросила на него снисходительный взгляд.

— Как дела? — спросил парень с бакенбардами.

— Прекрасно, — ответил Скакке. — Послушай, я ищу Берру. Берру Олафсона. Ты не видел его в последнее время?

Олле вынул руки из карманов и ткнул указательным пальцем в грудь Скакке.

— Нет, не видел. Я сам везде его ищу. Дома его нет. Не знаю, где его черти носят.

— А когда ты видел его в последний раз? — спросил Скакке.

— Давным-давно. Погоди-ка. По-моему, в самом начале февраля. Он собирался на недельку-другую уехать в Париж, так он говорил. С тех пор я его не видел. А что тебе от него нужно?

Блондинка отошла к другой компании по соседству. Время от времени она поглядывала на Скакке.

— А… я просто хотел поговорить с ним кое о чем, — туманно сказал Скакке.

Олле взял его под руку и придвинулся поближе.

— Если речь идет о даме, можешь поговорить со мной, — сказал он. — Берра передал кое-кого из них мне.

— Понятно, должен ведь кто-то заниматься делами, когда он отсутствует, — сказал Скакке.

Олле ухмыльнулся.

— Ну так как? — сказал он.

Скакке покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Речь идет не о дамах, а совсем о другом.

— Ага, понятно. Боюсь, что в таком случае я не смогу тебе помочь. Мне едва самому хватает.

Подошла блондинка и потащила Олле за руку.

— Я уже иду, крошка, — сказал Олле.

Скакке был неважным танцором, но все же подошел к девице, которая выглядела так, словно состояла в конюшне Олафсона или Олле. Она устало посмотрела на него,

последовала за ним на танцплощадку и начала механически двигаться. Она оказалась неразговорчивой, но все же ему удалось выяснить, что Олафсона она не знает.

После четырех изнурительных танцев с партнершами различной степени болтливости, у Скакке наконец клюнуло.

Пятая девушка была почти такого же роста, как он, с блестящими голубыми глазами, широкими бедрами и маленькими торчащими грудями.

— Берра? — переспросила она. — Конечно, я знаю Берру.

Она стояла так, словно ее ноги были прибиты к полу гвоздями, покачивала бедрами, выгибала бюст и щелкала пальцами. Скакке оставалось только стоять перед ней.

— Я больше на него не работаю, — добавила она. — Я работаю одна.

— А вы не знаете, где он сейчас? — спросил Скакке.

— В Польше. Я слышала, как об этом кто-то говорил.

Она энергично вертела бедрами. Скакке пару раз щелкнул пальцами, чтобы не выглядеть слишком пассивным.

— Вы уверены? В Польше?

— Да. Кто-то об этом говорил, но я не помню кто.

— Давно?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Сейчас его нет, но он обязательно появится. А что тебе нужно? Хочешь развлечься с девушкой?

Им приходилось кричать, чтобы услышать друг друга в реве и грохоте музыки.

— В таком случае я смогу тебе помочь, — закричала она. — Но не раньше чем завтра.

Скакке потанцевал еще с тремя девушками, которые знали Бертила Олафсона, но не имели ни малейшего понятия, где он находится. Последние несколько недель его никто не видел.

В три часа свет начал мигать и посетители стали расходиться. Скакке пришлось немного пройти пешком, прежде чем ему удалось остановить такси. Голова у него гудела от пива и спертого воздуха, и больше всего ему хотелось оказаться дома, в своей постели.

В кармане у него лежали номера телефонов двух девушек, которые предложили позировать ему, одной девушки, которая представляла общий интерес, и еще одной девушки, которая хотела продать ему наркотики. В общем, вечер оказался не очень удачным. Завтра ему придется доложить Мартину Беку, что не удалось выяснить ничего, кроме того, что Бертил Олафсон исчез.

Однако у него в активе все-таки было два факта.

Он приблизительно знал, когда исчез Бертил Олафсон.

И еще насчет Польши.

Что ж, это лучше, чем ничего, подумал Бенни Скакке.

XVIII

Когда Гюнвальд Ларссон, свеженький после душа, вошел в управление на Кунгсхольмсгатан и поднялся в отдел расследования убийств, он не знал, как идет расследование дела Мальма. Был понедельник, двадцать пятое марта, и он впервые появился на работе после больничного.

Он не подходил к телефону после стычки с Максом Карлсоном в прошлый вторник, а в газетах не было ни слова о пожаре с тех пор, как умерла Мадлен Ольсен. Конечно, раньше или позже он получит медаль, однако и его героический поступок, и трагедия уже стали вчерашней новостью и имя Гюнвальда Ларссона затерялось где-то в самом дальнем уголке

человеческой памяти. Мир был ужасен, и кровь буквально захлестывала первые страницы газет. Самоубийство не слишком удобная новость для шведской прессы, частично по эстетическим мотивам, частично из-за того, что причины большинства самоубийств, к сожалению, слишком уж очевидны, а пожар с тремя жертвами не может оставаться пикантной новостью слишком долго. К тому же полиция вовсе не снискала себе лавров; кроме того, до сих пор она не сумела прекратить эту отвратительную торговлю наркотиками, справиться с бесчисленными демонстрациями, гарантировать элементарную свободу передвижения по улицам. И так далее, и тому подобное.

Поэтому Гюнвальд Ларссон с нескрываемым изумлением уставился на многочисленную группу, которая выходила с совещания у Хаммара. Здесь были все: Меландер, Эк, Рённ, Стрёмгрен, а также Мартин Бек и Коллльберг, два человека, с которыми он разговаривал очень неохотно и делал это только в случае крайней необходимости. Даже Скакке носился по коридору с торжествующим видом, словно уже достиг вершины той горы, у подножья которой до сих пор временно находился.

— Что здесь происходит, черт возьми? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Хаммар не может решить, где нам разместить наш штаб, здесь или в Вестберге, — хмуро ответил Рённ.

— А кого вы ищете?

— Одного субъекта по фамилии Олафсон. Бертил Олафсон.

— Олафсон?

— Будет лучше, если ты прочтешь это, — сказал Меландер, ткнув черенком трубки в отпечатанные листки.

Гюнвальд Ларссон прочел.

Он нахмурился, и по мере того как читал, выражение его лица становилось все более и более озадаченным. Наконец он положил документ и недоверчиво спросил:

— Что все это значит? Какая-то шутка?

— К сожалению, нет, — ответил Меландер.

— Одно дело — поджог, но зажигательная бомба в матраце… вы хотите сказать, что отнеслись к этому серьезно?

Рённ с мрачным видом кивнул.

— Разве такие штуки существуют?

— Хелм говорит, существуют. Их, по-видимому, изобрели в Алжире.

— В Алжире?

— Их любят применять в Южной Америке, — сказал Меландер.

— А что известно об этом чертовом Олафсоне?

— Исчез, — лаконично ответил Рённ.

— Исчез?

— Говорят, что он уехал за границу, но точно никто ничего не знает. Даже Интерпол не может его найти.

Гюнвальд Ларссон задумался, вертя в руках нож для разрезания бумаги. Меландер прокашлялся и вышел. В кабинет вошли Мартин Бек и Колльберг.

— Олафсон, — сказал Гюнвальд Ларссон, словно разговаривал сам с собой. — Тот тип, который снабжал наркотиками Макса Карлсона и контрабандным спиртным Рота. И был связан с автомобильными кражами Мальма.

— И фамилия которого значилась на регистрационной табличке в машине Мальма, когда того остановили за превышение скорости на Сёдертельевеген, — сказал Мартин Бек. — Для

того, чтобы его взять, ребята из отдела краж не спускали глаз с Мальма. Они ожидали появления Олафсона и полагали, что Мальм даст на него показания, чтобы спасти свою собственную шкуру.

— Так значит, все это дело завязано на Олафсоне. Его имя появляется то здесь, то там.

— Думаешь, мы этого не заметили? — недовольно сказал Колльберг.

— Значит, остается только найти его, вот и все, — с триумфом заявил Гюнвальд Ларссон. — Наверняка, именно он поджег дом.

— Этот субъект бесследно исчез, — воскликнул Колльберг. — Ты что, этого не понял?

— А почему бы нам не поместить объявление в газетах?

— Потому что этим мы можем его насторожить, — ответил Мартин Бек.

— Как можно насторожить человека, который исчез?

Колльберг с утомленным видом посмотрел на Гюнвальда Ларссона и пожал плечами.

— Боже, до чего человек может быть глуп, — сказал он.

— До тех пор, пока Олафсон думает, что мы считаем, будто бы Мальм покончил с собой, а газ взорвался случайно, он чувствует себя в безопасности, — спокойно объяснил Мартин Бек.

— Почему же в таком случае он не появляется?

— Хороший вопрос, — похвалил Рённ.

— У меня есть другой вопрос, — произнес Колльберг, глядя в потолок. — В прошлую пятницу мы беседовали с Якобсоном из отдела наркотиков, и он сообщил, что Макс Карлсон, когда его доставили сюда во вторник, выглядел так, словно кто-то пропустил его через мясорубку. Интересно, кто бы это мог быть?

— Карлсон признался, что Олафсон снабжал товаром его, Рота и Мальма, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Сейчас он так не говорит.

— Но мне он сказал именно это.

— Когда? Тогда, когда ты его допрашивал?

— Точно, — невозмутимо ответил Гюнвальд Ларссон.

Мартин Бек вынул сигарету из пачки «Флориды», оторвал фильтр и сказал:

— Я уже говорил тебе раньше и предупреждаю опять, Гюнвальд. Рано или поздно тебе это выйдет боком.

Зазвонил телефон, и Рённ поднял трубку.

Гюнвальд Ларссон равнодушно зевнул.

— Ага. Ты так полагаешь?

— Я не только так полагаю, — угрюмо произнес Мартин Бек, — я в этом убежден.

— Я сейчас не могу говорить, — сказал Рённ в телефонную трубку. — Исчезла? Но это невозможно. Ничто не может бесследно исчезнуть. Да, да, я понимаю, что он расстроен… что… передай, что я его люблю и скажи ему, что нельзя плакать из-за того, что какая-то вещь исчезла. У нас тут, между прочим, человек исчез. Так мне что же, садиться и плакать? Если кто-то или что-то исчезает, то в таком случае… что?

Все присутствующие с любопытством смотрели на него.

— Да, вот именно, пропажу нужно искать до тех пор, пока ее не найдешь, — сказал Рённ и со стуком положил трубку.

— А что исчезло? — спросил Колльберг.

— Ну, моя жена…

— Что? — сказал Гюнвальд Ларссон. — Унда исчезла?

— Нет, — ответил Рённ. — Я подарил нашему малышу в день рождения пожарную машину. Она стоит 32 кроны н 50 эре. А теперь он ее потерял. Дома, в квартире. Сейчас он плачет и требует другую пожарную машину. Исчезла, ничего себе? С ума можно сойти. В моей собственной квартире. Она была вот такой величины.

Он растопырил пальцы.

— Да, это любопытно, — сказал Колльберг.

Рённ все еще сидел с растопыренными пальцами.

— Любопытно. Конечно, тебе легко говорить. Большая пожарная машина совершенно бесследно исчезла. Вот такой величины. И 32 кроны 50 эре.

В кабинете стало тихо. Гюнвальд Ларссон насупившись глядел на Рённа. Наконец он произнес вполголоса:

— Исчезнувшая пожарная машина…

Рённ с непонимающим видом уставился на него.

— Кто-нибудь беседовал с Цакриссоном? — неожиданно спросил Гюнвальд Ларссон. — Тем дураком из округа Мария?

— Да, — сказал Мартин Бек. — Он ничего не знает. Мальм сидел один в пивном баре на Хорнсгатан до тех пор, пока бар не закрылся в восемь часов. Потом он пошел домой. Цакриссон следовал за ним и мерз там три часа. Он видел, как три человека вошли в дом. Из этих троих один человек уже умер, а другой арестован. А потом пришел ты.

— Я думаю вовсе не об этом, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Он встал и вышел.

— Что ним? — спросил Рённ.

— Ничего, — с отсутствующим видом ответил Колльберг.

Он стоял и размышлял над тем, откуда Гюнвальду Ларссону известно, как зовут жену Рённа. Сам он даже не подозревал о том, что Рённ женат. Наверное, это объясняется тем, что он вообще не наблюдателен.

Гюнвальд Ларссон размышлял над тем, как может человек найти исчезнувшего убийцу, если он не способен разыскать даже полицейского.

Было пять часов вечера, и он вот уже почти шесть часов разыскивал Цакриссона. Это занятие заставило его мотаться по городу и все больше и больше походило на охоту на дикого гуся. В полицейском участке округа Мария ему сказали, что Цакриссон только что ушел. По его номеру никто не отвечал. Наконец кто-то предположил, что он пошел плавать. Куда? Возможно, в бассейн «Окесхоф», на западе, на полпути к Веллингбю. Цакриссона в бассейне «Окесхоф» не оказалось, зато там было несколько полицейских и они любезно сообщили, что никогда не слышали о коллеге с такой фамилией, но, возможно, он пошел в бассейн «Эриксдал», где полицейским тоже выделено время для тренировок. Гюнвальд Ларссон поехал на противоположный конец города. Было ветрено, по тротуарам спешили дрожащие от холода люди. Смотритель в бассейне «Эриксдал» оказался неприветливым и отказался впустить Ларссона, пока тот не разденется. Какие-то голые люди, выходящие из парной, сказали, что они полицейские и конечно же знают Цакриссона, однако не видели его уже несколько дней. Пришлось продолжить поиски.

Сейчас он стоял на первом этаже старого, но крепкого жилого дома на Торсгатан, сердито глядя на дверь табачного цвета. Над почтовым ящиком был прикреплен прямоугольник из белого картона, на котором очень аккуратным почерком шариковой ручкой

было написано «Цакриссон». Фамилия была обведена красивой зеленой рамочкой с завитушками, выполненной с большим старанием.

Он позвонил, потом постучал и пнул ногой в дверь, однако единственным результатом было лишь то, что соседка, пожилая женщина, выглянула из-за своей двери и с укоризной посмотрела на него. Ларссон ответил ей таким свирепым взглядом, что соседка мгновенно исчезла. Он слышал, как она набрасывает цепочку и запирает дверь на замок. Наверное, сейчас начнет баррикадировать дверь мебелью.

Ларссон почесал подбородок и принялся обдумывать, что делать дальше. Написать записку и бросить ее в почтовый ящик? А может быть, написать что-нибудь прямо на этом куске картона?

Дверь парадного открылась, и вошла женщина лет тридцати пяти. Она держала в руках два бумажных пакета с бакалеей и, направляясь к лифту, с беспокойством посмотрела на Гюнвальда Ларссона.

— Послушайте!

— Да? — испуганно сказала она.

— Я ищу полицейского, который живет здесь.

— О, да. Цакриссона?

— Совершенно верно.

— Детектива?

— Что?

— Детектив Цакриссон. Тот, который спас людей из горящего дома.

Гюнвальд Ларссон с изумлением уставился на нее. Наконец он сказал:

— Да, похоже, что это тот человек, которого я ищу.

— Мы очень гордимся им, — сказала женщина.

— Да, понятно.

— Он работает у нас смотрителем, — проинформировала она. — Причем с этим он тоже очень хорошо справляется.

— Ага.

— Но он очень строгий. Не позволяет детям слишком баловаться. Иногда он надевает свою фуражку, чтобы их напугать.

— Фуражку?

— Да, у него в бойлерной есть полицейская фуражка.

— В бойлерной?

— Ну да. Кстати, вы туда не заглядывали? Он обычно работает там, внизу. Если вы постучите в дверь, он вам откроет.

Она сделала шаг по направлению к лифту, остановилась и улыбнулась Гюнвальду Ларссону.

— Надеюсь, вы пришли не с дурными намерениями — сказала она. — Цакриссон не из тех людей, которые не умеют за себя постоять.

Гюнвальд Ларссон стоял в оцепенении, пока поскрипывающий лифт не скрылся из виду. Потом он быстро, в несколько прыжков, спустился по винтовой каменной лестнице в подвал и остановился перед закрытой металлической дверью. Ухватился двумя руками за дверную ручку и изо всех потянул ее на себя, но дверь не поддалась.

Он заколотил в дверь кулаками. Ничего не произошло. Он повернулся и пять раз ударил в дверь ногой. Тонкое железо загромыхало.

Внезапно кое-что произошло.

Из-за двери кто-то сказал уверенным голосом:

— А ну, брысь отсюда!

Гюнвальд Ларссон все еще был под впечатлением событий нескольких последних минут и не смог ответить сразу.

— Здесь нельзя играть, — угрожающе раздалось из-за двери. — Я ведь тебе уже говорил об этом.

— Открывай! — заорал Гюнвальд Ларссон. — Открывай, а не то я сейчас развалю весь этот чертов дом!

Две секунды было тихо. Потом могучие петли заскрипели и дверь медленно приоткрылась. Из-за нее выглянул Цакриссон, испуганный и ошарашенный.

— Ой, — сказал он. — Ой, извините… Я не знал…

Гюнвальд Ларссон отодвинул его в сторону и вошел в бойлерную. Остановился и с удивлением огляделся.

В бойлерной было безукоризненно чисто. На полу лежал яркий цветной коврик, сплетенный из полосок пластика, а напротив мазутных бойлеров стоял выкрашенный белой краской круглый кофейный столик с железными ножками. Кроме того, здесь были два плетеных кресла с клетчатыми подушками оранжево-голубого цвета, большой цветастый плед и раскрашенная от руки красная ваза с двумя красными и двумя желтыми пластмассовыми тюльпанами. На столике стояли зеленая фарфоровая пепельница, бутылка лимонада и стакан, а также лежал раскрытый журнал. На стене висели два предмета: полицейская фуражка и цветной портрет короля. Журнал был из разряда тех, что помещают фотографии полураздетых девушек и публикуют искаженные до неузнаваемости версии классических уголовных преступлений. Было очевидно, что Цакриссон как раз читал статью под заглавием «Сумасшедший доктор расчленил двух голых женщин на 60 частей» либо изучал цветную фотографию во весь разворот, изображающую розовенькую даму с огромным бюстом и тщательно выбритыми гениталиями, которые она призывно открывала двумя пальчиками взгляду наблюдателя.

На самом Цакриссоне были надеты майка, войлочные шлепанцы и синие форменные брюки.

В помещении было очень жарко.

Гюнвальд Ларссон ничего не говорил. Он был поглощен тщательным изучением интерьера. Цакриссон следил за его взглядом и нервно переминался с ноги на ногу. Наконец он, по-видимому, решил, что нужно разрядить обстановку, и сказал с напускной веселостью:

— Даже такое рабочее место можно сделать уютным, разве не так?

— Этим ты пугаешь детей? — сказал Гюнвальд Ларссон, показывая на фуражку.

Цакриссон побагровел.

— Я не понимаю… — начал он, но Гюнвальд Ларссон тут же перебил его:

— Я, конечно, пришел сюда не для того, чтобы обсуждать, как воспитывать детей или обставлять комнату.

— Да-да, — покорно сказал Цакриссон.

— Меня интересует только одно. Когда ты наконец-то явился на место пожара на Шёльдгатан, то перед тем как начать спасать всех тех людей, ты что-то начал бормотать насчет того, что пожарные уже должны были бы приехать. Что ты хотел этим сказать, черт возьми?

— Ну, я… я хотел… когда я сказал… это не я…

— Перестань мямлить. Отвечай быстро.

— Я увидел пожар, когда был на Розенлундсгатан и сразу побежал к ближайшему телефону-автомату. В центральной диспетчерской мне ответили, что они уже приняли вызов и пожарная машина уже находится там.

— Ну и что же, была она там?

— Нет, но…

Цакриссон замолчал.

— Что, но?

— Но человек из центральной диспетчерской мне действительно так ответил. Мы послали пожарную машину, сказал он. Она уже там.

— Как же такое могло произойти? Эта чертова машина что же, исчезла по дороге туда?

— Нет, я не знаю, — сконфуженно сказал Цакриссон.

— Ты побежал обратно, так?

— Да, когда вы… когда вы…

— Что тебе ответили в центральной диспетчерской на этот раз?

— Я не знаю. На этот раз я побежал к телефону срочного вызова.

— Однако в первый раз ты звонил из телефона-автомата?

— Да, я был ближе к нему. Я побежал к нему, позвонил, и в центральной диспетчерской мне сказали…

— …что пожарная машина уже там. Да, да, я об этом уже слышал. А что тебе сказали в центральной диспетчерской во второй раз?

— Я… я не помню.

— Не помнишь?

— Наверное, я был очень возбужден, — неубедительно сказал Цакриссон.

— Полицию на пожары тоже вызывают, так ведь?

— Конечно… Думаю, что да… Я хотел сказать…

— Куда же в таком случае подевался полицейский автомобиль, который тоже должен был приехать?

Мужчина в майке и форменных брюках виновато понурил голову.

— Не знаю, — угрюмо ответил он.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на него в упор и повысил голос:

— Как ты мог быть настолько тупым, что никому об этом не сказал?

— Что? А о чем я должен был сказать?

— О том, что пожарные уже выехали, когда ты им позвонил! И что пожарная машина исчезла! Кто, например, вызвал пожарных в первый раз? Тебя об этом расспрашивали, ведь так? И ты знал, что я болен, так? Я прав?

— Да, но я не понимаю…

— О Боже, я это вижу. Ты не помнишь, что сказали тебе в центральной диспетчерской во второй раз. Но сам-то ты помнишь, что сказал?

— Пожар, здесь пожар… или что-то вроде этого. Я… я был слишком возбужден. А потом я побежал.

— Пожар, здесь пожар? И ты не упомянул, где именно пожар?

— Да, конечно, я это сказал. Я почти прокричал: «Пожар на Шельдгатан!» Да, а потом приехали пожарные.

— И они тебе не сказали, что пожарная машина уже там? Я имею в виду, когда ты звонил.

— Нет.

Цакриссон задумался на несколько секунд.

— Так значит, ее там не было? — с глупым видом спросил он.

— А в первый раз? Когда ты звонил из телефона-автомата. Ты кричал им то же самое? Пожар на Шёльдгатан?

— Нет, когда я звонил из телефона-автомата, я еще не был так сильно возбужден и назвал им правильный адрес.

— Правильный адрес?

— Да, Рингвеген, 37.

— Но ведь дом находится на Шёльдгатан.

— Да, но правильный адрес: Рингвеген, 37. Очевидно, так легче для почтальона.

— Легче?

Гюнвальд Ларссон нахмурился.

— Ты в этом уверен?

— Да. Когда я начинал службу в округе Мария, мне пришлось выучить наизусть все улицы и адреса во Втором участке.

— Значит, ты сказал «Рингвеген, 37», когда звонил из автомата, и «Шёльдгатан», когда вторично звонил по спецтелефону?

— Думаю, что да. Всем известно, что Рингвеген, 37 находится на Шёльдгатан.

— Мне это не известно.

— Я имею в виду, всем, кто знает Второй участок.

Гюнвальд Ларссон, казалось, стал в тупик. Наконец он сказал:

— Что-то здесь не так.

— Не так?

Гюнвальд Ларссон подошел к столу и посмотрел на открытый журнал. Цакриссон подкрался сзади и попытался убрать его, но Ларссон прижал журнал своей могучей волосатой рукой и сказал:

— Неправильно. Их было шестьдесят восемь.

— Что?

— Этот доктор из Англии. Доктор Ракстон. Он разрезал свою жену и служанку на шестьдесят восемь частей. И они не были голые. До свидания.

Гюнвальд Ларссон покинул эту необычную бойлерную и поехал домой.. Вставив ключ в дверной замок своей квартиры в Булморе, он тут же совершенно забыл о своих служебных делах и снова начал думать о них, когда сидел у себя в кабинете, другими словами, на следующее утро.

У него было такое ощущение, что это какая-то мистика. Он никак не мог собраться с мыслями и в конце концов решил обсудить это дело с Рённом.

— Какая-то чертовщина, — сказал он. — Я ничего не понимаю.

— Что именно?

— Ну, как могла исчезнуть пожарная машина.

— Да, это, пожалуй, самое странное происшествие в моей жизни, сколько я себя помню, — сказал Рённ.

— Ага, так ты, значит, тоже об этом думал?

— Да, конечно. Я все время об этом думаю с тех пор, как мой малыш сказал, что она потерялась. Понимаешь, ведь он не выходил на улицу, потому что у него была простуда и он должен был сидеть дома. Она бесследно исчезла где-то в квартире.

— Ты что, действительно настолько глуп, что думаешь, будто я стою здесь и разговариваю с тобой об игрушке, которую вы потеряли?

— А о чем же в таком случае ты со мной разговариваешь?

Гюнвальд Ларссон объяснил, о чем он говорит. Рённ почесал нос и спросил:

— Ты уже связался с пожарными?

— Да, я только что им звонил. Человек, с которым я разговаривал, по-моему, придурок.

— А может быть, он решил, что это ты придурок?

— Ха! — сказал Гюнвальд Ларссон. Выходя из комнаты, он сильно хлопнул дверью.

На следующее утро, и среду, двадцать седьмого, состоялось обсуждение результатов розыска и было установлено, что никаких результатов, собственно, нет. Олафсон числился исчезнувшим так же, как и неделю назад, когда было разослано объявление о его розыске. О нем было достаточно много известно, например, что он наркоман и рецидивист, но об этом знали и раньше. Розыск велся по всей стране, а также через Интерпол, без особого преувеличения можно было сказать, что по всему миру. Фотографии, отпечатки пальцев и описания были разосланы в тысячах экземпляров. Уже получили ряд бес полезных сведений, однако их было не так уж и много, поскольку ее величество общественность все еще не проинформировали посредством прессы, радио или телевидения. Поиски в преступном мире дали немного. Вся проделанная огромная работа оказалась бесполезной. Никто не видел Олафсона с конца января или начала февраля. По слухам, он уехал за границу. Однако и за границей его никто не видел.

— Мы должны найти его, — подчеркнул Хаммар, — как можно скорее. Немедленно.

В общем-то больше сказать ему было нечего.

— Инструкции такого рода не слишком конструктивны, — заметил Колльберг.

На всякий случаи он сказал это уже после совещания, когда, свесив ноги, сидел на письменном столе Меландера.

Меландер сидел, откинувшись на спинку кресла и скрестив вытянутые ноги. Глаза его были полузакрыты, в зубах он сжимал свою неизменную трубку.

— Ну так как? — спросил Колльберг.

— Он думает, — ответил Мартин Бек.

— О Боже, я вижу, что он думает, но хочу знать о чем.

— Об одном отрицательном качестве полицейских, — сказал Меландер.

— Да ну, о каком же?

— О недостатке воображения.

— И ты тоже этим страдаешь?

— Да, тоже, — спокойно ответил Меландер. — Весь вопрос в том, не является ли ход расследования этого дела идеальным примером недостатка воображения. Или, возможно, узости мышления.

— С моим воображением все в порядке, — сказал Колльберг.

— Секундочку, — произнес Мартин Бек. — Ты можешь объяснить понятнее?

Он стоял на своем излюбленном месте, у двери, облокотившись на ящики с картотекой.

— Вначале нас вполне устроила версия, что газ взорвался случайно, — сказал Меландер. — Потом мы получили четкие доказательства того, что некто пытался убить Мальма при помощи зажигательного устройства, и дальнейший путь расследования стал

совершенно ясен. Мы должны найти Олафсона. Мотив: именно Олафсон это сделал. И мы следуем по этому пути, как если бы мы были сворой гончих с шорами на глазах. Кто знает, не несемся ли мы прямо в тупик?

— Несемся — это именно то слово, которое нужно, — удрученно произнес Колльберг.

— Это ошибка, которая регулярно повторяется и которая привела к провалу сотен расследований. Полиция упорно придерживается того, что считает неопровержимыми фактами. Такие факты указывают в определенном направлении. И все расследование идет в этом определенном направлении. Все другие версии отбрасываются. Лишь потому, что самая очевидная версия, как правило, верна, полиция действует так, словно это имеет место всегда. В мире полно преступников, которым удается уходить от наказания лишь потому, что полиция придерживается подобной доктрины. Предположим, кто-то находит Олафсона прямо сейчас. Возможно, он сидит в каком-нибудь ресторане в Париже или на балконе отеля в Испании или Марокко. Возможно, он сумеет доказать, что сидит там вот уже два месяца. И что же прикажете нам делать?

— Ты имеешь в виду, что мы должны просто-напросто послать ко всем чертям этого Олафсона? — спросил Колльберг.

— Вовсе нет. С того момента, когда Мальма остановили за превышение скорости и задержали, он начал представлять опасность для Олафсона. Поэтому Олафсон — самая очевидная версия. По этой причине мы должны постараться найти его. Однако мы забываем, что указанная версия с большой вероятностью может оказаться совершенно бесполезной в нашем случае с пожаром. Если даже подтвердится, что он торговал наркотиками или поставил фальшивые номера на несколько автомобилей, это все равно ничего нам не даст. Вполне вероятно, что он вообще не имеет никакого отношения к нашему делу.

— Будет весьма странно, если окажется, что Олафсон не имеет никакого отношения к этому делу.

— Согласен. Однако странные вещи тоже иногда происходят. То, что Мальм покончил с собой именно тогда, когда кто-то пытался его убить, является очень странным совпадением. Я задумался над этим уже тогда, когда обследовал место пожара. Еще одна странность, над которой никто толком не задумывался, состоит в следующем: с момента пожара прошло почти три недели, и в течение всего этого времени никто не видел Олафсона и ничего о нем не слышал. Это позволяет нам сделать определенные выводы. Однако неоспоримым фактом, насколько мне известно, является также и то, что никто не видел Олафсона в течение целого месяца до пожара.

Мартин Бек выпрямился и задумчиво сказал:

— Да, правда.

— Этот аргумент, несомненно, заслуживает внимания и заставляет нас выдвигать определенные предположения, — сказал Колльберг.

Они принялись обдумывать возможные предположения.

Чуть дальше, в том же коридоре, Рённ проскользнув в кабинет Гюнвальда Ларссона и сказал:

— Знаешь, я кое о чем думал вчера вечером.

— О чем?

— Ну, лет двадцать назад я несколько месяцев работал в Сконе. В Лунде. Я уже забыл, почему там оказался. — Он сделал паузу и потом прочувствованно произнес: — Это было ужасно.

— Что?

— Сконе.

— Ага. И о чем же ты думал?

— Там были только свиньи и коровы, поля и студенты. И жара. Я едва не расплавился. Так вот, тогда там произошел большой пожар. Ночью сгорел завод. Позже оказалось, что пожар случайно устроил какой-то сторож. Он сам поднял тревогу, но все перепутал и позвонил в пожарную охрану в Мальмс. Понимаешь, он был оттуда. Поэтому, в то время как огонь вовсю полыхал в Лунде, пожарные мотались по Мальмё в поисках пожара, с раздвижными лестницами, помпами, сетями, в которые собирались ловить прыгающих из окон людей, и так далее.

— Ты хочешь сказать, что Цакриссон был настолько глуп, что, стоя почти в самом центре Стокгольма, позвонил в пожарную охрану Накки?

— Да, я имею в виду что-то в этом роде.

— Он этого не сделал, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Я обзвонил все полицейские участки города и пригородов. Ни в одном из них пожар в тот вечер не зарегистрирован.

— На твоем месте я бы позвонил и в пожарную охрану.

— Если бы ты был на моем месте, тебе бы уже осточертели все эти пожары. Кроме того, больше шансов получить разумный ответ от полиции. Относительно больше, естественно.

Рённ направился к двери.

— Эйнар?

— Да.

— А зачем им понадобились сети? На заводе, ночью?

Рённ задумался.

— Не знаю, — наконец сказал он. — Возможно, у меня чересчур разыгралось воображение.

— Ты так полагаешь?

Гюнвальд Ларссон пожал плечами и продолжил ковыряться в зубах ножом для разрезания бумаги.

Однако на следующее утро он принялся обзванивать все пожарные части в пригородах Стокгольма. Загадка разрешилась удивительно быстро.

— Хорошо, — сказал доброжелательный голос в пожарной части Сольны-Сундбюберга. — Конечно, я могу проверить.

И спустя десять секунд:

— Да, в тот вечер у нас был ложный вызов на Рингвеген, 37 в Сундбюберге. Мы приняли его в 23 часа 10 минут. По телефону. Вас интересует еще что-нибудь?

— В полиции мне ничего не сказали об этом, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Но ведь полиция обязана была туда приехать, так?

— Патрульный автомобиль, конечно же, туда выехал.

— Этот вызов поступил к вам непосредственно или через центральную диспетчерскую Стокгольма?

— Думаю, непосредственно. Но точно я не могу вам этого сказать. Здесь только одна запись. Анонимный телефонный вызов. Ложный.

— И что же вы делаете, когда принимаете такого рода вызовы?

— Выезжаем, конечно.

— Да, я это понимаю, но вы сообщаете об этом куда-либо?

— Конечно, местным фараонам.

— Кому-кому?

— В полицию. Кроме того, мы информируем центральную диспетчерскую. Знаете, когда пожар очень сильный, то есть его далеко видно, у нас много звонков. Мы в состоянии

принять только двадцать пять вызовов одновременно, а нам звонят сотни людей. Именно поэтому мы и сообщаем о своем выезде. Иначе начнется неразбериха.

— Понятно, — сухо ответил Гюнвальд Ларссон. — Вам известно, кто принял вызов?

— Конечно. Девушка по фамилии Мортенсон. Дорис Мортенсон.

— Где я могу ее найти?

— Нигде, старина. Вчера она уехала в отпуск. В Грецию.

— В Грецию? — с явным неудовольствием произнес Гюнвальд Ларссон.

— Да, а разве там плохо?

— Там случилось худшее из того, что только могло произойти.[9]

— Вот как? Не ожидал, что наша полиция занимается коммунистической пропагандой. Я был в Акрополе, или как он там называется, прошлой осенью. Мне там очень понравилось. По моему мнению, в Греции поддерживается идеальный порядок. А какая там полиция! Вам, парни, нужно у них многому учиться.

— Заткнись, идиот, — сказал Гюнвальд Ларссон, бросая трубку.

Он не выяснил еще одной важной вещи, однако не смог заставить себя продолжать этот разговор. Вместо этого он пошел в кабинет к Рённу и попросил его:

— Ты не смог бы сделать мне одолжение? Позвони в пожарную часть Сольны-Сундбюберга и спроси, когда возвратится из отпуска их сотрудница Дорис Мортенсон.

— Ну конечно смогу. Послушай, что с тобой? Ты выглядишь так, словно тебя вот-вот хватит удар.

Гюнвальд Ларссон не ответил. Он вернулся к своему письменному столу и тут же набрал номер полицейского участка на Росундавеген в Сольне.

— Вчера я звонил вам и задавал очень важный вопрос. О том, был ли у вас какой-нибудь вызов на пожар около одиннадцати часов вечера седьмого марта, — произнес он как бы для вступления.

Сотрудник полиции из Сольны сказал:

— Да, это я отвечал на ваш звонок и сообщил, что рапорта о подобном происшествии у нас нет.

— Однако теперь я узнал, что в тот вечер был ложный вызов на Рингвеген, 37, в Сундбюберге и что полицию проинформировали об этом в установленном порядке. Это значит, что полицейский патрульный автомобиль должен был выехать по этому адресу.

— Прекрасно. Однако рапорта об этом у нас нет.

— В таком случае выясните это у тех двух парней, которые тогда дежурили. Кстати, кто они?

— Патрульные? Я сейчас попытаюсь узнать. Подождите минутку.

Гюнвальд Ларссон ждал, нетерпеливо барабаня пальцами по столу.

— Я выяснил. Автомобиль номер восемь, Эриксон и Квастму, с курсантом по фамилии Линдског. Автомобиль номер три, Кристианссон и Квант…

— Достаточно, — прервал его Гюнвальд Ларссон. — Где сейчас эти два болвана?

— Кристианссон и Квант? Они на дежурстве, патрулируют.

— Немедленно пришлите их сюда.

— Но…

— Никаких «но». Через пятнадцать минут эти два болвана должны стоять, как статуи, в моем кабинете на Кунгсхольмсгатан.

Не успел он положить трубку, как в кабинет заглянул Рённ и сказал:

— Дорис Мортенсон возвратится через три недели. Она приступит к работе двадцать второго апреля. Кстати, у того парня, с которым ты разговаривал, отвратительное настроение. Наверняка он не относится к твоим поклонникам.

— Да, их становится вес меньше и меньше, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Этого можно было ожидать, — спокойно заметил Рённ.

Спустя шестнадцать минут Кристианссон и Квант стояли в кабинете Гюнвальда Ларссона. Оба были из Сконе, голубоглазые, широкоплечие, ростом выше 180 сантиметров. У обоих все еще сохранились болезненные воспоминания о предыдущих встречах с человеком, сидящим за письменным столом. Когда Гюнвальд Ларссон поднял на них взгляд, они оцепенели и буквально превратились в каменные изваяния, изображающие двух патрульных в кожаных куртках с начищенными пуговицами и при портупеях. Кроме того, они были вооружены пистолетами и резиновыми дубинками. Самым пикантным в этой скульптурной группе было то, что Кристианссон крепко зажал свою фуражку под мышкой, а у Кванта она все еще находилась на голове.

— О Боже, это он! — прошептал Кристианссон. — Этот кровосос…

Квант ничего не сказал. Упрямое выражение его лица говорило о том, что он полон решимости не дать себя запугать.

— Ага, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Явились, несчастные тупицы?

— Что вы хотите?.. — начал Квант и внезапно осекся, потому что человек, сидящий за письменным столом, быстро поднялся.

— Я хочу уточнить одну маленькую техническую подробность, — дружеским тоном сказал Гюнвальд Ларссон. — В двадцать три часа десять минут седьмого марта к вам поступил вызов на пожар по адресу Рингвеген, 37 в Сундбюберге. Помните?

— Нет, — нагло заявил Квант. — Я этого не помню.

— Прекрати мне лгать! — зарычал Гюнвальд Ларссон. — Вы выезжали по тому адресу или нет? Отвечай!

— Кажется, да, — сказал Кристианссон. — Мы туда выезжали… Я что-то такое припоминаю. Но…

— Что «но»?

— Но там ничего не было, — закончил Кристианссон.

— Не говори больше ни слова, Калле, если не хочешь оказаться в дураках, — шепотом предупредил его Квант.

Гюнвальду Ларссону он сказал:

— Я этого не помню.

— Если хотя бы один из вас солжет мне еще раз, — заорал Гюнвальд Ларссон громовым голосом, — я лично зашвырну вас в самый забитый полицейский участок в Сканёр-Фальстербу! Можете лгать в суде, везде, где угодно, но только не здесь! О Боже, да сними ты наконец свою фуражку, идиот!

Квант снял фуражку, сунул ее под мышку, взглянул на Кристианссона и многозначительно сказал:

— Это была твоя ошибка, Калле. Если бы не твоя чертова лень…

— Но ведь именно ты не хотел, чтобы мы вообще туда ехали, — возразил Кристианссон. — Ты сказал, что ничего не слышно и нам нужно вернуться. Ты говорил, что с рацией что-то случилось.

— Это совсем другое дело, — пожав плечами, сказал Квант. — Мы ведь не можем исправить рацию. Это не входит в обязанности рядового полицейского.

Гюнвальд Ларссон сел.

— Рассказывайте, — коротко приказал он. — Быстро и понятно.

— Я был за рулем, — сказал Кристиансон. — Мы приняли вызов по рации…

— Сигнал был очень слабый, — перебил его Квант.

Гюнвальд Ларссон бросил на него строгий взгляд и сказал:

— Давайте поживее. И помните, что ложь не становится правдой от того, что ее повторяют.

— Ну, ладно, — решился Кристиансон, — мы поехали по тому адресу, Рингвеген, 37, в Сундбюберге, там действительно стояла пожарная машина, но пожара не было, в общем, ничего не было.

— За исключением ложного вызова, о котором вы просто-напросто не доложили. Из-за вашей лени и тупости. Я прав?

— Да, — промямлил Кристиансон.

— Мы тогда очень устали, — пытаясь разжалобить Ларссона, сказал Квант.

— От чего?

— От долгого и напряженного дежурства.

— Неужели? — поинтересовался Гюнвальд Ларссон. — Сколько человек вы задержали за время вашего патрулирования?

— Ни одного, — ответил Кристиансон.

Возможно, это не так уж и хорошо, зато правдоподобно, подумал Гюнвальд Ларссон.

— Была отвратительная погода, — сказал Квант. — Плохая видимость.

— У нас заканчивалось дежурство, — попытался оправдаться Кристиансон.

— Сив была серьезно больна, — сказал Квант. — Это моя жена, — добавил он как бы для справки.

— И к тому же там ничего не было, — повторил Кристиансон.

— Да, конечно, — медленно сказал Гюнвальд Ларссон. — Там ничего не было. Ничего, кроме ключевого доказательства в деле о тройном убийстве.

Потом он заорал:

— Вон отсюда! Убирайтесь!

Кристиансон и Квант выбежали из кабинета. Теперь они уже мало напоминали живописную скульптурную группу.

— О Боже! — простонал Кристиансон, вытирая пот со лба.

— Послушай, Калле, — сказал Квант, — я предупреждаю тебя в последний раз. Ты не должен ничего видеть и слышать, но уж если что-то увидел или услышал, то, умоляю тебя, докладывай об этом.

— О Боже, — тупо повторил Кристиансон.

В последующие двадцать четыре часа Гюнвальд Ларссон тщательно, шаг за шагом, восстановил всю цепочку событий и ему даже удалось достаточно понятно сформулировать свои мысли на бумаге. Выглядело это следующим образом.

7 марта 1968 года, в 23.10 в доме на Шёльдгатан возник пожар. Официальный адрес дома Рингвеген, 37. В 23.10, в тот же самый день и год неустановленное до сих пор лицо позвонило в пожарную часть Сольны-Сундбюберга и сообщило о пожаре на Рингвеген, 37. Поскольку в Сундбюберге есть улица Рингвеген, пожарные выехали по этому адресу. Одновременно в установленном порядке сообщения о предполагаемом пожаре были переданы в полицию и центральную диспетчерскую Большого Стокгольма для того, чтобы избежать дублирования. Приблизительно в 23.15 патрульный Цакриссон позвонил в центральную диспетчерскую из телефона-автомата на Розенлудсгатан и сообщил о пожаре

на Рингвеген, 37, не указав при этом, о каком районе города идет речь. Поскольку дежурный в центральной диспетчерской только что получил сообщение из Сольны-Сундбюберга, он решил, что это тот же самый пожар, и сказал патрульному Цакриссону, что пожарная машина выехала и уже должна быть на месте пожара. (Она действительно уже стояла на Рингвеген, но в Сундбюберге.) В 23.21 патрульный Цакриссон снова позвонил в центральную диспетчерскую, теперь уже по спецтелефону срочного вызова. Так как на этот раз, по его собственным словам, он сказал: «Пожар! Пожар на Шёльдгатан!», ошибки не произошло. В результате пожарные выехали на Рингвеген, 37, в Стокгольме, другими словами, к дому на Шёльдгатан.

Патрульный Цакриссон не звонил в пожарную часть Сольны-Сундбюберга. Это сделал кто-то другой.

Выводы. Пожар возник в результате поджога, совершенного при помощи химического зажигательного устройства с часовым детонатором. Если показания патрульного Цакриссона верны, это устройство было помещено в квартире Мальма самое позднее в 21.00. В этом случае часовой механизм был установлен на три часа. За столь долгое время злоумышленник мог спокойно исчезнуть в любом направлении. Человек, спланировавший пожар (либо подстрекатель[10], если таковой существует), был единственным, кто мог знать, что пожар должен начаться в 23.10. Таким образом, вероятнее всего, именно это лицо позвонило в пожарную часть Сундбюберга.

Вопрос № 1: Почему это лицо позвонило не в ту пожарную часть, в которую следовало звонить?

Вероятный ответ: Потому что это лицо находилось в Сольне-Сундбюберге и плохо знало Стокгольм и его пригороды.

Вопрос № 2: Почему это лицо вообще позвонило в пожарную часть?

Вероятный ответ: Потому что его целью было убийство Мальма и оно не хотело, чтобы остальные десять человек, находящиеся в доме, погибли или получили ранения. По моему мнению, этот аспект является существенным, так как указывает на тщательно спланированный и профессиональный характер преступления.

Гюнвальд Ларссон прочел написанное. Он подумал немного и исправил в слове «сообщения» последнюю букву на «е» и вычеркнул слова «в полицию». Сделал он это так тщательно, что даже экспертиза не смогла бы разобрать первоначальный текст, если бы это понадобилось.

— Гюнвальду удалось кое-что раскопать, — сказал Мартин Бек.

— Да неужели? — скептически заметил Колльберг. — Он что же, переквалифицировался в землекопы?

— Да нет. Он действительно обнаружил нечто очень важное. Это первая настоящая улика.

Колльберг прочел рапорт.

— Браво, Ларссон! — воскликнул он. — Это неподражаемо. Особенно стиль. «Либо подстрекатель, если таковой существует». Блестяще.

— Ты так думаешь? — дружелюбно сказал Гюнвальд Ларссон.

— Какие тут могут быть шутки, — заявил Колльберг. — Все, что нам остается теперь сделать, так это только найти Олафсона и установить, что звонил именно он. Вопрос лишь в том, как это сделать.

— Очень просто, — произнес Гюнвальд Ларссон. — Вызов принимала одна девушка. Думаю, она сумеет узнать его голос. У телефонисток хорошая память на голоса. К сожалению, она сейчас в отпуске и с ней нельзя поговорить. Но через три недели она возвратится.

— А до этого нам всего лишь нужно найти Олафсона, — сказал Колльберг.

— Да, — согласился Рённ.

Этот разговор состоялся в пятницу, двадцать девятого марта.

Прошло два дня. Начался новый месяц. Прошла еще одна неделя. Уже почти две. И по-прежнему никаких следов человека, которого зовут Бертил Олафсон.

XIX

Мальмё — третий по величине город Швеции, и он совсем не похож на Стокгольм. В нем примерно в три раза меньше жителей, и он находится на равнине, в то время как Стокгольм расположен на нескольких островах. Кроме того, Мальмё на 500 километров южнее и его порт связывает страну с континентом. Ритм жизни здесь спокойнее, атмосфера не такая агрессивная, и даже полиция, говорят, настроена дружелюбнее, возможно по потому, что климат здесь мягче. Дожди идут часто, но по-настоящему холодно бывает редко, и задолго до того, как начинает таять снег в окрестностях Стокгольма, волны Эресунна с журчанием накатываются на пологие песчаные берега и глинистые плато.

Весна, как правило, наступает рано по сравнению с другими районами страны, а февраль, март и апрель часто оказываются на удивление солнечными, безоблачными и безветренными.

Именно таким днем и была пятница, шестое апреля.

Начались пасхальные каникулы, и многие отправились привести в порядок свои летние домики, навестить друзей и знакомых. Сезон отпусков еще не наступил, но был не за горами, и вдоль обочин уже появились желтые весенние цветы.

В Индустрихаммен, северной части города, эта суббота была как-то по-особенному спокойной, и не только потому, что этот район находится вдали от центра, но также потому, что вряд ли его можно назвать привлекательным для прогулок или автомобильных путешествий. Длинные пустынные доки с замершими подъемными кранами и грузовиками, штабеля досок и ржавых железных балок, редкий лай запертой где-то собаки и несколько пришвартованных к причалу датских землечерпалок, экипажи которых уехали домой на Пасху. У одного из запертых складов стояли двести новеньких голубых тракторов, которые только что прибыли на пароходе из Англии и вскоре будут доставлены фермерам близлежащих районов.

Было тихо, если не считать собачьего лая и приглушенного шума нефтеочистительного завода, находящегося в пятистах метрах от доков. Вокруг разносился достаточно сильный запах нефти.

На всем этом огромном пространстве были лишь два маленьких мальчика, которые, лежа на животах, ловили рыбу. Они лежали рядышком, раскинув ноги и свесив головы с причала. Эти два мальчика были очень похожи друг на друга. Обоим было по шесть с половиной лет, оба темноволосые, кареглазые и загоревшие, хотя зима еще практически не закончилась.

Они пришли сюда из своих небогатых домов в восточной части города; в карманах у них лежали перочинные ножики и катушки с леской. Около часа они бегали между двумя сотнями тракторов и посидели по меньшей мере на пятидесяти из них. Кроме того, они нашли несколько пустых бутылок, которые бросили воду, и безуспешно пытались попасть в них камешкам, а также обнаружили старый брошенный автопогрузчик, годный лишь в металлолом, с мотора которого им удалось отвинтить несколько интересных и ценных, по их мнению, деталей. Теперь они лежали на причале и занимались тем, ради чего, собственно, и пришли сюда —ловили рыбу.

Появление здесь этих мальчиков объяснялось тем что они не были шведами. Ни одному шведу, даже их возраста, не пришло бы в голову ловить здесь рыбу, потому что шансы

поймать что-нибудь были такими же, как обнаружить живую сельдь в консервной банке. Здесь не было ничего, кроме грязных старых угрей, кормящихся в иле у причала. Но даже они не клевали.

Мальчиков звали Омер и Миодраг, они приехали из Югославии. Их отцы были докерами, а матери работали на текстильной фабрике. Жили они здесь недавно и еще не успели выучить язык. Миодраг мог сказать только «один, два, три». Особых шансов хорошо выучить язык у них не было, потому что целые дни они проводили к детском саду, где семьдесят процентов детей были иностранцами. К тому же их родители собирались вернуться домой, как только заработают достаточно денег, чтобы считать себя богатыми.

Оба мальчика лежали и смотрели на воду, думая о громадной рыбе, которая скоро клюнет, такой громадной и сильной, что как бы она не стащила их в воду. В этот момент произошло то, что случается очень редко, причем только в особых климатических и гидрологических условиях. В четверть четвертого, в этот погожий, солнечный день в грязную акваторию порта течение из открытого моря занесло слой чистой морской воды. Омер и Миодраг внезапно обнаружили, что видят свои лески под водой, видят грузила и даже червяков на крючках. Вода становилась все прозрачнее и прозрачнее, и они смогли увидеть дно, старый ночной горшок и ржавую железную балку. А потом в десяти метрах от причала они увидели нечто такое удивительное, от чего у них сразу же разыгралось воображение.

Это был автомобиль. Они видели его совершенно четко. По-видимому, он был голубого цвета и стоял багажником к причалу, с закрытыми дверцами и глубоко погрузившимися в ил колесами, словно кто-то запарковал его здесь, на площади секретного города на дне моря. Насколько они могли видеть, автомобиль был совершенно целый, без единой вмятины.

Вода стала мутнеть, автомобиль начал медленно исчезать, и через одну-две минуты ни автомобиля, ни ночного горшка, ни даже лесок не было видно, осталась лишь грязная серо-зеленая поверхность воды в разводах бензина и пятнах нефти.

Мальчики огляделись вокруг в поисках взрослого, которому они могли бы показать свое открытие или, по крайней мере, рассказать о нем, потому что теперь уже показывать было нечего. Однако Индустрихаммен был пустынным и безлюдным в этот чудесный субботний день и даже собака перестала лаять.

Омер и Миодраг смотали леску и сунули ее в карманы, уже набитые старыми шайбами, медными трубками и ржавыми болтами и гайками. Потом они побежали так быстро, как только могли, однако когда они остановились, чтобы перевести дыхание, то находились все еще на причале, потому что он был очень большой, а мальчики, что ни говори, были очень маленькими.

Прошло еще десять минут, прежде чем они добежали до Веткуствеген, где уже были люди, однако и здесь мальчики не знали, что им делать, потому что люди сидели в своих автомобилях, несущихся по дороге, занятые собой и неприветливые, и никому не было дела до двух мальчиков, которые стояли на тротуаре и размахивали руками, тем более, что по их темным лицам было видно, что это обычный «иностранный сброд».

Лишь двадцать пятый по счету автомобиль не проехал мимо, а остановился. Это был черно-белый «фольксваген» с мигалкой на крыше и надписью «Полиция», сделанной большими буквами на дверцах.

В этом автомобиле сидели два полицейских, Элофссон и Борглюнд. Настроение у них было мирное и добродушное, и ни один из них не понимал ни слова из того, о чем говорили мальчики. Элофссон наконец-то разобрался, что мальчики показывают в сторону порта, а один из них говорит что-то похожее на слово «авто». Он угостил каждого мальчика конфеткой, поднял стекло, улыбнулся и помахал им на прощанье.

Элофссон и Борглюнд оказались полицейскими добросовестными и объехали весь порт, тем более что особой работы у них сейчас не было. Доехав до конца причала, они

остановились и Борглюнд вышел из машины. Он даже подошел к краю причала и постоял здесь несколько минут, но увидел лишь странное искусственное болото, образовавшееся в результате работы землечерпалок. Кроме того, он услышал собачий лай и приглушенный шум нефтеочистительного завода.

Спустя двадцать четыре часа на причале в Индустрихаммен стоял другой полицейский. Он был инспектором полиции и звали его Монссон. Автомобиля он тоже не увидел. Перед ним была лишь грязная вода, пустая консервная блики и использованный презерватив.

Слухи, которые привели его сюда, проделали длинный путь и стали сильно искаженными. Ему сообщили, что два югославских мальчика видели, как здесь, в Йёрикайен свалился в воду полицейский автомобиль. Мальчики еще не ходили в школу и не говорили по-шведски. Они показывали на самые разные места у причала, а полицейские автомобили, естественно, все были на месте.

Монссон задумчиво жевал зубочистку и слушал, как где-то поблизости лает собака. Монссон был мужчина, которому уже пошел шестой десяток, коренастый, со спокойным, мирным характером. Он обошел весь причал вдоль и поперек, но не нашел ничего.

Монссон вынул изо рта изжеванную зубочистку и выбросил се в воду. Она мирно закачалась между презервативом и консервной банкой. Он пожал плечами и направился к машине.

«Завтра нужно будет найти аквалангиста», — подумал он.

XX

Погрузившись в тридцать первый раз, аквалангист наконец-то нашел автомобиль.

— Угу, — сказал Монссон.

Он перекатывал во рту зубочистку и размышлял над тем, что предстоит сделать.

Вплоть до этого момента, двадцати трех минут третьего, восьмого апреля 1968 года, он был абсолютно уверен, что автомобиль существует лишь в воображении этих двух маленьких мальчиков.

Теперь ситуация изменилась.

— В каком положении он находится?

— Там почти ничего не видно, — сказал аквалангист, — но, насколько я смог разобрать, он стоит на дне, багажником к причалу, метрах в пятнадцати отсюда. Немножечко под углом, словно ехал вдоль причала и не успел повернуть.

Монссон кивнул.

— Здесь нет никаких предупреждающих знаков, — сказал аквалангист.

Он не служил в полиции и к тому же был молод и неопытен.

Монссон принимал участие в подъеме из воды по меньшей мере десяти автомобилей за последние двадцать лет. И каждый раз они оказывались пустыми и числились в списке украденных. К ответственности никого привлечь не удалось, но были все основания полагать, что владельцы автомобилей таким оригинальным способом не только избавлялись от отслуживших свое машин, но также получали страховку.

— Что-нибудь еще можете сказать?

— Я почти ничего не могу разобрать. Он не очень большой, и внутри полно ила и грязи. — Аквалангист сделал паузу. — Он наверняка довольно долго там находится, — сказал он.

— Ладно, придется его поднять, — произнес Монссон. — До того, как мы доставим лебедку, вам, очевидно, нет смысла туда спускаться?

— Нет. Мне нужно будет только закрепить крюки.

— В таком случае вылезайте из воды и согрейтесь чем-нибудь, — сказал Монссон.

Чудесную погоду словно ветром сдуло, в буквальном смысле. Небо стало серым, с низкими тучами, дул северо-западный ветер, холодный и пронизывающий. На причале шла обычная работа. Громыхали экскаваторы и землечерпалки, маленький буксир пыхтел у входа в порт, тепловоз тащил несколько товарных вагонов, впереди него шел человек с красным флажком; разгружались несколько судов, приплывших сегодня утром. Какой-то платный информатор из полиции или пожарной охраны предупредил прессу, и около десяти репортеров и фотографов уже несколько часов стоя мерзли на причале или с хмурым видом сидели в своих автомобилях. Репортеры и аквалангист, в свою очередь, привлекли к себе внимание нескольких зевак, которые бродили взад-вперед под порывами ветра, высоко подняв воротники и засунув руки глубоко в карманы.

Монссон не стал ограждать эту часть причала или каким-либо другим способом мешать людям ходить здесь. Один из репортеров периодически подходил к нему и говорил: «Ну как там?» или что-то в таком роде. Репортер снова вылез из машины и в самом деле сказал:

— Ну как там?

— Там внизу автомобиль, — медленно ответил Монссон. — Приблизительно через полчаса мы его поднимем.

Он посмотрел ил журналиста, которого знал уже много лет, подмигнул ему и сказал:

— Вы не могли бы сообщить об этом остальным? Мы не сможем отложить подъем.

— Конечно, он пуст? — спросил репортер.

— Ну, — сказал Монссон и взял новую зубочистку, — насколько мне известно, да.

— Страховка, как обычно?

— Сначала нужно его поднять и осмотреть, — зевая, сказал Монссон. — Причем это произойдет не раньше чем через полчаса. Вы спокойно можете уехать и где-нибудь перекусить.

— Пока, — попрощался журналист.

— Угу, — сказал Монссон и пошел к своей машине. Он сдвинул шляпу на затылок и включил радио. Отдавая распоряжения, он заметил, что некоторые репортеры последовали его совету и уехали.

Элофссон и Борглюнд тоже были здесь. Они сидели в своем «фольксвагене», метрах в двадцати пяти и мечтали о глотке кофе. Через несколько минут Элофссон, заложив руки за спину, подошел к Монссону и спросил:

— Что нам говорить людям, которые интересуюся тем, что тут происходит?

— Отвечайте им, что мы собираемся поднять из воды старый автомобиль, — сказал Монссон. — Через полчаса. На это время можете уехать и выпить кофе.

— Спасибо, — сказал Элофссон.

Маленький полицейский автомобиль умчался с рекордной скоростью. Оба полицейских выглядели серьезно и решительно, словно выполняли важное и срочное задание. Наверняка они включили сирену и мигалку, когда скрылись из виду, с улыбкой подумал Монссон.

Прошел почти час, прежде чем все было готово к подъему автомобиля. Элофссон и Борглюнд, а также журналисты, уже вернулись, к зевакам присоединились докеры, моряки и другие работники порта. Всего здесь собралось человек 150.

— Ну что ж, — сказал Монссон. — Начнем, пожалуй?

Подъем произошел быстро и без всякой театральности. Цепи со скрипом натянулись, грязная вода забурлила и над поверхностью воды показалась металлическая крыша.

— Осторожно! — крикнул Монссон.

Наконец над водой оказался весь автомобиль, облепленный илом и грязью. Из него хлестала вода. Он чуть косо висел на крюках, и Монссон внимательно следил за ним, в то время как фотографы непрерывно щелкали камерами. Автомобиль был маленький, старый и довольно изношенный. Модель «форд» английского производства, сейчас уже довольно редкая, но когда-то ее можно было очень часто встретить на дорогах.

Автомобиль, очевидно, был голубого цвета, но сейчас его покрывал слой серо-зеленой слизи, и цвет трудно было определить. Боковые стекла были разбиты или опущены, и внутри было полно ила и мусора.

— Опускайте, — сказал Монссон.

Толпа начала смыкаться, и он спокойно попросил:

— Пожалуйста, оставайтесь на месте. Его ведь надо куда-то поставить.

Люди отошли назад, Монссон тоже. Маленький автомобиль приземлился с неприятным скрежетом, крылья и передний бампер у него едва держались.

Автомобиль действительно выглядел довольно мрачно, и трудно было представить, что он когда-то выкатился из ворот завода в Дегенхеме, новенький и сияющий, а его первый владелец горделиво уселся за руль с бьющимся от восторга сердцем.

Элофссон первый подошел к автомобилю и заглянул внутрь. Люди, наблюдающие за ним сзади, увидели, как он внезапно замер и потом резко выпрямился.

Монссон медленно последовал за ним, наклонился и заглянул в открытое окно правой дверцы.

Между сгнивших сидений с ржавыми пружинами и почерневшим каркасом сидел облепленный илом труп. Один из самых ужасных, какие когда-либо видел Монссон. С пустыми глазницами и оторванной нижней челюстью.

Монссон выпрямился и повернулся спиной к автомобилю.

Элофссон начал автоматически отодвигать толпу.

— Не отталкивай людей, — сказал Монссон.

Он посмотрел на людей, которые стояли к нему ближе всех, и спокойно сказал:

— В автомобиле находится мертвый человек. Он ужасно выглядит.

Никто из присутствующих не сделал попытки протолкнуться вперед.

XXI

Монссон не слишком придерживался инструкций, которые рекомендовали не посвящать публику в деятельность полиции или позволять фотографировать «только с разрешения начальника полиции или в тех случаях, когда этого невозможно избежать». Он вел себя совершенно естественно даже в самых необычных ситуациям и уважительно относился к людям, а они отвечали ему тем же.

Хотя ни Монссон, ни кто-либо другой над этим как-то не задумывался, он действительно отлично поработал на причале в Индустрихаммен в тот понедельник.

Если бы он занимался беспорядками, которые имели место в то длинное жаркое лето и к которым относились с большим беспокойством, большинство из них, вероятнее всего, вообще бы не произошли. Однако ими занимались люди, которые полагали, что Родезия находится где-то возле Тасмании и что сжигать американский флаг незаконно, зато похвально поносить вьетнамцев. Эти люди считали, что водометы, резиновые дубинки и немецкие овчарки помогают налаживать контакт с народом, и результаты соответствовали этим представлениям.

Но у Монссона голова была занята другим, он думал об утопленнике.

Трупы, найденные в воде, никогда не выглядят слишком приятно, по этот труп был самым отталкивающим из тех, с которыми он когда-либо имел дело.

Даже патологоанатом, производящий вскрытие, сказал:

— Тьфу! Ну и работку ты мне подсунул.

Потом он занялся делом, а Монссон, стоя в углу, наблюдал за ним. Казалось, Монссон над чем-то задумался, и врач, который был молод и чуточку зелен, время от времени с любопытством на него поглядывал.

Монссон был уверен, что не все обстоит так просто с этим трупом в автомобиле. Он подозревал, что произошло что-то серьезное, когда автомобиль свалился в воду. Простейшая версия не проходила с самого начала. Это не могло быть мошенничество, связанное со страховкой. Кому понадобилось сталкивать с причала эту старую развалину, которая была новой лет двадцать назад? И зачем?

Логический ответ на эти вопросы был пугающе прост, поэтому у Монссона не дрогнул ни один мускул, когда патолог сказал:

— Этот твой приятель был мертв до того, как отправился в воду.

После небольшой паузы Монссон спросил:

— Как долго он мог там находиться?

— Трудно сказать, — ответил врач.

Он взглянул на ужасные распухшие останки, лежащие на столе, и сказал:

— Там много угрей?

— Думаю, много.

— Ну… Несколько месяцев. Как минимум, два, возможно, четыре.

Он немного покопался своим скальпелем и сказал:

— Разложение произошло необычно быстро. Возможно, в воде много химических реактивов или другой дряни.

Уже перед самым уходом в конце рабочего дня Монссон задал еще один вопрос:

— Слушай, а насчет угрей, это не просто бабушкины сказки?

— Угорь — загадочное создание, — заявил врач.

— Спасибо, — сказал Монссон.

Вскрытие было закончено на следующий день и поведало весьма печальную историю.

Расследование длилось значительно дольше, однако результат оказался не менее печальным.

И не потому, что ничего не обнаружили. Напротив, удалось установить даже чересчур много фактов.

Автомобиль был «форд-префект», модель 1951 года. Он был голубого цвета, и его недавно небрежно перекрасили. На нем стояли фальшивые номера, а регистрационный сертификат и табличка с именем владельца исчезли. С помощью регистра транспортных средств удалось найти двух последних владельцев этого автомобиля. Оптовый торговец цветами из Оксе купил этот автомобиль в подержанном, но относительно хорошем состоянии в 1956 году, пользовался им восемь лет, а потом продал его одному из своих работников за 100 крон. Этот человек пользовался автомобилем три месяца. Он сказал, что автомобиль был в рабочем состоянии, но выглядел настолько ужасно, что он поставил его па стоянку за рынком на Дротнингторгет. Через несколько недель он обнаружил, что автомобиль исчез, и решил, что его отбуксировала полиция или дорожная служба.

Ни полиции, ни дорожной службе ничего не было известно об этом. Наверное, автомобиль украли. С тех пор никто его не видел.

О последнем пассажире автомобиля тоже было достаточно много известно. Это был мужчина лет сорока или чуть старше, ростом около 175 см, с волосами пепельного цвета. Он

не утонул — смерть наступила в результате удара по голове. Орудие убийства оставило отверстие в черепе. Отсутствие осколков костей вокруг отверстия указывало на то, что орудие убийства имело округлую форму.

Смерть наступила мгновенно.

Орудие убийства обнаружили внутри автомобиля. Округлый камень, засунутый в мужской нейлоновый носок. Камень был около 10 см в диаметре, естественного происхождения. Небольшой кусок гранита. Длина носка от пятки до пальцев составляла 25 см, он был французского производства. Кроме того, носок был хорошего качества, модель известной фирмы, и, очевидно, никогда не использовался по своему прямому назначению.

Снять отпечатки пальцев у трупа не удалось. Кожа на пальцах расползлась, а на остатках кожи папиллярные линии были едва различимы.

В автомобиле не оказалось ни одного предмета, который позволил бы установить личность убитого. По его одежде это определить не удалось, она была дешевой, иностранного производства и неизвестно откуда. Здесь не было также ничего, что бы дало возможность получить какие либо сведения об убийце.

Полиция обратилась за помощью ко всем, кому могло быть что-либо известно о голубом «префекте» 1951 года выпуска, не зарегистрированном с 1964 года. Никто ничего не сообщил. Трудно было ожидать другого результата, если учесть, что вся страна превратилась в сплошное кладбище автомобилей, где проржавевшие останки одних покоились в саване из ядовитых выхлопов их наследников.

Монссон отодвинул рапорты в сторону, запер кабинет и вышел из полицейского участка. Глядя в землю, он направился по диагонали через Давидсхалсторг к винному магазину.

Он думал о своем утопленнике.

Монссон был одновременно и женат, и холост. Он и его жена начали действовать друг другу на нервы десять лет назад, когда их дочь вышла замуж за южноамериканского инженера и уехала в Эквадор. У Монссона была холостяцкая квартира на Регементсгатан, недалеко от Фридхемсторгет, и в основном он жил там. Но каждую пятницу, вечером он приходил домой к своей жене и оставался у нее до утра понедельника. С его стороны это было мудро, подумал Монссон. Взаимное раздражение исчезало и всю вторую половину недели они с удовольствием ждали их супружеского уик-энда.

Монссон любил сидеть в своем продавленном старом кресле и выпивать рюмочку-другую перед тем как отправиться в постель. Этот понедельник не был исключением. Вообще вечер в понедельник был особенным. И не только потому, что Монссон уставал от своей старушки и знал, что не увидит ее до пятницы, хотя в четверг ему уже захочется с ней встретиться, но еще и потому, что в предыдущие три дня ему приходилось пить за едой лишь слабое пиво. Крепкие спиртные напитки в доме жены были запрещены.

Он приготовил себе третий грипенбергер и начал размышлять о своем утопленнике.

Грипенбергер состоит из джина, газированного виноградного сока и кубиков льда. Финско-шведский кавалерийский офицер по фамилии Грипенберг научил его, как нужно смешивать этот коктейль. Это было в Вилманстранде, сразу после войны, когда виноградный сок все еще трудно было достать, и с тех пор Монссон привык к этому напитку.

Монссону приходилось расследовать много убийств, однако он не мог припомнить ничего похожего на смерть мужчины в автомобиле. Ясно, что речь идет о преднамеренном убийстве. Кроме того, убийца воспользовался орудием простым и эффективным. Округлые камни можно найти везде, а тот факт, что у кого-то оказался французский черный носок, вряд ли способен вызвать интерес.

Мужчину в автомобиле убили одним ударом. Потом убийца засунул труп в старый автомобиль и столкнул его в воду.

Со временем они, вероятно, установят личность жертвы, но у него было неприятное предчувствие того, что это не особенно встревожит убийцу.

Это дело, по-видимому, трудно будет раскрыть. Монссон чувствовал, что пройдет очень много времени, прежде чем оно будет расследовано. Если это вообще когда-либо произойдет.

XXII

Дорис Мортенсон возвратилась домой в субботу вечером, двадцатою апреля.

В понедельник, в восемь часов утра она стояла перед большим зеркалом в спальне, любуясь своим загаром и думая о том, как теперь ей будут завидовать коллеги. На правом бедре у нее еще оставался заметный след от любовного укуса, два подобных следа были также на ее левой груди. Застегивая бюстгальтер, она решила всю следующую неделю вести себя осторожно, чтобы избежать нежелательных вопросов и вынужденных объяснений.

Раздался дверной звонок. Она натянула платье через голову, сунула ноги в шлепанцы и пошла открыть дверь. Весь дверной проем заполнял собой гигантский блондин в твидовом костюме и коротком плаще спортивного фасона.

Он посмотрел на нее своими голубыми глазами и спросил:

— Как там в Греции?

— Замечательно.

— А вам известно, что военная хунта бросила там десятки тысяч людей в тюрьмы по политическим мотивам и что их пытают и убивают ежедневно? Что они подвешивают женщин на железные крюки к потолку и прижигают им соски грудей электрическими паяльниками?

— Об этом как-то не думаешь, когда ярко светит солнце, а все вокруг танцуют и чувствуют себя счастливыми.

— Счастливыми?

Она оценивающе взглянула на него и подумала, что ее загар должен хорошо смотреться на фоне ее белого платья. Она сразу увидела, что перед ней стоит настоящий мужчина. Большой, сильный и прямой. Возможно, он также немного грубоват, но это ему только идет.

— Кто вы? — с любопытством спросила она.

— Полиция. Моя фамилия Ларссон. Седьмого марта этого года в двадцать три часа десять минут вы приняли ложный вызов по телефону. Помните?

— Да, конечно. Мы очень редко принимаем ложные вызовы. Рингвеген в Сундбюберге.

— Верно. Что сказал тот человек?

— Пожар у дома на Рингвеген, 37. Цокольный этаж.

— Это был мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Вы уверены в том, что он сказал именно это?

— Да.

Он вынул из кармана несколько листков бумаги, шариковую ручку и что-то записал.

— Еще что-нибудь можете сообщить?

— О, конечно. Очень много.

Мужчина, казалось, удивился. Он нахмурился и в упор посмотрел на нее своими голубыми глазами. Да, в шведских мужчинах все-таки что-то есть. Жаль, что на ней такие отметины. Хотя, возможно, он мужчина без предрассудков.

— Вот как. Что же именно?

— Во-первых, он звонил из телефона-автомата. Я слышала щелчок, когда упала монета. Возможно, он звонил из телефона-автомата в Сундбюберге.

— Почему вы так считаете?

— Ну, видите ли, там в некоторых телефонах-автоматах еще остались старые таблички с нашим прямым номером. Во всех других местах на табличках теперь указан номер центральной диспетчерской в Стокгольме.

Мужчина кивнул и снова сделал пометку на листке бумаги.

— Я повторила адрес и спросила: «Здесь, в городе? В Сундбюберге?» Потом я собиралась спросить, как его зовут и все такое прочее.

— Но вы этого не сделали?

— Нет. Он ответил: «Да» и повесил трубку. У меня создалось впечатление, что он спешит. Впрочем, люди, которые нам звонят и сообщают о пожаре, всегда нервничают.

— Значит, он вас перебил?

— Да. Мне даже кажется, что я вообще не успела произнести слова «Сундбюберг».

— Не успела?

— Да нет, я-то его произнесла, но он на полуслове сказал: «Да» и повесил трубку. Не думаю, что он вообще его услышал.

— А по тому же самому адресу в Стокгольме и в то же время не было пожара?

— Нет. Хотя в Стокгольме в это же самое время был сильный пожар. Я получила сообщение о нем из центральной диспетчерской минут через десять или двенадцать. Но тот пожар был на Шёльдгатан.

Она внимательно посмотрела на него и сказала:

— Ой, это вы спасли всех тех людей в горящем доме?

Он не ответил, и после паузы она сказала:

— Да, это были вы. Я узнала вас по фотографиям. Но я не представляла себе, что вы такой большой.

— У вас, наверное, хорошая намять.

— Как только я узнала, что вызов был ложным, я сразу постаралась запомнить этот разговор. Полиция потом обычно интересуется такими вещами. Я имею в виду местную полицию. Однако на этот раз меня ни о чем не расспрашивали.

Мужчина насупился. Об этом он знал. Она чуть выставила вперед правое бедро и согнула колено, оторвав при этом пятку от пола. У нее красивые ноги, к тому же сейчас они загорелые.

— Еще что-нибудь помните? О мужчине.

— Он был не швед.

— Иностранец?

Он еще сильнее нахмурился и уставился на нее. Жаль, что она надела шлепанцы. У нее красивые ноги, и она знала об этом. А ноги должны быть красивыми.

— Да, — сказала она. — У него был довольно заметный акцент.

— Какой именно акцент?

— Он был не немцем или финном, — сказала она, — и наверняка не норвежцем или датчанином.

— Откуда вам это известно?

— Я знаю, как говорят финны, и у меня был… я встречалась одно время с немецким парнем.

— Вы хотите сказать, что он плохо говорил по-шведски?

— Вовсе нет. Я поняла все, что он сказал, и говорил он гладко и очень быстро.

Она подумала о том, что сейчас наверняка выглядит привлекательно.

— Он был не испанцем. И не англичанином.

— Американец? — предположил мужчина.

— Наверняка нет.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Среди моих знакомых здесь, в Стокгольме, есть много иностранцев, — сказала она. — И потом, я по крайней мере дважды в год езжу на юг. Я знаю, что англичане или американцы никогда не могут научиться говорить по-шведски. Возможно, он был француз. Может быть, итальянец. Но вероятнее всего, француз.

— А почему вы так решили?

— Ну, он, например, сказал «пожаг».

— Пожаг?

— Ну да, вместо «пожар» и «тгидцать» вместо «тридцать».

Он заглянул в свои записи и сказал:

— Давайте уточним. Итак, он сказал: «Пожар в доме на Рингвеген, 37».

— Нет. «Пожар у дома на Рингвеген, 37. Цокольный этаж. Причем он сказал „пожаг" вместо „пожар" и „тгидцать" вместо „тридцать". Мне показалось, что это похоже на французский акцент…

— С французским парнем вы тоже встречались?

— Ну… У меня есть несколько друзей среди французов.

— А как он произнес «да»?

— С очень долгим «а», как жители Сконе.

— Нам, наверное, придется встретиться с вами еще раз, — сказал он. — Я вами просто восхищен.

— Может быть, вы хотите…

— Я говорю о вашей памяти. До свидания.

— Разве Олафсон говорит по-шведски с сильным акцентом и произносит «пожаг» вместо «пожар» и «тгидцать» вместо «тридцать», да к тому же путает предлоги? — спросил Гюнвальд Ларссон, когда на следующий день все они собрались вместе в управлении на Кунгсхольмсгатан.

Присутствующие с любопытством посмотрели на него.

— И «цокольный этаж» вместо «первый этаж»?

Ему никто не ответил, и Гюнвальд Ларссон молча сел. Потом он повернулся к Мартину Беку и спросил:

— А этот парень Шаке, который сейчас в Вестберге…

— Скакке. Ну да. Ему можно дать задание?

— Смотря какое.

— Он в состоянии обойти все телефоны-автоматы в Сундбюберге?

— Ты мог бы поручить это местной полиции.

— Ни за что. Нет, туда нужно послать этого парня. Пусть возьмет с собой карту города и отметит на ней все телефоны-автоматы с устаревшими табличками, на которых указан номер пожарной части в Сундбюберге.

— Ты можешь объяснить, зачем это нужно?

Гюнвальд Ларссон объяснил.

Мартин Бек задумчиво потер подбородок.

— Слишком загадочно, — сказал Рённ.

— Что загадочно? — спросил Хаммар, входя в кабинет. Вслед за ним с грохотом ввалился Колльберг.

— Всё, — мрачно ответил Рённ.

— Гюнвальд, на тебя пришел рапорт о превышении служебных полномочий, — сообщил Хаммар, взмахнув перед Ларссоном листом бумаги.

— От кого?

— От младшего инспектора Улльхольма из Сольны. Ему сообщили, что ты занимался большевистской пропагандой среди местных пожарных. Причем в это время ты находился при исполнении служебных обязанностей.

— А, Улльхольм, — протянул Гюнвальд Ларссон. — Это уже не впервые.

— В прошлый раз обвинение было то же?

— Нет. В тот раз я нецензурно выразился в полицейском участке округа Клара, чем нанес урон репутации полиции.

— На меня он тоже жаловался, — сказал Рённ. — Прошлой осенью, после убийства в автобусе. Я не назвал свое имя и звание, когда пытался допросить умирающего старика в Каролинской больнице. Хотя Улльхольм знал, что старик перед смертью пришел в сознание только на тридцать секунд.

— Ну ладно. Как там идут дела? — поинтересовался как бы между прочим Хаммар, окинув взглядом присутствующих.

Ему никто не ответил, и через несколько секунд Хаммар вышел, чтобы продолжить свои бесконечные совещания с прокурорами, старшими комиссарами и другим начальством, которое непрерывно интересовалось тем, как идут дела. Ему приходилось многое выдерживать.

Вид у Мартина Бека был унылый. Он уже успел подхватить свою первую весеннюю простуду и сморкался каждые пять минут. После длинной паузы он сказал:

— Если звонил Олафсон, то он вполне мог изменить свой голос. К тому же, вероятнее всего, это сделал именно он. Разве я не прав?

Колльберг покачал головой и сказал:

— Олафсон родился в Стокгольме и прекрасно его знал. Разве он стал бы звонить в пожарную часть Сундбюберга?

— Нет, не стал бы, — произнес Гюнвальд Ларссон.

Других событий во вторник, двадцать третьего апреля, практически не происходило.

В среду и четверг никаких новостей не было. В пятницу, когда все снова собрались вместе, Гюнвальд Ларссон спросил:

— Как там дела у Таке?

— Скакке, — поправил его Мартин Бек и чихнул.

— Его трудно расшевелить, — заметил Колльберг.

— Лучше бы я сделал это сам, — раздраженно сказал Гюнвальд Ларссон. — Такое задание можно выполнить за один день.

— У него было много работы, и он только вчера освободился, — словно оправдываясь, сказал Мартин.

— Какой еще работы?

— Ну, мы ведь занимаемся не только телефонами-автоматами в Сундбюберге, нам хватает и других дел.

Поиски Олафсона не продвигались ни на шаг, и не было никакой возможности их как-то ускорить. Все, что можно было разослать, уже разослали, от описаний и фотографий до отпечатков пальцев и характерных особенностей зубов.

Суббота и воскресенье прошли у Мартина Бека так, что хуже некуда. Его мучило тревожное предчувствие, что еще немного и это дело станет совершенно запутанным. Насморк у него усиливался, и словно в дополнение к этому его ожидало еще одно потрясение, личного характера. Ингрид, его дочь, объявила, что собирается уйти из дома. В общем-то в этом не было ничего неестественного или удивительного. Скоро ей исполнится семнадцать, и она уже почти взрослая. Конечно, она имеет право жить своей собственной жизнью и поступать как ей нравится. Он уже давно понимал, что такой момент приближается, но тем не менее сейчас был застигнут врасплох. Во рту у него стало сухо, голова закружилась. Он беспомощно чихнул, но ничего не сказал, потому что хорошо ее знал и понимал, что она серьезно обдумала свое решение.

И словно для того, чтобы его добить, жена сказала холодным и практичным тоном:

— Давайте лучше подумаем, какие вещи Ингрид нужно взять с собой. И можешь о ней не беспокоиться. Она не пропадет. Мне отлично это известно, потому что воспитывала ее я.

В общем-то она была права.

Их сын, которому было тринадцать лет, воспринял это сообщение спокойно. Он лишь пожал плечами И сказал:

— Отлично. Теперь я могу занять ее комнату. Там удобнее расположены электрические розетки.

В воскресенье после обеда Мартин Бек и Ингрид остались в кухне вдвоем. Они сидели друг против друга за покрытым пластиком столом, за которым по утрам в течение многих лет вместе пили какао. Внезапно она протянула свою руку вперед и положила ладонь на его руку. Несколько секунд они сидели молча. Потом она вздохнула и произнесла:

— Я знаю, что мне не следует это говорить, но все-таки скажу. Почему ты не делаешь то же, что и я? Почему ты не уходишь?

Он изумленно посмотрел на нее.

Она не отвела взгляд.

— Да, но… — нерешительно начал он и осекся. Он просто не знал, что сказать.

Однако он уже знал, что будет долго помнить об этом коротком разговоре.

В понедельник, двадцать девятого, почти одновременно произошли два события.

Одно из них было не особенно примечательным. Скакке вошел в кабинет Мартина Бека и положил ему на письменный стол рапорт. Рапорт был аккуратный и очень подробный. Из него следовало, что в Сундбюберга есть шесть телефонов-автоматов с устаревшими табличками. Еще в двух такие таблички могли быть седьмого марта, но теперь их сняли. В Сольне телефонов-автоматов с такими табличками не оказалось. Скакке никто на поручал это выяснять, но он съездил туда по собственной инициативе.

Мартин Бек сгорбившись сидел за столом, постукивав пальцем по рапорту. Скакке замер в двух метрах от него, сильно напоминая собаку, которая стоит на двух лапках и выпрашивает кусочек сахара.

Наверное, нужно его похвалить пока нет Колльберга, который сейчас войдет и снова начнет над ним насмехаться, нерешительно подумал Мартин Бек.

Эту проблему разрешил телефонный звонок.

— Да. Бек слушает.

— С вами хочет поговорить какой-то инспектор. Я плохо разобрала, как его зовут.

— Соедините его со мной… Да, Бек слушает.

— Привет. Это Пер Монссон из Мальмё.

— Привет. Как дела?

— Нормально. Понедельник вообще день тяжелый, а у нас к тому же была заварушка из-за этого теннисного матча. Ну, ты, наверное, знаешь, с Родезией. Монссон продолжил после длинной паузы:

Вы разыскиваете человека, которого зовут Бертил Олафсон, так?

— Да.

— Я нашел его.

— Там, у себя?

— Да, в Мальмё. Он мертв. Мы нашли его три недели назад, но я только сегодня узнал, кто он.

— Ты уверен?

— Да, процентов на девяносто. Характерные особенности и зубов его верхней челюсти совпадают.

— А остальное? Отпечатки пальцев, другие зубы и…

— Мы не нашли его нижней челюсти. И не можем проверить отпечатки пальцев. К сожалению, он слишком долго пробыл в воде.

Мартин Бек выпрямился.

— Как долго?

— Врач говорит, по меньшей мере, два месяца.

— Когда вы его вытащили?

— Восьмого, в понедельник. Он сидел в машине на дне причала. Двое ребятишек…

— Это означает, что седьмого марта он уже был мертв? — перебил его Мартин Бек.

— Седьмого марта? Да, конечно. Он умер за месяц до этой даты, а может, и еще раньше. Когда его видели в последний раз там, у вас?

— Третьего февраля. Он собирался уехать за границу.

— Отлично. Это дает возможность уточнить дату. В таком случае он умер между четвертым и восьмым февраля.

Мартин Бек молча сидел за столом. Он слишком хорошо понимал, что все это означает. Олафсон умер за месяц до того, как загорелся дом на Шёльдгатан. Меландер оказался прав. Они шли по ложному следу.

Монссон больше ничего не говорил.

— Как это произошло? — спросил Мартин Бек.

— Чертовски странное дело. Его убили ударом камня, засунутым в носок, а в качестве гроба использовали старый автомобиль. В машине и в его одежде ничего не было. За исключением орудия убийства и двух третей Олафсона.

— Я приеду, как только смогу, — сказал Мартин Бек. — Или Колльберг. Думаю, тебе надо бы приехать к нам.

— Это обязательно? — со вздохом спросил Монссон. Для него Северная Венеция была чем-то вроде врат ада.

— Понимаешь, это запутанная история, — сказал Мартин Бек. — Хуже, чем ты можешь себе представить.

— Представляю себе, — иронично произнес Монссон. — До встречи.

Мартин Бек положил трубку, с отсутствующим видом посмотрел на Скакке и сказал:

— Ты неплохо поработал.

XXIII

Была Вальпургиева ночь, и весна наконец-то наступила, по крайней мере, в южной Швеции. Самолет, вылетевший из Броммы, совершил посадку в аэропорту Бултофта в Мальмё точно по расписанию, без пяти девять утра, и из него вышла группа бизнесменов, а также бледный и потный старший инспектор. У Мартина Бека была простуда и ужасно болела голова. Он не любил летать, а жидкость, которую авиакомпания САС называла «кофе», вовсе не улучшала ему самочувствие. Монссон, большой и плечистый, стоял у входных ворот, засунув руки в карманы плаща и с первой утренней зубочисткой во рту.

— Привет, — поздоровался он. — Ты выглядишь так, словно что-то ищешь.

— Да, — сказал Мартин Бек. — Где здесь туалет?

Вальпургиева ночь — это праздник, когда шведы надевают весеннюю одежду, выпивают, танцуют, едят, веселятся и начинают ждать лета. В Сконе на обочинах появляются первые цветы, а отпуска все ближе и ближе. На равнине коровы пережевывают весеннюю травку и начинается сев технических культур. Студенты надевают свои белые шапочки, а профсоюзные лидеры вытаскивают побитые молью красные флаги и пытаются вспомнить слова «Сынов труда». Скоро первое мая, праздник социалистов, и во время символической демонстрации даже полиция глазеет на духовые оркестры, играющие «Интернационал». Другой работы у полиции практически нет. Ее задача проследить за тем, чтобы никто не принялся плевать на американский флаг и чтобы среди демонстрантов не было никого, кому действительно есть что сказать.

Последний день апреля — это день, когда все готовятся к чему-либо: к весне, к любви и к политическим выступлениям. Это счастливый день, особенно, если он теплый и солнечный.

Мартин Бек и Монссон провели этот счастливый день, разглядывая то, что осталось от Бертила Олафсона, и дважды обследовали старый автомобиль, который мрачно стоял на полицейской стоянке. Они осмотрели камень, черный носок и слепок зубов верхней челюсти Олафсона и внимательно прочли протокол вскрытия. Разговаривали они мало, потому что комментировать здесь было, собственно, нечего. Потом Монссон спросил:

— Олафсона что-нибудь связывает с Мальмё? Конечно, кроме того, что его здесь убили?

Мартин Бек покачал головой и сказал:

— Похоже, Олафсон в основном торговал крадеными автомобилями. С наркотиками он тоже имел дело. Но главным образом занимался автомобилями, которые он перекрашивал и ставил на них поддельные номера. Потом он снабжал автомобили фальшивыми регистрационными сертификатами и вывозил их из страны, вероятно, для продажи за границей. По-видимому, он часто бывал в Мальмё или, по крайней мере, проезжал через город. Наверное, он периодически останавливался здесь. Было бы странно, если бы у него не оказалось здесь хотя бы нескольких знакомых.

Монссон кивнул.

— Наверняка неприятный тип, — сказал он, словно разговаривал сам с собой. — И был в плохой физической форме. Поэтому доктор неправильно определил его возраст. Жалкий мошенник.

— Мальм тоже, — сказал Мартин Бек. — Но ведь нам от этого не легче?

— Нет, конечно, нет, — ответил Монссон.

Несколькими часами позже они сидели в кабинете Монссона и глядели на заасфальтированный двор, в котором стояли черно-белые автомобили и по которому взад-вперед ходили по своим делам полицейские.

— Что ж, — сказал Монссон. — Наше положение не так уж и плохо.

Мартин Бек посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Мы знаем, что он был в Стокгольме третьего февраля, а доктор уверяет, что он умер самое позднее седьмого. Промежуток времени сужается до трех или четырех дней. Думаю, мне все же удастся найти кого-нибудь из тех людей, которые видели его здесь. Хотя бы какую-нибудь зацепочку.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Наш город не очень велик, а круг общения Олафсона еще меньше. У меня имеются определенные связи. До сих пор толку от них было мало, потому что люди не знали, кого именно им нужно искать. Кроме того, полагаю, что необходимо предоставить все имеющиеся сведения прессе.

— Мы не можем допустить, чтобы они что-либо публиковали. И потом, это входит в компетенцию прокурора.

— Я не привык так работать.

— Ты что же, собираешься расследовать это дело самостоятельно?

— То, что произошло в Стокгольме, меня мало интересует, — подчеркнул Монссон. — А разрешение прокурора — всего лишь формальность. По крайней мере, здесь, у нас.

Мартин Бек улетел домой в тот же вечер. Около десяти он был в Стокгольме и спустя два часа уже лежал на своем диване в гостиной, в Багармуссене.

Свет он погасил, однако заснуть не мог.

Его жена уже спала, и сквозь закрытую дверь спальни отчетливо был слышен ее негромкий храп. Детей дома не было. Ингрид ушла рисовать лозунги для завтрашней демонстрации, а Рольф, очевидно, веселился на какой-то молодежной вечеринке с пивом и музыкой.

Он чувствовал себя одиноким, словно ему чего-то не хватало. Например, желания встать, пойти в спальню и сорвать ночную рубашку со своей жены. Он подумал, что должен по крайней мере испытывать такое желание по отношению к кому-то другому, например, к чьей-то чужой жене. Но в таком случае, к чьей именно?

Он все еще не спал, когда в два часа вернулась Ингрид. Наверное, жена сказала ей, чтобы она не приходила очень поздно. Рольф же мог приходить, когда угодно, хотя был на четыре года моложе своей сестры (бывшей по меньшей мере раза в два умнее его), и не обладал даже и сотой долей инстинкта самосохранения и осмотрительности, присущих его сестре. Это естественно, ведь он мальчик.

Ингрид проскользнула в гостиную, наклонилась и чмокнула его в лоб. От нее пахло потом и краской.

Как всё нелепо, подумал он.

Прошел еще час, прежде чем он уснул.

Когда утром второго мая Мартин Бек приехал в управление на Кунгсхольме, Коллберг уже разговаривал Меландером.

— Как всё нелепо, — сказал Колльберг и ударил кулаком по столу так, что всё, кроме Меландера, подпрыгнуло.

— Да, это странно, — с серьезным видом согласился Меландер.

Колльберг был без пиджака, узел галстука он ослабил и расстегнул воротничок рубашки. Он наклонился над столом и сказал:

— Странно! Страннее некуда. Кто-то подложил бомбу с часовым механизмом в матрац Мальма. Мы думаем, что это сделал Олафсон. Но Олафсон тогда уже был мертв больше месяца, потому что кто-то проломил ему череп, засунул труп в старый автомобиль и столкнул в море. И теперь мы сидим и не знаем, что нам делать.

Он замолк, чтобы перевести дыхание. Меландер ничего не сказал. Оба они кивнули Мартину Беку, но как бы между прочим, словно его вообще здесь не было.

— Если мы предположим, что имеется связь между попыткой убийства Мальма и убийством Олафсона…

— Пока что это всего лишь предположение, — сказал Меландер. — У нас нет никаких доказательств того, что подобная связь существует, хотя маловероятно, чтобы эти события оказались совершенно независимыми.

— Вот именно. Таких совпадений не бывает. Следовательно, есть основания полагать, что третья составляющая этого дела естественным образом связана с двумя другими.

— Ты говоришь о самоубийстве? О том, что Мальм покончил с собой?

— Конечно.

— Да, — сказал Меландер. — Он мог это сделать, потому что знал, что игра окончена.

— Верно. Он знал, что его ожидает, и поэтому предпочел открыть газ.

— Он испугался, это факт.

— Причем у него были все основания для этого.

— Следовательно, можно сделать вывод, что он не рассчитывал на то, что ему позволят остаться в живых, — сказал Меландер. — Он испугался, что его убьют. Но в таком случае, кого он боялся?

Колльберг задумался. Ход его рассуждений приобрел неожиданный поворот, и он сказал:

— А может, Мальм убил Олафсона?

Меландер вытащил из ящика письменного стола половинку яблока, ножом для разрезания бумаги отрезал кусочек и положил его в свой кисет.

— Это звучит неправдоподобно, — произнес он. — Мне трудно себе представить, что такой мелкий жулик, как Мальм, способен совершить подобное преступление Я имею в виду не его моральные принципы, а технические детали, изощренность, с какой оно было совершено.

— Блестяще, Фредрик. Твоя логика безупречна. Ну, и что же из всего этого следует?

Меландер ничего не сказал.

— Каков четкий логический вывод? — с упрямым видом спросил Колльберг.

— Можно сделать вывод, что от Олафсона и Мальма решили избавиться, — не очень уверенно ответил Меландер.

— Кто?

— Мы этого не знаем.

— Да, это точно. Но в одном не может быть сомнений.

— Да, — сказал Меландер. — Ты, наверное, прав.

— Это работа профессионала, — словно разговаривая сам с собой, произнес Мартин Бек.

— Вот именно, — заявил Колльберг. — Профессионала. Только профессионалы используют камни, засунутые в носки, и бомбы с часовым механизмом.

— Согласен, — сказал Меландер.

— Вот почему мы сидим здесь, почесывая затылки и тараща глаза, словно видим нечто сверхъестественное. Потому что мы всегда имели дело только с дилетантами. Причем занимались этим так долго, что сами почти превратились в дилетантов.

— Восемьдесят девять процентов всех преступлений совершается дилетантами. Даже в США.

— Это не оправдание.

— Нет, — сказал Меландер. — Но это объяснение.

— Погодите, — произнес Мартин Бек. — Это стыкуется и с другими известными нам фактами. Я уже размышлял кое о чем после того, как Гюнвальд написал свой меморандум, или как там его можно назвать.

— Да, — сказал Колльберг. — Почему человек, который положил зажигательное устройство в кровать Мальма, потом вызвал пожарных?

Через тридцать секунд он сам ответил на свой вопрос:

— Потому что он был профессионалом. Профессиональным преступником. Его работа состояла в том, чтобы прикончить Мальма, но он считал совершенно излишним, чтобы при этом погибло еще десять человек.

— Хм, — сказал Меландер. — В этом доводе что-то есть. Я читал, что профессионалы гораздо менее кровожадны, чем дилетанты.

— Я тоже об этом читал, — согласился Колльберг. — Вчера. Давайте вспомним одного типичного дилетанта, нашего уважаемого коллегу Хедина, полицейского, который убил девять человек в Сконе семнадцать лет назад. Вряд ли он забивал себе голову такими рассуждениями. Он застрелил их только потому, что с ним поссорилась его невеста.

— Он был сумасшедший, — сказал Мартин Бек.

— Все дилетанты, которые убивают людей, сумасшедшие, по крайней мере в момент совершения преступления. Однако профессионалы не таковы.

— Но в Швеции сейчас нет никаких профессиональных убийц, — задумчиво произнес Меландер.

Колльберг смерил его взглядом и спросил:

— А разве есть основания считать, что он швед?

— Если он иностранец, это совпадает с тем, что удалось выяснить Гюнвальду, — сказал Мартин Бек.

— Пока что это совпадает только с нашими собственными предположениями, — возразил Колльберг. — И раз уж мы начали выдвигать гипотезы, то можем продолжить. Считаете ли вы, например, что тот, кто заминировал кровать Мальма и проломил череп Олафсону, в настоящий момент находится в Швеции? Может быть, вы полагаете, что на следующий день после убийства он все еще оставался здесь?

— Нет, — ответил Меландер. — Зачем ему это было нужно?

— У нас, конечно, нет доказательств, что речь идет об одном и том же убийце, — задумчиво сказал Колльберг.

— Да, — согласился Меландер. — Это всего лишь предположение.

— Однако есть одна особенность, благодаря которой это предположение может оказаться справедливым, — заметил Мартин Бек. — Для того, чтобы совершить убийство в Мальмё и поджечь дом на Шёльдгатан, нужно было обладать определенным запасом знаний.

— Хм, — выпятил нижнюю губу Колльберг. — Это человек, который уже бывал в Швеции.

— Который сносно говорит по-шведски, — сказал Меландср.

— Который неплохо знает Стокгольм и Мальмё, — отметил Колльберг.

— Однако в то же самое время этот человек знает все указанное вами недостаточно и по ошибке звонит в пожарную часть Сундбюберга вместо Стокгольма.

Это сказал Мартин Бек.

— Кстати, а кто еще знал, что адрес дома Рингвеген, 37, а не Шёльдгатан? — внезапно спросил Колльберг. — Кроме дорожной службы и полиции. Я имею в виду городские власти.

— Это человек, которому записали адрес вместо того, чтобы показать на карте города, — раскуривая трубку, произнес Меландер.

— Человек, который плохо знает названия улиц, — сказал Мартин Бек.

— Иностранец, — подвел итог Колльберг. — Иностранный профессионал. И в обоих случаях он воспользовался орудиями, которые до сих пор никогда не применялись в Швеции. Хелм утверждает, что часовой детонатор изобретен во Франции и в свое время широко применялся в Алжире. Если бы шведскому гангстеру неожиданно захотелось убить Олафсона, он воспользовался бы куском трубы или велосипедной цепью.

— Камень, засунутый в носок, использовали во время войны, — сказал Мартин Бек. — Шпионы и агенты. Люди, которым поручалось ликвидировать коллаборационистов и прочих предателей. Люди, которые не могли рисковать и допустить, чтобы при обыске у них нашли нож или пистолет.

— Подобные случаи были и в Норвегии, — сообщил Меландер.

Колльберг взъерошил волосы.

— Ладно, все это прекрасно, — сказал он, — но ведь должен существовать какой-то мотив.

— Несомненно, — согласился Мартин Бек. — Связь между Мальмом и Олафсоном становится фактически еще теснее. Почему понадобилось от них избавляться при помощи профессионального убийцы?

— Потому что они кому-то мешали, — сказал Меландер. — Можно предположить, какие были отношения между Олафсоном и Мальмом. Вероятно, они были автомобильными ворами. В любом случае, они имели дело с крадеными автомобилями.

— Краденый автомобиль часто не представляет для вора особой ценности, — сказал Мартин Бек. — Он продает его очень дешево, за первую же цену, какую ему предложат.

— А Олафсон и Мальм перекрашивали автомобили и снабжали их поддельными номерами и документами. После чего перегоняли автомобили за границу. В какую-то страну, где либо продавали их самостоятельно, либо только кому-то передавали.

— Последнее наиболее вероятно, — сказал Колльберг. — В Швеции они работали на крупную международную банду, которая занималась многими вещами. Они совершили какой-то промах, и от них решили избавиться.

— Да, похоже на то, — сказал Меландер.

Колльберг мрачно кивнул и продолжил:

— И что же, по-твоему, нам скажут, если мы предложим подобную версию? Кто, черт возьми, в это поверит?

На его вопрос никто не ответил. Примерно секунд через тридцать Колльберг придвинул к себе телефон, набрал номер, немного подождал и сказал:

— Эйнар? Я в кабинете Меландера. Ты не мог бы сюда зайти?

Не прошло и полминуты, как Рённ появился в дверях. Колльберг торжествующе посмотрел на него и сказал:

— Мы пришли к выводу, что Мальм и Олафсон работали на международный преступный синдикат, что-то вроде мафии. Мы также считаем, что эта банда решила избавиться от них и прислала из-за границы наемного убийцу, чтобы он их прикончил.

Рённ в изумлении уставился на присутствующих. Наконец он сказал:

— Кто придумал всю эту чушь? Такое происходит только в кинофильмах и книжках. А, вы, наверное, меня разыгрываете?

Колльберг красноречиво пожал плечами.

XXIV

Бенни Скакке пометил черными крестиками восемь телефонов-автоматов на городской схеме Сундбюберга. Затем он провел циркулем окружность вокруг каждого крестика. Хотя часть телефонов-автоматов находилась в центре города и некоторые окружности пересеклись, кружочки все же покрыли площадь больше одного квадратного километра. Гюнвальд Ларссон не особенно надеялся получить какой-нибудь результат или рассчитывал на удачу, когда посылал Скакке в этот густонаселенный пригород с заданием попытаться обнаружить какие-либо следы человека, который вызвал пожарных седьмого марта. То, что этот человек звонил из одного из восьми телефонов-автоматов, было не больше, чем предположением, но даже окажись оно верным, все еще оставалась проблема, как найти человека, о котором не известно ничего, за исключением того, что он говорит по-шведски с иностранным акцентом.

Скакке, однако, отнесся к своему заданию с огромным энтузиазмом. В первые недели ему не слишком охотно оказывала помощь полиция Сольны-Сундбюберга, а теперь он работал один. Его работа состояла в том, что он обходил жильцов каждого дома, попавшего в кружочки, и даже для молодого человека с хорошо тренированными ногами это было несколько утомительно. Однако Скакке был человек упорным, и хотя Гюнвальд Ларссон и Мартин Бек уже потеряли всякую надежду получить какой-нибудь результат и больше не интересовались у него, как идут дела, он все свое свободное время продолжал стучать в двери квартир в Сундбюберге. Вечерами он буквально валился на постель и в последние несколько недель забросил тренировки и учебу. Но хуже всего было то, что он не уделял внимания Монике.

Скакке познакомился с Моникой восемь месяцев назад, когда они вместе участвовали в соревнованиях по плаванью. Они начали встречаться; эти встречи становились все чаще и чаще, и хотя о женитьбе прямо они еще не разговаривали, было ясно, что это произойдет, как только они подыщут подходящую квартиру. Скакке снимал комнату, а Моника, которой было двадцать лет и которая училась в медицинском институте и вскоре должна была стать физиотерапевтом, жила со своими родителями.

Когда Моника позвонила ему вечером шестнадцатого мая и в седьмой раз за эту неделю безуспешно предложила встретиться, она была, мягко говоря, несколько раздражена.

— Ты что же, должен за всех работать? — сердито спросила она. — Неужели у вас нет других полицейских, кроме тебя?

Она задала этот вопрос Бенни Скакке в первый раз, но наверняка не в последний. Большинству его начальников, не исключая Мартина Бека, жены задавали тот же самый вопрос, и те уже давно даже не делали попыток на него ответить. Бенни Скакке, однако, об этом не знал. Поэтому он сказал:

— Конечно есть. Я решил найти человека, который звонил из телефона-автомата в Сундбюберге, но, к сожалению, мне это не удается. Завтра с утра я тоже буду обходить квартиры и вернусь домой поздно вечером. — Он услышал, как Моника набрала воздуха,

чтобы что-то сказать, и быстро добавил: — Дорогая, не сердись на меня. Мне очень хочется с тобой увидеться, но я должен добросовестно относиться к работе, если хочу чего-нибудь достичь в жизни.

Моника не поддержала его и швырнула трубку, на прощанье пригрозив пойти на свидание с инструктором по физкультуре Рулле. Скакке хорошо знал этого, по его мнению, тошнотворного типа. Он не только привлекательно выглядел, но к тому же превосходил Скакке в большинстве видов спорта, включая плавание. Футбол был, пожалуй, единственным видом спорта, в котором Скакке превосходил Рулле, и поэтому первый часто мечтал о том дне, когда удастся под любым удобным предлогом заманить второго на футбольное поле. Он разволновался при мысли о том, что Моника может пойти на свидание с этим самодовольным ограниченным типом, и ему пришлось выпить два стакана молока для того, чтобы успокоиться перед тем, как самому перезвонить ей.

Не успел он положить руку на трубку, как телефон снова зазвонил. Это была Моника, чудо из чудес, она …жалела о случившемся и просила у него прощения! Проболтав больше часа, они договорились встретиться в Сундбюберге на следующий день и вместе пообедать, когда у Моники закончатся занятия.

В пятницу утром Скакке сразу отправился в свой любимый Сундбюберг для того, чтобы продолжить операцию «Стук в дверь». Ежедневно он вычеркивал на своей схеме проверенные им участки и дополнял список квартир, где никого не оказывалось дома. Бюро по учету эмигрантов предоставило ему еще один список, в котором значились граждане нескандинавского происхождения, проживающие в Сундбюберге. Он начал раньше семи часов утра для того, чтобы успеть обойти некоторые квартиры из своего списка и побеседовать с их жильцами до того, как им нужно будет уйти на работу.

К девяти часам утра количество номеров в его списке уменьшилось в два раза, однако это был единственный результат, которого ему удалось достичь.

Бенни Скакке шагал по Сундбюбергу, направляясь в жилой массив, который выбрал на сегодня. Он вошел в парк на склоне холма, на вершине которого стояло несколько многоэтажных домов. Скорее всего это был не парк, а кусочек нетронутого леса, которому великодушно позволили остаться здесь архитекторы при застройке района. Трава по обеим сторонам дорожки была свежая и зеленая, а дальше на склоне среди сосен торчали из покрытой хвоей земли серые глыбы гранита и заросшие мхом камни. Дорожка не была покрыта асфальтом или даже песком, это была обыкновенная протоптанная тропинка, вьющаяся между берез и дубов. Солнечные блики пробивались сквозь листву и отбрасывали дрожащие золотистые пятна на утоптанную землю и торчащие корни деревьев. Скакке замедлил шаг и внезапно почувствовал запах сосновых иголок и нагретой земли, но это длилось лишь какое-то мгновение. При следующем вдохе он ощутил только запах бензиновых выхлопов и прогорклого масла из гриль-бара, расположенного где-то неподалеку.

Скакке думал о Монике. Они договорились встретиться в три часа, и он с нетерпением ждал момента, когда увидит ее. Между их встречами редко проходила целая неделя.

В первом доме жильцы были во всех квартирах, за исключением двух. Никто не мог вспомнить никакого иностранца, который, возможно, жил здесь в начале марта, и даже не слыхал о звонке в пожарную часть. В следующем доме жили два иностранца. Один из них был финн, он плохо говорил по-шведски и не с таким акцентом, о каком упоминала Дорис Мортенсон. Другой был итальянцем, находившимся седьмого марта у себя дома, в Милане. Не дожидаясь расспросов, он вытащил свой паспорт и продемонстрировал даты на штемпелях. Есть ли у них знакомые среди иностранцев? Да, конечно, у них много друзей-иностранцев. Ну и что из этого?

В общем-то они были правы.

К тому времени, когда Скакке проверил дома, стоящие выше на этом склоне, было почти двенадцать часов и он проголодался. Он зашел в кафе на первом этаже одного из многоэтажных домов и заказал какао и бутерброд с сыром. В кафе никого не было, кроме Скакке и официантки. Обслужив его, она вернулась к стойке и со скучающим видом уставилась в окно. За ним простиралась большая площадка. Такие площадки обычно имеются между многоэтажками в большинстве пригородов Стокгольма. Чаще их называют не площадками, а торговыми центрами или даже пьяццами. Очевидно, по смелому замыслу архитекторов, это должно придать мрачным жилым массивам некий аромат Средиземноморья.

Открылась дверь, и внутрь несмело вошел мужчина. На голове у него была синяя вельветовая ермолка, в руке он держал пустую хозяйственную сумку. Он сделал несколько шагов вперед и бросил на Скакке хитрый взгляд из-под нахмуренных бровей. Потом он увидел официантку, его карие глаза заблестели, он развел руки стороны и сказал на смешном финско-шведском диалекте:

— Ах, Боже мой, фрёкен, у меня такое ужасное похмелье сегодня. Я забыл, как называется тот прекрасный напиток, который я обычно покупаю.

— «Том Коллинз», — сказала девушка.

— Да, я бы хотел взять сразу восемь бутылочек, милая. Но они должны быть холодными. Холодными, как тибетский водопад.

Он протянул ей сумку, и официантка исчезла в подсобном помещении. Мужчина в ермолке с озабоченным видом принялся рыться в своем бумажнике. Скакке услышал, как хлопнула дверь холодильника, и официантка появилась с полной сумкой.

— Надеюсь, я могу рассчитывать на кредит? — спросил мужчина.

— Да, все в порядке, — сказала девушка. — Вы ведь здесь живете, так что… Все в порядке, — повторила она, как будто ее заколдовали.

Мужчина спрятал бумажник и взял сумку.

— Прекрасно. Возможно, этот день не такой уж и плохой.

У двери он повернулся и сказал:

— Вы ангел, фрёкен. Я принесу деньги в понедельник. До свидания.

Скакке отодвинул чашку и вынул из кармана карту. Она уже порядочно истрепалась на сгибах: надо будет заклеить их клейкой лентой. Он зачеркнул жилые дома вокруг площадки. Потом взглянул на часы и решил, что до встречи с Моникой еще много времени и он успеет обойти дома на другом склоне холма. Тем самым он завершит проверку в большей части города, потому что в старых домах на главной улице, у подножья холма, он уже побывал. Дома на склоне были современными, но не такими многоэтажными, как на вершине холма.

К двадцати минутам третьего Скакке проверил все дома за исключением углового в нижней части склона. На этом углу находился один из телефонов-автоматов, где все еще сохранилась табличка с местным номером пожарной части.

У входа в дом стоял мужчина и пил пиво. Он протянул бутылку Скакке и что-то неразборчиво сказал. Скакке догадался, что мужчина — норвежец и говорит, что празднует Семнадцатое мая.[11] Скакке продемонстрировал мужчине свое удостоверение и проинформировал его решительным и не терпящим возражений тоном о том, что употреблять спиртные напитки на улице запрещено. Мужчина испуганно посмотрел на Скакке, и тот сказал:

— Поскольку вы не швед, я не стану на первый раз привлекать вас к ответственности. Дайте мне бутылку и убирайтесь.

Мужчина дал ему наполовину опорожненную бутылку, и Скакке вылил её содержимое в сливную решетку. Потом он перешел на противоположную сторону улицы и опустил бутылку

в урну. Обернувшись, он увидел, как норвежец исчезает за углом, бросая на него равнодушный взгляд через плечо.

Скакке поднялся в лифте на верхний этаж и по очереди позвонил в три двери. Никто к нему не вышел, и он записал три фамилии в свой список для последующего визита. Потом опустился этажом ниже.

Первую дверь открыла женщина с крашенными хной волосами и в очках с зелеными стеклами. Волосы у корней были седыми, и выглядела она лет на шестьдесят. Скакке пришлось объяснять ей дважды, прежде чем она поняла, что ему нужно.

— О да, — сказала она. — Я сдаю одну комнату. Вернее, раньше сдавала. Так вы говорите, иностранец? В начале марта? Дайте подумать. Да, кажется, как раз в начале марта у меня жил один француз. Хотя, возможно, он был араб? Я уже точно не помню.

Скакке насторожился.

— Араб? — переспросил он. — А на каком языке он разговаривал?

— На шведском, естественно, причем плохо, хотя понять его было можно.

— Не могли бы вы точно вспомнить, когда он здесь жил?

Перед тем как позвонить. Скакке не посмотрел на табличку с именем на двери. Он слегка повернул голову, сделав вид, что ему нужно высморкаться, и взглянул на табличку над почтовым ящиком. В этот момент женщина распахнула дверь, так что он успел разобрать лишь фамилию — Борг.

— Входите, — пригласила она.

Он вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Рыжеволосая хозяйка провела его в комнату и усадила на голубой плюшевый диван у окна. Потом она подошла к письменному столу, выдвинула ящик и достала расчетную книжку в красно-коричневой обложке.

— Сейчас я посмотрю, когда это было, — сказала она, листая книжку. — Я всегда выписываю счет, а этот мужчина снимал у меня комнату последним, так что это легко можно выяснить… ну вот, нашла. Четвертого марта он уплатил за неделю вперед. Однако довольно странно: он уехал раньше, через четыре дня. То есть, восьмого. Вернуть деньги за оставшиеся три дня он не требовал.

Она взяла книжку и села за стол перед диваном.

— Он казался мне забавным. А зачем он вам нужен? Что он сделал?

— Мы разыскиваем человека, который может оказать нам помощь в расследовании, — сказал Скакке. — Как его звали?

— Альфонсе Ласале.

— Она произнесла немые «е» в словах Альфонс и Ласаль, и Скакке сделал вывод, что она не особенно сильна в разговорном французском. Впрочем, он тоже.

— Как получилось, что вы сдали комнату именно ему? — спросил Скакке.

— Как это получилось? Ну, я ведь вам уже сказала, что сдавала одну из комнат. Я делала это до того, как мой муж заболел и вынужден был днем находиться дома. Он не хотел, чтобы в квартире были посторонние, и я обратилась в агентство с просьбой временно вычеркнуть нас из их списка.

— Так значит, жильцов вам присылало агентство? Как оно называется?

— Агентство «Свеа». Оно находится на Свеавеген. Они присылают мне жильцов с 1962 года, когда мы вселились в эту квартиру.

Скакке вынул блокнот и авторучку. Женщина с любопытством смотрела, как он пишет.

— Как он выглядел? — спросил он, держа ручку наготове.

Женщина устремила взгляд в потолок.

— Ну, как вам сказать. Он был похож на жителя Средиземноморья. Невысокий, со смуглой кожей и густыми черными волосами, которые почти полностью закрывали лоб и виски. Ненамного выше меня, а у меня рост 165 сантиметров. Довольно длинный нос, слегка крючковатый, и совершенно прямые черные брови. Плотный, но не толстый.

— Как вы думаете, сколько ему было лет?

— Ну, лет тридцать пять или около того. Возможно, сорок. Трудно сказать.

— Вспомните, может у него были какие-нибудь особые приметы?

Она на минуту задумалась и потом покачала головой.

— По-моему, нет. Понимаете, он пробыл здесь недолго. Он показался мне хорошо воспитанным и вел себя очень вежливо. Скромно и аккуратно одевался.

— Как он говорил?

— У него был иностранный акцент. Очень смешной.

— Вы можете описать этот акцент поточнее? Можете быть, вы запомнили что-нибудь характерное в его произношении?

— Ну-у, не знаю. Он говорил «фгу» вместо «фру», а кофе называл «кафе». Мне трудно вспомнить. Прошло много времени, и к тому же я не умею хорошо воспроизводить акценты.

Скакке принялся обдумывать свой следующий вопрос. Он грыз кончик авторучки и глядел на рыжеволосую хозяйку.

— А что он здесь делал? Он был туристом или работал? В какое время он обычно уходил и приходил?

— Трудно сказать, — ответила фру Борг. — Багажа у него было мало, только один чемоданчик. Уходил он утром и возвращался поздно вечером. Естественно, у него был свой ключ, и я не знаю, когда он приходил. Он был очень спокойный и молчаливый.

— Вы разрешаете вашим жильцам пользоваться телефоном? Он куда-нибудь звонил?

— Нет, как правило, не разрешаю, но если кому-то них нужно срочно позвонить, то, конечно, он может это сделать. Однако тот Ласале никогда никуда не звонил, насколько мне известно.

— Он мог воспользоваться телефоном так, чтобы вы этого не заметили? Например, ночью?

— Ночью не смог бы. У нас телефонные розетки в прихожей и спальне, и вечером я всегда переношу телефон в спальню.

— Может быть, вы помните, когда он пришел домой седьмого марта? Это была его последняя ночь здесь?

Женщина сняла, очевидно, плохо подобранные очки, посмотрела на них, протерла стекла подолом и снова надела.

— По-моему, в последний вечер, — сказала она, — я не слышала, когда он пришел. Обычно я ложусь спать в половине одиннадцатого или что-то около этого, но что касается того вечера, абсолютной уверенности у меня нет.

— Может быть, вам удастся вспомнить это, фру Борг, а я вам позвоню, и вы мне расскажете, если еще что-нибудь припомните, — попросил Скакке.

— Да, обязательно, — заверила она. — Я постараюсь.

Он записал номер телефона в свой черный блокнот.

— Фру Борг, вы говорили, что Ласаль был вашим последним жильцом, — сказал он.

— Да, совершенно верно. Через несколько дней после того, как он съехал, заболел Юсеф. Это мой муж. Мне даже пришлось позвонить и отказать одному человеку, которому я уже пообещала сдать комнату.

— Я могу взглянуть на комнату?

— Конечно.

Она встала и провела его туда. Дверь в комнату выходила в прихожую, напротив входной двери. Комната оказалась площадью около восьми квадратных метров. Здесь стояла кровать, рядом с ней небольшой столик и кресло, а также старый громоздкий платяной шкаф с овальными зеркалами на дверках.

— Соседняя дверь ведет в туалет, — сказала женщина. — У нас с мужем своя ванная, вход в нее через спальню.

Скакке кивнул и огляделся вокруг. Комната напоминала номер в третьеразрядной гостинице. Стол был покрыт клетчатой льняной скатертью. На стенках висели две репродукции и гирлянда искусственных цветов. На полу лежал дешевый коврик, а покрывало на постели и занавески выцвели от многочисленных стирок.

Скакке подошел к окну. Отсюда были видны телефон-автомат на углу и урна, в которую Скакке опустил конфискованную им у норвежца пивную бутылку. Чуть дальше по улице часы на часовой мастерской показывали десять минут четвертого. Он посмотрел на свои часы. Действительно, было десять минут четвертого.

Бенни Скакке поспешно распрощался с фру Борг и ринулся вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. У выхода он кое-что вспомнил, бросился к лифту и снова поднялся на пятый этаж. Женщина изумленно уставилась на него, она, очевидно, не ожидала, что он вернется так быстро.

— Вы убирали в комнате, фру Борг? — спросил он, едва переводя дыхание.

— Убирала ли я? Конечно, я…

— Вы подметали там? Вытирали пыль с мебели?

— Ну-у… Я обычно убираю в комнате перед тем, как туда должен вселиться жилец. Сейчас в этом нет особой необходимости. Комната может пустовать несколько дней, даже недель, поэтому я обычно снимаю постельное белье, опорожняю пепельницу и проветриваю комнату после того, как жилец съехал. А почему вы об этом спрашиваете?

— Пожалуйста, ни к чему не прикасайтесь. Мы скоро вернемся и тщательно осмотрим комнату. Может, удастся обнаружить отпечатки пальцев или какие-нибудь другие улики.

Она пообещала ему не входить в комнату. Скакке снова попрощался и помчался вниз по лестнице.

Безнадежно опаздывая, он бежал на встречу с Моникой и размышлял по пути над тем, удалось ли ему на этот раз напасть на верный след.

К тому моменту, когда он вбежал в ресторан, где вот уже двадцать пять минут его ждала Моника, он успел мысленно получить повышение и сделал еще один шаг к тому, чтобы стать начальником полиции.

Однако на Кунгсхольмсгатан Гюнвальд Ларссон спросил:

— Во что он был одет?

И еще через несколько секунд:

— Какое на нем было пальто? Костюм? Ботинки? Носки? Рубашка? Галстук? Он пользовался бриллиантином? Курил? Если да, то как часто? В чем он спал? В пижаме или ночной рубашке? Подавала ли она ему по утрам кофе?

И еще через тридцать секунд:

— Почему эта глупая женщина не сообщила в бюро регистрации, что у нее жил иностранец? Видела ли она его паспорт? Надеюсь, ты ее хорошенько припугнул?

Скакке расстроено посмотрел на Гюнвальда Ларссона и направился к двери.

— Постой, Раке.

— Слушаю.

— Возьми с собой дактилоскописта.

Скакке вышел.

— Идиот! — обращаясь к закрытой двери, произнес Гюнвальд Ларссон.

В комнате обнаружили несколько отпечатков пальцев. Когда исключили принадлежащие фру Борг и Скакке, то осталось три, одним из которых был отпечаток большого пальца, измазанного бриллиантином.

Во вторник, двадцать первого мая, они отослали копии отпечатков пальцев в Интерпол. Это было единственное, что они могли сделать.

XXV

В понедельник, после Вознесения, Мартин Бек позвонил в Мальмё и поинтересовался, как идут дела.

Хаммар, стоящий в двух метрах от него, только что сказал:

— Позвони в Мальмё и поинтересуйся, как идут дела.

Мартин Бек пожалел, что позвонил, в тот момент, когда услышал голос Монссона, потому что внезапно вспомнил, как ему самому в течение многих лет бесчисленное количество раз задавали тот же идиотский вопрос. Начальство. Пресса. Жена. Глупые коллеги. Любопытные знакомые. Как идут дела?

Он кашлянул и все же спросил:

— Привет. Как идут дела?

— Ну… — ответил Монссон. — Когда мне будет что сообщить, я тебе позвоню.

Естественно, именно такого ответа и заслуживал Мартин Бек.

— Спроси у него, есть ли какие-нибудь новости, — сказал Хаммар.

— Есть ли какие-нибудь новости? — повторил Мартин Бек.

— Об Олафсоне?

— Да.

— Кто это там бормочет рядом с тобой?

— Хаммар.

— Угу, — сказал Монссон. — Тогда понятно.

— Спроси у него, учитывает ли он международный аспект, — сказал Хаммар.

— Ты учитываешь международный аспект? — спросил Мартин Бек.

— Да, — ответил Монссон. — Я это учитываю.

Наступила неловкая пауза. Мартин Бек кашлянул. Хаммар вышел и закрыл за собой дверь.

— Послушай, я не хотел…

— Угу, — сказал Монссон. — Я сам оказывался в таких ситуациях. А что касается Олафсона…

— Да?

— Его, вероятно, не очень хорошо знали здесь. Но у меня все же есть пара зацепок. Я нашел людей, которые хотя бы знают, кто он такой. Он им не нравился. Говорят, он был хвастлив и слишком важничал. Они считают, что он был…

Монссон замолчал.

— Да?

— Обычный сопливый стокгольмец, — произнес Монссон, и по его тону чувствовалось, что он в общем-то согласен с таким определением.

— Им известно, чем он занимался?

— И да, и нет. Понимаешь, я нашел только двух человек, которые знали Олафсона по имени, и которые признаются, что встречались с ним несколько раз. Они говорят, что он занимался контрабандой наркотиков, на не по-крупному. Он время от времени появлялся здесь и они иногда с ним виделись. У них создалось впечатление, что он приезжал сюда непосредственно из Стокгольма. Он каждый раз приезжал на новой машине и сильно важничал, хотя, судя по всему, денег у него было не много. Он редко проводил в Мальмё больше одного-двух дней, но через несколько дней мог появиться снова. Никто из этих парней не видел его в последнее время. Впрочем, один из них сидел всю последнюю зиму и освободился только в апреле.

Пауза. Мартин Бек молчал. Наконец Монссон продолжил:

— Думаю, это ничего не проясняет, так что не имело смысла звонить тебе и сообщать, как мало мне известно. У меня имеется еще кое-какая информация, но она нуждается в дополнительной проверке. Часть сведений мне сообщили эти два человека, и кое-что мне удалось раскопать самостоятельно.

— Да, понятно, — сказал Мартин Бек.

— Он часто ездил в Польшу, — сказал Монссон. — Это установлено совершенно точно. Кстати, его костюм польского производства.

— Не значит ли это, что он продавал автомобили именно там?

— Да, возможно, — ответил Монссон. — Но это не имеет особого значения. Гораздо важнее то, что…

Он замолчал.

— Что?

— Мальм и Олафсон несколько раз были здесь вместе. Это тоже установлено. Их здесь видели вдвоем.

— Вот как?

— Да, но не в этом году. Мальма здесь знают лучше, чем Олафсона. Кроме того, он им больше нравился. Оба моих информатора видели их вдвоем, по крайней мере, дважды, и у них создалось впечатление, что Мальм и Олафсон работают вместе… Впрочем, я хотел сказать не об этом. Гораздо важнее другое.

— Что именно?

— В этом деле много неясного, — неохотно сказал Монссон. — Например, Олафсону нужно было ведь где-то жить, когда он сюда приезжал. Снимать комнату или останавливаться у кого-нибудь. Однако мне не удалось установить, где или с кем он жил.

— Да, это нелегко сделать.

— Думаю, со временем мне все же удастся это выяснить. Где останавливался Мальм, когда он бывал здесь, я уже знаю. Обычно он проживал в одной из маленьких гостиниц в западной части города. Таких гостиниц полным-полно на Вестергатан и Мастер-Юхансгатан. Да ты, наверное, и сам знаешь?

Мартин Бек плохо знал Мальмё, и эти названия ничего ему не говорили.

— Хорошо, — сказал он, за неимением лучшего ответа.

— О, это было легко, — продолжил Монссон. — Не думаю, что это важно. Гораздо важнее другое.

Мартин Бек начал испытывать некоторое раздражение.

— Что другое?

— Ну, то, где жил Олафсон.

— Возможно, он останавливался в Мальмё всего лишь на несколько часов, чтобы встретиться с Мальмом, или просто проезжал через город.

— Ну-у, — сказал Монссон. — Не думаю. У него где-то здесь было логово. Но где?

— Откуда мне знать? Кстати, с чего ты это взял?

— У него здесь была подруга, — сказал Монссон.

— Что? Подруга?

— Да, вот именно. Его видели с ней несколько раз в самое разное время. В первый раз восемнадцать месяцев назад, а в последний, о котором мне известно, — незадолго до Рождества.

— Мы обязаны найти ее.

— Именно этим я сейчас и занимаюсь, — произнес Монссон. — Мне о ней кое-что известно, как она выглядит и все такое прочее, но я не знаю ее имени и адреса. — Он несколько секунд помолчал, потом сказал: — Странно.

— Что?

— То, что я не могу ее найти. Если она где-то в городе, я уже давно должен был ее разыскать.

— Это легко объяснить, — сказал Мартин Бек. — Возможно, она живет не в Мальмё, а, например, в Стокгольме. А может быть, она вообще не шведка.

— Ну-у, — протянул Монссон. — Я думаю, что она живет где-то здесь. Ладно, поглядим. Я разыщу ее.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверен. Но это займет какое-то время. Между прочим, в июне я собираюсь уйти в отпуск.

— Вот как? — сказал Мартин Бек.

— Да. Но потом я, конечно, буду продолжать ее разыскивать, — спокойно сказал Монссон. — Я дам тебе знать, когда найду ее. Такие вот дела. Пока.

— Пока, — автоматически попрощался Мартин Бек.

Он еще долго сидел с телефонной трубкой в руке, хотя его собеседник уже положил свою. Он вздохнул и высморкался.

Монссон явно был из тех людей, которых лучше всего не дергать, а предоставить им возможность действовать самостоятельно.

XXVI

В субботу, первого июня, Монссон вместе с женой улетел в Румынию. Он хотел основательно отдохнуть во время своего трехнедельного отпуска и должен был вернуться не раньше дня летнего солнцестояния, точнее говоря, в понедельник, двадцать четвертого.

Вместе с ним, наверняка, улетели и все мысли об утопленнике, а также размышления и возможные версии относительно жизни Олафсона и его мелких афер, потому что за время отсутствия Монссона из Мальмё почти ничего не было слышно, а если и поступали какие-то сведения, то они не представляли ни малейшего интереса для Мартина Бека.

В июне в отпуск отправился не только Монссон. Несмотря на многочисленные намеки на то, что полицейским не следует уходить в отпуска до того, как состоятся выборы, ряды полиции таяли на глазах. Всеобщие выборы должны были пройти в сентябре, поэтому ожидалось, что июль и август окажутся беспокойными месяцами, и большинство полицейских спешили использовать свои отпуска. Меландер перебрался в свой летний домик в Вермдё, а Гюнвальд Ларссон и Рённ уехали в Арьеплуг, где без остатка посвятили себя загоранию до черноты под ярким солнцем и рыбалке теплыми летними ночами.

Разговаривали они в основном о хариусах, лососях, форелях и различных типах наживки. Иногда на лицо Рённа набегали тучки, и он не отвечал, когда к нему обращались. В эти моменты он размышлял об исчезнувшей пожарной машине, хотя вслух об этом никогда не упоминал.

Хаммар думал только о своей приближающейся отставке и о том, чтобы за оставшееся время ничего не случилось.

Мартин Бек размышлял над тем, почему ему безразлично, идти в отпуск или не идти. Он просиживал целыми днями в Вестберге и занимался обычной текущей работой, а все свое свободное время посвящал раздумьям о том, как уклониться от того, чтобы отмечать день летнего солнцестояния вместе с женой и ее братцем.

Колльберг временно исполнял обязанности старшего инспектора и вынужден был перебраться в отдел расследования убийств главного управления. Оба эти обстоятельства доставили ему мало удовольствия. Он ненавидел раскаленный, как печь, кабинет на Кунгсхольмсгатан, потел и проклинал все на свете, а в перерывах между проклятиями думал о том, как ему хочется оказаться у себя дома, рядом с женой, и о том, что сейчас это его единственная радость.

Меландер рубил дрова возле своего летнего домика и с любовью думал о своей уравновешенной жене, которая в это время загорала голышом, лежа на одеяле за домом.

Монссон на Черном море вглядывался в сизо-серый потемкинский горизонт и удивлялся, как они ухитряются строить социализм и выполнять их пятилетние планы за три года в стране, где 40 градусов в тени и нет газированного виноградного сока.

В двух с половиной тысячах километрах к северу Гюнвальд Ларссон как раз надевал туфли и спортивную куртку и мрачно глядел на шерстяной свитер Рённа, отвратительного сине-красно-зеленого цвета с оленями на груди.

Рённ ничего не замечал, потому что в это время думал о пожарной машине.

Бенни Скакке сидел у себя в кабинете и перечитывал рапорт, который только что написал. Он размышлял над тем, скоро ли ему удастся стать начальником полиции и где он будет находиться, когда это произойдет.

Каждый был поглощен своими собственными мыслями.

Никто не думал о Мальме, Олафсоне или четырнадцатилетней девушке, которая сгорела заживо в мансарде дома на Шёльдгатан.

Такое, по крайней мере, создавалось впечатление.

В пятницу, двадцать первого июня, накануне дня летнего солнцестояния Мартин Бек совершил поступок, из-за которого почувствовал себя преступником впервые с тех пор, когда ему было пятнадцать лет и он подделал подпись матери в справке о его болезни, чтобы прогулять школьные занятия и поглазеть на гитлеровский линкор, приплывший с визитом в Стокгольм.

В его поступке не было ничего особенного, и большинство людей отнеслись бы к нему, как к совершенно естественному. В нем не было даже ничего преступного, как не преступно лгать, если перед этим вы не клали руку на Библию и не клялись говорить правду.

Он всего лишь сказал своей жене, что не сможет поехать с ней и Рольфом, потому что в связи с выполнением особого задания обязан в выходные дни находиться на службе.

Это была откровенная ложь, и он произнес ее громко и отчетливо, глядя жене прямо в глаза. Средь бела дня. Накануне самого солнечного, самого длинного и самого прекрасного дня в году. Более того, ложь явилась результатом заговора, в котором участвовало еще одно лицо, обещавшее молчать, если возникнут нежелательные расспросы.

Этим лицом был исполняющий обязанности старшего инспектора.

Звали его Стен Леннарт Колльберг, и роль его как организатора была слишком очевидной и вовсе не двусмысленной.

Подоплека заговора, если можно так выразиться, состояла из двух частей. Во-первых, Мартин Бек не испытывал удовольствия от перспективы провести два или, того хуже, три отвратительных дня вместе со своей женой и пьяным шурином. Эти дни казались ему еще более невыносимыми, потому что его дочь Ингрид была в Ленинграде на каких-то курсах по изучению языка и не смогла бы в трудный момент поднять ему настроение. Во-вторых, в распоряжении Колльберга был летний домик родственников его жены в Сёрмланде, и он уже переправил туда достаточное количество еды и веселящих напитков.

Таким образом, у Мартина Бека хватало оправдательных аргументов в пользу своего поведения, однако, он очень переживал из-за того, что ему пришлось солгать. Он понимал, что нельзя это делать постоянно, и пытался в душе оправдаться тем, что так уж сложилась ситуация. Пройдет много времени, и он поймет, что именно в этот момент он, может быть, чересчур запоздало, решил изменить всю свою жизнь. Он переживал не потому, что был полицейским, так как ничто не указывает на то, что полицейские лгут реже других людей или шведские полицейские лгут реже, чем иностранные. Имеющиеся данные говорят как раз об обратном.

Дело в том, что для Мартина Бека это был вопрос личной этики. Пытаясь оправдать свое поведение, он изменял определенным фундаментальным жизненным принципам. И только будущее покажет, выиграл он от этого или проиграл.

Однако в любом случае, впервые за долгое время у него был приятный и почти беззаботный уик-энд. Его беспокоила лишь собственная ложь, но он без особого труда на время задвинул ее куда-то в уголок подсознания.

Колльберг оказался выдающимся организатором и конспиратором и исключительно хорошо подобрал компанию. Слово «полиция» упоминалось нечасто, они веселились и почти совсем забыли о своей ежедневной, не слишком приятной работе.

Только один раз они заговорили о служебных делах. В надвигающихся сумерках Мартин Бек сидел на траве вместе с Осой Турелль, Колльбергом и остальными, глядя на майское дерево[12], которое они воздвигли, и даже танцевали вокруг него. К этому времени они уже порядком устали, их искусали комары и мысли Мартина Бека снова вернулись в свое привычное русло.

— Как ты думаешь, мы когда-нибудь узнаем, кто был в действительности тот человек в Сундбюберге? — сказал он.

И Колльберг ответил коротко и решительно:

— Нет.

А Оса Турелль спросила:

— Какой человек в Сундбюберге?

Она была бдительной молодой женщиной с массой достоинств и многим интересовалась.

Колльберг внезапно сказал:

— Знаешь, о чем я думаю? Мне кажется, это дело окончится взрывом прямо у нас на глазах. Так же, как оно и началось.

Он сделал большой глоток вина из бокала, раскинул руки в стороны и сказал:

— Например, вот так. Бу-у-ум! Так оно началось, и тем же все кончится.

Оса Турелль сказала:

— Ах, вот вы о чем. Теперь я понимаю, о чем вы говорите. Прямо на глазах у кого?

— У меня, конечно, — сказал Колльберг. — Я единственный человек, которого это дело абсолютно не интересует. И вообще я вас сейчас поубиваю, если вы не прекратите ваши разговоры о полиции.

Она действительно собиралась поступить на службу полицию.

В другой раз она и Мартин Бек обменялись несколькими фразами на ту же тему. Он спросил:

— Ты решила поступить на службу в полицию, потому что Оке убили?

Она задумчиво повертела сигарету в пальцах и ответила:

— Не совсем так. Я просто хочу поменять работу. Начать что-то вроде новой жизни. Кроме того, я думаю, они вам нужны.

— Кто? Женщины в полиции?

— Умные люди, которые хотят у вас работать, — произнесла она. — Подумай, сколько в полиции непригодных людей.

ОсаТурелль улыбнулась и ушла, приминая босыми ногами траву.

Она была стройной женщиной с большими карими глазами и короткими темными волосами.

Больше ничего интересного не произошло, и в воскресенье Мартин Бек вернулся домой все еще с небольшой головной болью с похмелья, однако довольный и без особых угрызений совести.

Пер Монссон прилетел из пышущего жаром аэропорта в Констанце в относительно прохладный Мальмё на серебристом «Ил-18». Дул довольно сильный юго-восточный ветер, и самолет сделал большой круг над Эресунном перед тем, как начать снижаться. Был погожий летний день, и со своего места у окна Монссон мог четко видеть Сальтхольм и Копенгаген, а также пять пассажирских паромов, которые, рассекая белыми носами волны, совершали свои обычные рейсы между Мальмё и Данией. Сверху казалось, что они замерли. Чуть позже он увидел Индустрихаммен, где три месяца назад вытаскивал из воды старый автомобиль и труп, но так как еще не приступил к работе, то сразу же перестал об этом думать.

Он упорно не отрывал взгляд от окна в основном потому, что ему не хотелось смотреть на свою жену. В первые веселые дни он снова влюбился в нее, но теперь, после трех недель, когда им приходилось ежедневно находиться вместе, они надоели друг другу и он начал скучать по своей холостяцкой квартире на Регементсгатан, по вечерам с зубочисткой во рту и запотевшим грипенбергером под рукой. Кроме того, ему уже немножко не хватало мрачного заасфальтированного двора полицейского участка, в который выходило окно его кабинета.

Мальмё вовсе не был таким идиллическим и спокойным, как это могло показаться с воздуха. Как раз напротив, у Монссона было такое ощущение, что уже в первую же неделю работы его втянуло в настоящий водоворот преступлений, от всевозможных политических беспорядков и поножовщины до налета на банк, который, по имеющимся сведениям, планировался в Мальмё, и для предотвращения которого половина полицейских в стране была приведена в полную готовность.

У него было полно работы, и только третьего июля, в понедельник, он снова начал думать об Олафсоне. Поздно вечером он вспомнил, что видел с воздуха во время посадки в Мальмё, и в цепочке его смутных, подсознательных мыслей, которые возникли в самолете, появилось последнее, недостающее звено.

Теперь все казалось даже чересчур простым и очевидным.

В половине двенадцатого ночи он приготовил себе коктейль и машинально выпил его одним глотком. Потом он встал из кресла и отправился в постель.

Он был уверен, что скоро найдет ответ на вопрос, который раздражал его на протяжении всего времени, с тех пор как он нашел труп Олафсона.

XXVII

Первая половина июля оказалась холодной и дождливой. Многие отпускники, обнадеженные теплым июнем, решили не уезжать на юг Европы, а насладиться прекрасным шведским летом, и теперь они проклинали все на свете, мрачно глазея на дождь через клапаны своих палаток и двери трейлеров и мечтая о залитых солнцем средиземноморских пляжах. Однако в середине второй недели отпусков, когда на чистом голубом небе появилось жаркое солнце, а дождевая влага стала быстро испаряться с ароматной почвы и растений, проклятия в адрес отечества прекратились и гордые шведы, надев свои яркие летние одежды, приготовились покорять природу. Сверкающие автомобили мчались по дорогам, а по обочинам располагались многочисленные семьи со складными столиками, термосами и пакетами с едой, высадившиеся здесь из точно таких же автомобилей, чтобы наскоро перекусить среди дорожного мусора. Вдыхая пыль и выхлопы, они слушали свои никогда не смолкающие транзисторные приемники, глядели на проносящиеся мимо автомобили и чахлую растительность на противоположной стороне дороги, и от всей души сочувствовали тем несчастным, которым пришлось остаться в городе.

Мартин Бек не нуждался ни в чьем сочувствии. По крайней мере, его никто не заставлял оставаться в Стокгольме и работать в июле. Напротив, он больше всего любил находиться в городе именно в это время. Как правило, он старался не брать отпуск в июле, потому что любил свой родной город, несмотря ни на что. Ему нравилось бродить по городу, когда не было толкотни, никто никуда не спешил, не нужно было опасаться интенсивного потока транспорта и дышать ядовитыми выхлопами. Он любил гулять по пустынным улицам в центре города в жаркое июльское воскресенье или по набережным прохладными вечерами, когда бриз приносил аромат свежескошенного сена с лугов в Меларе или запах морских водорослей.

Во вторник, шестнадцатого июля, он, однако, ничего этого не делал, а сидел без пиджака за своим письменным столом в Вестберге и чувствовал, что очень устал. Утром он закончил расследовать убийство, дело было совершенно ясным и вместе с тем печальным и бессмысленным. Югослав и финн поссорились во время совместной выпивки в кемпинге и финн пырнул югослава складным ножом на глазах у дюжины потрясенных свидетелей. Финн попытался скрыться с места преступления, но в тот же вечер его взяли в пустом вагоне на Центральном вокзале. За ним числилось много преступлений как в Финляндии, так и в Швеции. К тому же в с страну он въехал нелегально, так как всего два меся назад его депортировали на два года.

После этого Мартин Бек весь день занимался текущими делами, и теперь он сидел и молча глядел в окно.

Колльберг все еще исполнял обязанности старшего инспектора и находился в своем временном кабинете на Кунгсхольмене. Скакке куда-то ушел; Мартин Бек собственноручно дал ему какое-то поручение, но не мог вспомнить какое. Он слышал шаги в коридоре, хлопанье дверей, стук пишущих машинок и голоса, доносящиеся из соседних кабинетов. У него промелькнула мысль, не выпить ли с кем-нибудь по чашечке кофе, но он тут же отбросил ее, потому что особого желания не испытывал.

Мартин Бек приподнял бумагу, покрывавшую столешницу, и вытащил из-под нее список тех дел, которые записывал, чтобы о них не забыть. Вообще-то у него была очень хорошая память, однако недавно он заметил, что она стала его подводить, и решил записывать то, что не может сделать немедленно, но что должно быть сделано позже. Недостаток этого метода

состоял в том, что Мартин Бек постоянно забывал о существовании списка и не заглядывал в тайник, где тот лежал.

Хотя он давно не заглядывал в список, все пункты уже были выполнены за исключением двух. Он взял авторучку и вычеркнул их, одновременно пытаясь вспомнить, что означает имя, написанное в самом верху списка. Эрнст Сигурд Карлсон. Внизу была написана фамилия Цакриссон. Ну, с этим ясно. Цакриссона он собирался вызвать, чтобы тот подробно описал, чем занимался Мальм, когда за ним следили. Другой сотрудник, который вместе с Цакриссоном следил за Мальмом, уже обо всем рассказал в деталях, однако Цакриссона опросили лишь вскользь сразу после пожара. А теперь он был в отпуске.

Мартин Бек закурил «Флориду», откинулся на спинку кресла и пустил струю дыма прямо в потолок.

— Эрнст Сигурд Карлсон, — тихо сказал он.

И тут он вспомнил, кто этот человек. Совершенно незнакомый мужчина, который написал его имя в блокноте, перед тем как застрелиться. Мартин Бек по-прежнему не знал, почему он это сделал. Хотя не было ничего необычного в том, что его знают люди, с которыми он не знаком. Он был старшим инспектором, и в связи с расследованием убийств его имя часто упоминалось в газетах, да к тому же несколько раз ему пришлось выступить по телевидению.

Он сунул список под бумагу. Потом встал и направился к двери. Одна чашка чая все же не повредит, подумал он.

В понедельник, двадцать второго июля, Цакриссон возвратился из отпуска и Мартин Бек в то же утро позвонил ему.

Теперь Цакриссон сидел в кабинете Мартина Бека в Вестберге и, покашливая, читал вслух монотонным голосом записи из своего блокнота. Утомительное перечисление мест и дат. Время от времени он отрывал взгляд блокнота и делал кое-какие дополнения.

Гёран Мальм последние десять дней находился в состоянии меланхолии. Все они проходили однообразно. Бо́льшую часть дня он проводил в двух пивных на Хорнсгатан. Домой уходил около восьми часов, заметно пьяный и почти всегда один. Дважды покупал крепкие спиртные напитки и брал с собой проститутку. Было ясно, что у него мало денег. Очевидно, смерть Олафсона поставила его в затруднительное положение. За день до смерти Мальма Цакриссон видел, как тот почти час стоял у пивной и клянчил деньги на выпивку.

— Так значит, он совершенно опустился? — пробормотал Мартин Бек.

— Он пытался одолжить деньги и в тот день, когда умер, — сказал Цакриссон. — Я так думаю. Он пошел…

Цакриссон перевернул страницу блокнота.

— Седьмого марта в девять часов сорок минут он вышел из дома на Шёльдгатан и отправился на Карлвиксгатан, где зашел в дом номер 4.

— Карлвиксгатан, — повторил Мартин Бек.

— Да, на Кунгсхольмене. Он поднялся лифтом на четвертый этаж и через несколько минут вышел из дома. Он нервничал и выглядел растерянным, поэтому я решил, что он пытался одолжить у кого-то деньги, но либо ему отказали, либо того человека не оказалось дома.

Цакриссон посмотрел на Мартина Бека так, словно ожидал похвалы за свою дедукцию. Однако Мартин Бек сказал, глядя куда-то мимо него:

— Карлвиксгатан, номер 4. Где я слышал это раньше?

Потом он посмотрел на Цакриссона и спросил:

— Ты, наверное, уже об этом рассказывал, так?

Цакриссон кивнул.

— Старшему инспектору Колльбергу, — ответил он. — Он приказал мне выписать фамилии всех жильцов этого дома.

— Ну?

Цакриссон заглянул в блокнот.

— Их там не много, — сказал он. — Север Блом, А. Свенсон, Эрнст Сигурд Карлсон…

Карлвиксгатан — короткая и тихая улочка, связывающая Нор-Меларстранд и Хантверкаргатан, недалеко от Фридхемсплан. На машине Мартин Бек доехал туда за десять минут.

Он не слишком надеялся на то, что удастся что-либо выяснить, ведь Эрнст Сигурд Карлсон умер четыре с половиной месяца назад.

На четвертом этаже на двух дверях действительно значилось «Севед Блом» и «А. Свенсон», на третьей двери висела новая табличка с фамилией «Ског». Мартин Бек позвонил, однако ему никто не открыл. Он позвонил в соседнюю дверь.

Отпустив Цакриссона, Мартин Бек вызвал полицейских, которые в то утро, когда Эрнст Сигурд Карлсон совершил самоубийство, были в его квартире. От них он среди прочего узнал, кто вызвал полицию.

Капитан Севед Блом сразу же пригласил Мартина Бека зайти и принялся ему рассказывать, как он раскладывал пасьянс и вдруг услышал выстрел. Он был в восторге от того, что ему представилась возможность еще раз повторить эту драматическую историю, и подробно описал, как все было. Мартин Бек выслушал его и в конце спросил:

— Что вам известно о покойном? Вы общались с ним?

— Нет. Мы здоровались при встрече, вот и все. По-моему, он был нелюдимым.

— Вы видели кого-нибудь из его друзей?

Капитан Блом покачал головой.

— Похоже, у него их вообще не было. Он всегда вел себя тихо, и никто никогда не навещал его. Довольно странно, но один из его знакомых пришел к нему в то самое утро. Какой-то оборванец. Я как раз выносил мусор, скорая помощь уже уехала и полицейские тоже ушли. Ну так вот, смотрю, этот мужчина звонит в его квартиру. Я поинтересовался, кто ему нужен, и когда понял, что он близкий знакомый, рассказал ему, что произошло. Я еще сказал ему, что он может сходить в полицию, если хочет узнать подробности.

— Вы сказали ему, что Карлсон совершил самоубийство?

— Ну… Я сказал, что он умер и что здесь была полиция.

Когда Мартин Бек вернулся в Вестбергу, он уселся за письменный стол, закурил и после долгих раздумий позвонил Хаммару.

— Это дело с каждым днем становится все более и более загадочным, — сказал Хаммар. — Будет счастьем, если тебе удастся когда-нибудь найти человека, который имел бы отношение к этому делу и остался в живых. Какие, по-твоему, выводы из всего этого следуют? И почему тот человек записал твое имя перед тем, как покончить с собой?

— Я полагаю, что Карлсон, Олафсон и Мальм были членами одной… ну, скажем, банды. И Карлсон почему-то захотел выйти из игры. Он решил позвонить в полицию и записал мое имя, потому что слышал обо мне. Потом он передумал. Не знаю, на каких ролях он был в банде. Как, по-твоему, что звучит?

— Я считаю, что это звучит как детская сказочка, — ответил Хаммар. — У нас есть трое мертвых мужчин. Один убит, другой убит и одновременно совершил самоубийство, и еще

один, который всего лишь совершил самоубийство. Чем ты можешь объяснить этот суицидальный психоз?

Мартин Бек вздохнул.

— Думаю, Мальм начал нервничать и в конце концов пошел к Карлсону спросить, не знает ли тот, куда подевался Олафсон. Услыхав, что Карлсон умер, он решил покончить с собой.

Несколько секунд было тихо.

— Ладно, — сказал Хаммар. — Возможно, ты и прав. Но у нас еще никогда не было дела, в котором было бы так много «если» и «однако», а также «возможно» и «вероятно». У нас слишком мало достоверной информации. Придется снова устроить совещание. Я назначу время и позвоню тебе.

Он положил трубку.

Мартин Бек сидел, держа руку на трубке, и думал о том, что скажет Колльберг. В тот момент, когда он уже собрался набрать номер, телефон зазвонил.

— Бинго![13] — сказал Колльберг.

— Что? — спросил Мартин Бек.

— Ответ из Интерпола. Отпечатки пальцев Ласаля.

— Ух ты, черт! Ну?

— Они идентифицировали отпечаток большого пальца, но Альфонс Ласаль им неизвестен.

— Кому же в таком случае он принадлежит?

— Погоди секундочку. У этого человека много псевдонимов. Французской полиции известны следующие: Альбер Корбье, Альфонс Беннет, Самир Риффи, Альфред Лаффи, Огюст Кассен и Огюст Дюпон. Остальные имена они пришлют позже. Точно они не знают, кто он такой, но полагают, что у него ливанское подданство, а в последнее время он находился, главным образом, во Франции и Северной Африке. Они считают доказанным, что ранее он состоял в ОАС. Его подозревают в целом ряде преступлений или соучастии к преступлениях. Транспортировка наркотиков, контрабанда валюты и многое другое, в том числе убийство.

— И его никогда не удавалось схватить?

— Очевидно, нет. Похоже на то, что он настоящий дьявол. Судя по всему, он меняет паспорта, имена и гражданство чаще, чем нижнее белье, и у них до сих пор нет против него надежных доказательств.

— Описание имеется?

— Да, но тут не так все просто. Они прислали одно, но говорят, что оно не совсем точное. Очень мило с их стороны. Ага, вот оно. Так, возраст около тридцати пяти, рост метр семьдесят пять, вес шестьдесят пять килограммов, чёрные волосы, хорошие зубы, погоди… это по-французски и у меня не было времени перевести… густые прямые брови, слегка крючковатый нос с маленьким, едва заметным шрамом на левой ноздре; других физических дефектов или особых примет не имеется.

— Да, это описание хорошо подходит к Ласалю. Они, естественно, не знают, где он находится в настоящее время?

— Нет. Я тебе сейчас перезвоню. Мне нужно перевести и записать.

Мартин Бек остался сидеть с трубкой в руке. Положив ее, он вспомнил, что не успел сказать Колльбергу об Эрнсте Сигурде Карлсоне.

XXVIII

Монссон приехал в Копенгаген во вторник утром, двадцать третьего июля. Он торопился и поэтому решил воспользоваться паромом на воздушной подушке. Паром назывался

«Летучая рыба» и пересекал пролив точно за тридцать пять минут. Это было его единственным достоинством. В нем болтало, как в самолете, к тому же Монссону не досталось место у окна, откуда по крайнем мере можно было глядеть на воду.

Если говорить о Дании, то здесь международные связи Монссона были просто замечательными. Он быстро покончил с пограничными формальностями и направился прямо к инспектору полиции Могенсену, которому сказал:

— Привет. Я разыскиваю женщину но не знаю, как ее зовут.

— Привет, — ответил Могенсен. — Как она выглядит?

— У нее коротко постриженные вьющиеся светлые волосы и голубые глаза. Крупные черты лица, большой рот, хорошие зубы, ямочка на подбородке. Рост примерно один метр семьдесят сантиметров, широкие плечи и бедра, тонкая талия. Сильные короткие ноги и красивые икры. Лет ей приблизительно тридцать пять. Шведка. Наверняка из Сконе, возможно, из Мальмё.

— Звучит восхитительно, — сказал Могенсен.

— Не уверен. Обычно она носит длинные темные свитера и брюки или короткие клетчатые юбки, последние, наиболее вероятно, в это время года. Любит очень широкие пояса, которые сильно затягивает на талии. Не исключено, что употребляет наркотики. Может иметь знакомства в кругах, связанных с живописью. Люди, которые ее видели, говорят, что руки у нее всегда в краске или в чем-то похожем.

— Хорошо, — сказал Могенсен.

И это было все.

У дружеских отношений между Монссоном и этим человеком была длинная история. Они познакомились в конце войны, когда Могенсен приехал в Треллеборг из Германии. Он был одним из приблизительно двух тысяч датских полицейских, арестованных гестапо во время большой облавы в сентябре 1944 года и посаженных в немецкие концлагеря.

С тех пор они поддерживали контакт, их отношения были неформальными, практичными и полезными для обеих сторон. Могенсен мог выяснить за один день то, на что Монссону понадобилось бы шесть месяцев, используй он официальные каналы. А когда Могенсену требовалось что-нибудь в Мальмё, Монссон, как правило, справлялся с этим за пару часов. Различная скорость поисков объяснялась тем, что Копенгаген в четыре раза больше Мальмё.

У скандинавов для того, чтобы подчеркнуть хорошие отношения, принято говорить о сотрудничестве между шведской и датской полицией только в превосходных тонах. На практике, однако, это не совсем так, что в некоторой степени объясняется языковыми трудностями.

Утверждение, что шведы и датчане понимают друг друга при минимуме усилий, бережно лелеют на самых высоких уровнях в обеих странах вот уже много лет. Однако скорее всего это утверждение можно принять с оговорками, причем достаточно серьезными, а в большинстве случаев это просто благие пожелания или иллюзия. Или, грубо говоря, ложь.

Двумя из многочисленных жертв этой иллюзии оказались Хаммар и знаменитый датский криминалист, которые были давно знакомы и в течение ряда лет сталкивались на конференциях, проводившихся полицией. Они были хорошими друзьями и частенько делали широковещательные заявления о том, с какой легкостью изучили чужой язык, и редко удерживались от саркастических замечаний, что любому нормальному скандинаву это вполне по силам.

Так было до тех пор, пока после десяти лет общения на конференциях и других встреч на самом высоком уровне, они не провели совместный уик-энд в загородном коттедже Хаммара, и тут оказалось, что они не могут понять друг друга даже тогда, когда речь идет о простейших вещах. Когда датчанин попросил одолжить ему карту, Хаммар принес

собственную фотографию. Вот тут-то все и выяснилось. Часть их вселенной превратилась в черную дыру, и после нескольких часов глупых недоразумений они окончательно перешли на английский и обнаружили, что совершенно не испытывают симпатии друг к другу.

Секрет хороших отношений между Монссоном и Могенсеном отчасти состоял в том, что они в самом деле отлично понимали друг друга. Они прекрасно отдавали себе отчет в том, что не знают чужого языка, и поэтому разговаривали на так называемом скандинавском — мешанине слов, которую, пожалуй, только они и могли понять. К тому же, оба они были полицейскими и вовсе не собирались усложнять отношения.

В половине третьего Монссон вернулся в полицейский участок на Полититорвет в Копенгагене и получил листок бумаги, на котором было отпечатано имя и адрес.

Через пятнадцать минут он уже стоял перед старым домом на Ледерстраде и сравнивал слова на листке бумаги с выцветшим номером над узкой, темной подворотней. Он вошел во двор, поднялся по наружной деревянной лестнице, которая опасно прогибалась под его весом, и остановился перед облупленной дверью без таблички.

Он постучал. Дверь открыла женщина.

Она была маленькая и крепкая, но хорошо сложенная, с широкими плечами и бедрами, узкой талией и красивыми сильными ногами. Выглядела она лет на тридцать пять. Коротко постриженные светлые вьющиеся волосы, большой чувственный рот, голубые глаза и ямочка на подбородке. Босиком. На ней был надет пахнущий краской халат, который когда-то был белым. Под халатом — черный свитер. Халат был туго перетянут на талии широким кожаным поясом. В квартире, позади женщины, Монссону удалось разглядеть лишь маленькую темную кухню.

Она с любопытством посмотрела на него и спросила с типичным выговором жительницы Мальмё:

— Кто вы?

Монссон не ответил на ее вопрос.

— Вас зовут Надя Эриксон?

— Да.

— Вы знаете Бертила Олафсона?

— Да.

Она повторила вопрос:

— Кто вы?

— Прошу прощения, — сказал Монссон. — Я хотел убедиться, что не ошибся адресом. Меня зовут Пер Монссон, я служу в полиции, в Мальмё.

— В полиции? А что здесь нужно шведской полиции? Вы не имеете права входить ко мне.

— Да, вы совершенно правы. У меня нет ордера на обыск или еще чего-нибудь в этом роде. Я всего лишь хочу побеседовать с вами. Но если вы не хотите со мной разговаривать, я уйду.

Несколько секунд она глядела на него, задумчиво ковыряя в ухе желтым карандашом, и наконец спросила:

— Что вам нужно?

— Я уже сказал, всего лишь поговорить.

— О Бертиле?

— Да.

Она вытерла лоб рукавом халата и прикусила нижнюю губу.

— Я не желаю иметь дело с полицией, — сказала она.

— Вы можете считать меня…

— Кем? — перебила она. — Частным лицом? Соседским котом?

— Кем вам будет угодно, — сказал Монссон.

Она рассмеялась.

— Входите.

Потом она повернулась и прошла через крошечную кухоньку. Следуя за ней, Монссон заметил, что у нее грязные ноги.

Позади кухни находилась большая мастерская с фонарем, который вряд ли можно было назвать чистым. Везде были разбросаны картины, газеты, тюбики с краской, кисти и одежда. Из мебели здесь были большой стол, несколько деревянных стульев, два комода и кровать. На стенах висели плакаты и картины, а на подставках стояли скульптуры. Некоторые из них были обернуты влажными тряпками, а одна, очевидно, только что закончена. На кровати лежал темнокожий юнец в майке и трусах. Его грудь покрывали вьющиеся черные волосы, а с шеи свисало серебряное распятие на цепочке.

Монссон окинул взглядом весь этот беспорядок, который, судя по всему, был здесь привычным. Потом он с любопытством посмотрел на молодого человека в кровати.

— Не обращайте на него внимания, — сказала женщина. — Он не сможет понять, о чем мы говорим. Но если он вам мешает, я могу его выставить.

— Он мне вовсе не мешает, — заверил Монссон.

— Тебе лучше уйти, бэби, — сказала она.

Молодой человек, встал, поднял с пола брюки цвета хаки, надел их и вышел.

— Чао, — сказал он на прощанье.

— Он забавный, — лаконично заметила женщина.

Монссон бросил робкий взгляд на скульптуру. Она изображала пенис в состоянии эрекции, из которого во все стороны торчали шурупы и куски ржавого железа.

— Это всего лишь модель, — сказала она. — В действительности он должен быть высотой сто метров.

Женщина озабоченно нахмурилась.

— Он не вызывает у вас отвращения? — спросила она. — Как вы думаете, его кто-нибудь купит?

Монссон подумал о произведениях монументального искусства, которые украшают его родной город.

— Да, — сказал он. — Почему бы и нет?

— Что вы знаете обо мне? — спросила она, с блеском садистского наслаждения в глазах втыкая еще один кусок железа в скульптуру.

— Очень мало.

— Здесь нечего знать, — сказала она. — Я живу в этом городе уже десять лет и делаю такие скульптуры. Но я никогда не стану знаменитой.

— Вы знали Бертила Олафсона?

— Да, — спокойно ответила она. — Знала.

— Вам известно, что он умер?

— Да. В газетах много писали об этом несколько месяцев назад. Так вы здесь именно поэтому?

Монссон кивнул.

— Что вы хотите знать?

— Все.

— Это слишком много, — сказала она.

Наступило молчание. Она взяла деревянную колотушку с короткой рукояткой и несколько раз без заметного эффекта ударила по скульптуре. Потом почесалась во вьющихся светлых волосах, опустила голову и, нахмурившись, уставилась на свои ноги. Выглядела она вполне привлекательно. В ней была та спокойная, уверенная зрелость, которая так нравилась Монссону в женщинах.

— Хочешь со мной переспать? — внезапно спросила она.

— Да, — сказал Монссон. — Почему бы и нет?

— Отлично. Потом будет легче разговаривать. Открой комод и возьми с верхней полки две чистых простыни. Я запру входную дверь и вымоюсь. Брось грязное белье в корзину вон там.

Монссон взял свежие простыни и застелил постель. Потом сел на кровать, выплюнул на пол свою зубочистку и начал расстегивать рубашку.

Она прошла через комнату. На ногах у нее были шлепанцы на деревянной подошве, через плечо переброшено полотенце. Насколько он смог заметить, у нее не было шрамов на руках и бедрах, а также каких-либо особых примет на теле.

Принимая душ, она пела.

XXIX

Телефон зазвонил в три минуты девятого, в пятницу, двадцать шестого июля. С самого утра была сильная жара. Войдя в кабинет, Мартин Бек сразу же снял пиджак и начал подворачивать рукава рубашки. Он поднял трубку и сказал:

— Бек слушает.

— Это Монссон. Привет. Я нашел ту женщину.

— Отлично. Где ты сейчас находишься?

— В Копенгагене.

— Что тебе удалось выяснить?

— Довольно много. Например, то, что Олафсон был здесь седьмого февраля вечером. Но это слишком долго рассказывать по телефону.

— Тебе, наверное, стоит приехать к нам.

— Да, я тоже так думаю.

— Ты можешь взять с собой эту женщину?

— Думаю, она вряд ли согласится. К тому же в этом нет необходимости. Я уже с ней побеседовал.

— Когда ты нашел ее?

— В прошлый вторник. У меня было достаточно времени, чтобы с ней поговорить. Я сейчас поеду в Каструп и первым же рейсом вылечу в Арланду.

— Хорошо, — сказал Мартин Бек и положил трубку.

Он задумчиво поглаживал подбородок. Монссон явно что-то не договаривал и к тому же сам, добровольно, вызвался приехать в Стокгольм. Наверное, он в самом деле кое-что обнаружил.

Монссон приехал в управление на Кунгсхольмсгатан в час дня, загорелый, спокойный, в хорошем настроении. Одет он был довольно легкомысленно: сандалеты, брюки цвета хаки и клетчатая рубашка навыпуск.

Женщины с ним не было, однако в руке он держал кассетный магнитофон, который поставил на стол. Потом он огляделся вокруг и сказал:

— Ого, сколько вас… Привет! Добрый день.

Он позвонил из Арланды полчаса назад, и за это время в кабинете успели собраться все известные ему детективы: Хаммар, Меландер, Гюнвальд Ларссон, Рённ. Плюс группа поддержки из Вестберги: Мартин Бек, Колльберг и Скакке.

— Вы что, решили устроить мне овацию?

Мартин Бек отвратительно себя чувствовал, когда оказывался в толпе. Его поражало, как удается Монссону, который был на два года старше него, выглядеть таким уравновешенным и довольным.

Монссон положил ладонь на магнитофон и сказал:

— В общем так. Женщину зовут Надя Эриксон. Ей тридцать семь лет и она скульптор. Родилась и выросла к Арлёв, но больше десяти лет жила в Данин. Арлёв — это деревушка под Мальмё. Сейчас мы послушаем, что рассказала эта женщина.

Он включил магнитофон. Мартину Беку показалось. что в записи голос Монссона звучит как-то странно.

— Беседа с Анной Дезире Эриксон, родившейся шестого мая 1931 года в Мальмё. Скульптор. Не замужем. Известна как Надя.

Мартин Бек навострил уши. То, что Рённ хихикнул, было совершенно очевидно, но ему показалось, что Монссон, на магнитофонной ленте, тоже хихикнул. Впрочем, Монссон тут же продолжил:

— Вы не возражаете, если я попрошу вас повторить все то, что вы рассказали мне о Бертиле Олафсоне?

— Нет, конечно. Погодите секундочку.

Женщина говорила с характерным для провинция Сконе акцентом. Голос у нее был низкий, четкий и резонирующий. На ленте слышались какие-то шорохи. Потом Надя Эриксон сказала:

— Я познакомилась с ним почти два года назад, в сентябре 1966 года, а в последний раз мы виделись в начале февраля этого года. Он приезжал сюда регулярно, как правило, в начале каждого месяца и останавливался на один-два дня. Иногда на три, но не больше. Обычно он приезжал пятого и уезжал седьмого или восьмого. В Копенгагене он жил у меня, и, насколько мне известно, никогда в других местах не останавливался.

— А почему он приезжал с такой регулярностью?

— Он был обязан соблюдать что-то вроде расписания. Каждый раз, когда он останавливался здесь, он приезжал из-за границы, обычно через Мальмё. Иногда он мог прилететь самолетом или приплыть на одном из паромов с континента. Здесь он останавливался на пару дней. Он приезжал сюда, чтобы с кем-то встретиться и должен был делать это раз в месяц.

— Чем занимался Олафсон?

— Он называл себя бизнесменом. В некотором смысле он им был. Воры ведь тоже бизнесмены, разве не так? За первые шесть месяцев нашего знакомства он ничего не сказал о том, чем занимается или откуда приехал. Однако потом он разговорился. Тут-то все и выяснилось. Оказалось, что он относится к тем людям, которые просто не способны держать язык за зубами. Он был хвастливым. Я не любопытна и никогда не задавала ему никаких вопросов. Думаю, именно поэтому ему хотелось поговорить. Мое молчание приводило его в бешенство. Не знаю, стоит ли обо всем этом… О Боже, ну и жара…

Монссон перекатил во рту зубочистку, без всякого стеснения почесал в паху и сказал:

— Сейчас будет небольшая пауза. По техническим причинам.

Через тридцать секунд мертвой тишины снова раздался женский голос:

— Да, Бертил был неудачником. Он был по-деревенски хитрым, но вместе с тем туповатым и хвастливым. Вряд ли ему могло повезти в жизни. У него буквально кружилась голова от любого мало-мальски заметного успеха. Например, стоило ему заработать немного денег, он начинал мнить из себя Бог знает что и был уверен, что никто, кроме него, на такое не способен. У него вечно были грандиозные планы, он непрерывно что-то говорил о больших переменах, которые скоро наступят в его жизни. К тому же он переоценивал свой ум и вовсе не отличался скромностью. Когда он наконец понял, что я догадываюсь, каким бизнесом он занимается, то попытался выдать себя за крупного гангстера и начал что-то нести об аферах в миллионы крон, убийствах людей велосипедными цепями и прочей чепухе. В действительности же, как я уже сказала, он был неудачником.

— Если попытаться сопоставить все, что он говорил, и предположить…

Монссон не закончил фразу, слова как бы повисли в воздухе, и прошло несколько секунд, прежде чем она ответила:

— Мне кажется, я точно знаю, чем он занимался. Он и еще два человека имели дело с крадеными автомобилями в Стокгольме. Некоторые автомобили они угоняли сами, остальные скупали за бесценок у других воров. Потом они перегоняли машины на континент, думаю, главным образом, в Польшу. Человек, которому они передавали автомобили, расплачивался с ними не деньгами, а кое-чем другим. В основном, драгоценностями или неоправленными камнями, бриллиантами и так далее. Мне это точно известно, потому что Бертил даже подарил мне один камень прошлой осенью, когда рассчитывал скоро стать миллионером и сильно расхвастался.

Однако идея торговать крадеными автомобилями принадлежала не им, они были всего лишь исполнителями. В стокгольмском филиале фирмы, как он обычно говорил. Именно поэтому он и приезжал сюда, в Копенгаген, один раз в месяц. Он должен был передавать полученные за автомобили драгоценности какому-то человеку, который взамен давал ему деньги. Человек с деньгами тоже был курьером. Он приезжал то ли из Парижа, то ли из Мадрида. Об этой стороне дела мне мало известно, потому что я никогда его не видела. Тут Олафсон был очень осторожен. Он не позволял мне увидеть курьера и никогда никому не говорил, где живет. В этом он проявлял дьявольскую хитрость. Думаю, он хотел иметь что-то вроде запасного выхода. Я никогда ни с кем не знакомила Бертила и никого не впускала в квартиру, когда он жил здесь. Никто, даже полиц…

Запись прервалась.

— Этот магнитофон немножко заедает, — сказал Монссон, не двигаясь с места. — Я одолжил его у датчан.

Женский голос раздался снова, но теперь он звучал как-то по-другому, хотя трудно было сказать, в чем заключалось это отличие.

— Так на чем я остановилась? Ах, да… Никто, даже полиция, не смог бы меня найти, если бы Бертил несколько раз не брал меня с собой в Мальмё. Он должен был встречаться там с партнером, каким-то парнем, которого звали Гирре или как-то в этом роде. По-моему, его фамилия была Мальм. Он тоже перегонял за границу автомобили из Стокгольма, Юстада или Треллеборга. Он работал в каком-то гараже, перекрашивал там автомобили и ставил на них поддельные номера. В Мальмё я приезжала четыре или пять раз и только из любопытства. И каждый раз было очень скучно. Они пили, хвастались и играли в вист с разными так называемыми коллегами, а я сидела в уголке и зевала. Насколько я понимала, Олафсон вынужден был приезжать туда, потому что Мальм проигрывался в пух и прах и у него не было денег, чтобы добраться до Стокгольма. А меня он тащил с собой только для того, чтобы похвастать мной перед своими дружками. А вы что думали…

Снова пауза. Монссон зевнул и сменил зубочистку.

— О Боже, да просто для того, чтобы продемонстрировать, что у него есть подруга! Видите ли, Бертил не относился к… тем мужчинам, которым нужны подруги. Я имею в виду, как женщины. Мальм был вторым партнером из так называемого стокгольмского филиала. Третьего я никогда не видела. Его звали Сигге. По-моему, он снабжал их поддельными документами.

Сигге. Эрнст Сигурд Карлсон, подумал Мартин Бек.

Короткая пауза, на этот раз не вызванная неисправностью. Похоже, женщина размышляла над тем, что сказать дальше, а Монссон молчал, как на магнитофонной ленте, так и живьем.

— Надеюсь, вы понимаете, что я сама до всего этого додумалась. Хотя уверена, что так оно все и было. Бертил не умел держать рот на замке, а из разговоров между ним и Мальмом можно было понять многое. Ну, а начиная с прошлого лета, при каждой нашей встрече он становился все озабоченнее и озабоченнее. Он начал что-то говорить о какой-то главной конторе, которая получает гигантские доходы. Каждый раз, приезжая сюда, он возобновлял разговор на эту тему. Жаловался, что стокгольмский филиал и лично он с риском для себя делают всю работу, а главная контора забирает себе бо́льшую часть доходов. Однако он даже не знал, где находится та самая главная контора, о которой так много говорил. Утверждал, что если бы он и два его партнера занялись бизнесом в их стокгольмском филиале самостоятельно, то они смогли бы заработать кучу денег. Думаю, он крепко вбил себе это в голову. А в декабре он совершил невероятную глупость…

— Что она сказала? — изумленно спросил Гюнвальд Ларссон, словно семилетний ребенок на детском утреннем сеансе.

— …проследил за человеком, который привозил ему деньги. По-моему, он летал за ним в Париж или Рим. Думаю, он уже выяснил, куда обычно улетает курьер, и сразу после их встречи вылетел туда первым же рейсом. Там он подождал курьера и проследил за ним. Вернулся он сюда пятого января этого года совершенно разъяренный, сказал, что все выяснил и что был во Франции. Я точно помню, он сказал: во Франции, но, возможно, он лгал. Лгать он тоже умел. В общем, он сказал, что ему пришлось съездить на Континент и теперь он во всем разобрался. Он также сказал, что теперь он, Мальм и третий партнер станут диктовать свои условия и по меньшей мере в три раза скоро увеличат свои доходы. Думаю, он действительно туда ездил, потому что в следующий раз, когда мы с ним встретились, он был каким-то дерганым и ужасно нервничал. Сказал, что главная контора согласилась прислать посредника для переговоров. Он всегда употребил такие термины, словно речь шла о рядовом бизнесе. Как ни странно, но со мной он тоже так разговаривал, хотя знал, что я прекрасно понимаю, о чем идет речь. Он приехал сюда шестого февраля. В тот день Бертил по меньшей мере десять раз выходил из дому и звонил в гостиницу, чтобы узнать, не приехал ли уже посредник. Вы ведь видите, телефона у меня нет. Он заявил, что это будет решающая встреча и что Мальм ждет результатов в Мальмё. Это было во вторник, а в среду, около трех часов он в третий раз за тот день вышел из дому. И больше не вернулся. Точка. Конец.

— Хм. Мне бы хотелось, чтобы вы уточнили характер ваших отношений.

Женщина ответила без малейших колебаний.

— Мы заключили соглашение. Я иногда покуриваю гашиш и во время работы регулярно принимаю испанские таблетки фенедрина. Симпатии и центрамин. Они великолепно действуют и абсолютно безвредны. Сейчас из-за этой дурацкой шумихи вокруг наркотиков таблетки трудно достать, к тому же они стали дороже в пять или даже десять раз. А я без них не могу обходиться. Когда я случайно встретилась с Олафсоном в Ньюхавне, я поинтересовалась, не может ли он продать мне таблетки; практически каждому встречному я

задавала такой вопрос. Оказалось, что он имеет доступ к тому, что мне нужно, а у меня есть нечто такое, что требуется ему: квартира, где он может остановиться на две ночи в месяц и о которой никто не знает. Я колебалась, потому что он мне не особенно нравился. Однако оказалось, что женщины его совершенно не интересуют. Это и решило дело. Мы заключили соглашение. Каждый месяц он останавливался в моей квартире на один день, иногда жил чуть дольше. И каждый раз он привозил мне месячный запас таблеток. С тех пор, как он исчез, я не принимала таблеток. На черном рынке они слишком дорогие, я уже это говорила, и в результате я работаю все хуже и медленнее. Поэтому мне жаль, что они убили его.

Монссон протянул вперед руку и выключил магнитофон.

— Так, — пробурчал он. — Это все.

— Черт возьми, что это все значит? — произнес Колльберг. — Похоже на радиопьесу.

— Исключительно искусный допрос, — сказал Хаммар. — Как тебе удалось так разговорить ее?

— Ну, это не составило труда, — скромно заявил Монссон.

— Я бы хотел кое о чем спросить, — сказал Меландер, указывая черенком трубки на магнитофон. — Почему эта женщина сама не обратилась в полицию?

— У нее документы не совсем в порядке, — сказал Монссон. — Ничего серьезного. Датчан это не волнует. К тому же ей действительно наплевать на Олафсона.

— Блестящий допрос, — повторил Хаммар.

— Это всего лишь резюме, — заметил Монссон.

— А этой женщине можно доверять? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Абсолютно, — ответил Монссон. — Главное…

Он замолчал и подождал, пока остальные не сделали то же самое.

— Главное, можно считать доказанным, что Олафсон вышел из квартиры Над… в Копенгагене в три часа дня, в среду, седьмого февраля. Он должен был с кем-то встретиться. И этот неизвестный переправился вместе с ним через Эресунн, вероятно, под предлогом встречи с Мальмом, убил его, засунул труп в старый автомобиль и столкнул в воду.

— Да, — сказал Мартин Бек. — В таком случае возникает вопрос, как Олафсон попал в Индустрихаммен.

— Вот именно. Теперь мы знаем, что «префект» не мог ездить самостоятельно, а мотор не заводили много лет. Кроме того, люди видели, что он стоял там несколько дней, но поскольку в порту много ржавых автомобилей, никто не обратил на него особого внимания. Этой развалине было там самое место.

— Кто же это сделал?

— Думаю, нам более или менее известно, кто это сделал, — произнес Монссон. — Труднее сказать, кто поставил туда автомобиль. Это спокойно мог сделать Мальм. Ведь он в это время был в Мальмё, и с ним вполне могли связаться по телефону.

— Ну, ладно, а как Олафсон попал в порт? — с озабоченным видом поинтересовался Хаммар.

— На автомобиле, — словно разговаривая сам с собой, ответил Мартин Бек.

— Вот именно, — сказал Монссон. — Если он встретился с человеком, который потом убил его, в Копенгагене, это означает, что они вместе приехали из Копенгагена в Мальмё, а пролив можно пересечь на лодке, если, конечно, вы псих, или на пароме.

— Или по воздуху, — сказал Колльберг.

— Да, но это маловероятно. Поскольку перевезти труп на пароме почти невозможно, Олафсон во время переправы, очевидно, был жив. Кроме того, они должны были

переправиться на автомобильном пароме, так как в распоряжении человека, который убил Олафсона, был собственный автомобиль, и из Копенгагена этот человек выехал на нем.

— Нет, чего-то я здесь не понимаю, — сказал Гюнвальд Ларссон. — С чего ты взял, что у него был свой автомобиль?

— Подожди немножко, — ответил Монссон. — Я сейчас попытаюсь объяснить. Тут все совершенно ясно. Оба, Олафсон и человек, который его убил, выехали из Копенгагена в Мальмё вечером седьмого февраля. Сейчас я попытаюсь рассказать вам, как мне удалось это установить.

— А как тебе удалось это установить? — спросил Гюнвальд Ларссон.

Монссон с усталым видом посмотрел на него и сказал:

— Если он не убивал Олафсона в Копенгагене или на пароме, то должен был сделать это в Мальмё. Но где именно? Очевидно, в Индустрихаммен. Как же он туда добрался? На автомобиле, потому что других способов попасть туда нет. На каком автомобиле? Ну, естественно, на том, на котором он приехал из Дании. Почему? Да потому, что он был не настолько глуп, чтобы оставлять после себя следы и брать такси или автомобиль напрокат в Мальмё. Ведь это мы смогли бы легко установить.

Спокойствие было восстановлено. Все молча глядели на Монссона. Он продолжал, но уже не так быстро:

— Я проделал следующее. Во-первых, поручил двум моим сотрудникам проверить паромы, которые прибыли днем и вечером седьмого февраля. Один из стюардов на железнодорожном пароме «Мальмёхус» действительно опознал Олафсона по фотографии и, кроме того, достаточно подробно описал человека, который был вместе с Олафсоном. Потом мои ребята нашли еще двух свидетелей, другого стюарда и матроса, отвечавшего за размещение автомобилей и железнодорожных вагонов на палубе парома. Стало быть, нам абсолютно точно известно, что Олафсон выехал из Копенгагена в Мальмё на железнодорожном пароме вечером, седьмого февраля этого года. В последний рейс паром отправляется из Копенгагена в без четверти десять и прибывает в Мальмё в четверть двенадцатого. Такое расписание действует ежедневно на протяжении многих лет. Кроме того, вам известно, что Олафсон был вместе с человеком, описание которого вы вскоре услышите.

Монссон неторопливо сменил зубочистку Он посмотрел на Гюнвальда Ларссона и сказал:

— Нам также известно, что они ехали в первом классе, сидели в салоне для курящих, пили пиво и съели два бутерброда с ветчиной и сыром, что совпадает с содержимым желудка Олафсона.

— Наверняка именно от этого он и умер, — пробормотал Колльберг. — Оттого, что съел бутерброды, которые подают на шведских железнодорожных паромах.

Хаммар бросил на него убийственный взгляд.

— Нам даже известно, за каким столиком они сидели. Более того, мы знаем, что у них был «форд-таунус» с датским номером. В дальнейшем удалось уточнить марку автомобиля и установить, что он был светло-синего цвета.

— Каким образом… — начал Мартин Бек и тут же осекся. — Автомобиль, конечно, был взят напрокат, — сказал он.

— Естественно. Человек, который был с Олафсоном, вовсе не собирался приезжать Бог знает откуда в Копенгаген на автомобиле. Понятно, что он прилетел на самолете и в Каструпе взял напрокат машину; в прокатной фирме он сообщил, что его фамилия Краван, и предъявил французские права и французский паспорт. Автомобиль он вернул восьмого и очень их благодарил. Потом он улетел. Куда и под каким именем, нам неизвестно. Однако, думаю, я знаю, где он останавливался, а именно, в захудалой маленькой гостинице в

Ньюхавне. Здесь он предъявил ливанский паспорт и сообщил, что его фамилия Риффи. Я не совсем уверен, тот ли это человек, но в любом случае человек с такой фамилией находился там с шестого по восьмое. Люди в Ньюхавне недолюбливают полицию.

— И отсюда следует вывод, — сказал Мартин Бек, — что этот человек прибыл в Копенгаген, чтобы убрать Олафсона. Они встретились седьмого, вечером приехали в Мальмё и… ты говорил, что установил еще кое-что, да?

— Да, установил, — медленно произнес Монссон. — Я еще раз осмотрел автомобиль, я имею в виду «префект», чтобы выяснить, каким образом он оказался в воде. Сами знаете, дело облегчается, когда известно что нужно искать.

— Что? — спросил Меландер.

— Вмятины. Только что я упоминал о том, что «префект» не мог ездить самостоятельно. Как же, в таком случае, он оказался в воде? Ну так вот. Рычаг переключения скоростей поставили в нейтральное положение, а потом столкнули его в воду другим автомобилем, с разгона. Иначе он не оказался бы так далеко от причала. Его ударили сзади, бампером в бампер. Там есть вмятины. Они совпадают с вмятинами на другом автомобиле.

— А каким образом «префект» попал в тот чертов порт, как он там называется? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Очевидно, его привезли туда на буксире. С какой-нибудь свалки. Лично я думаю, что это сделал Мальм. Он приехал в Мальмё четвертого февраля и остановился в своем обычном месте, в западной части города.

— Однако в таком случае Мальм с таким же успехом мог… — начал Хаммар и тут же замолчал.

— Нет, — заметил Монссон. — У Мальма чувство самосохранения было развито сильнее, чем у Олафсона. Седьмого утром он поспешно сбежал из Мальмё сюда, в Стокгольм. Это уже доказано. Я полагаю, что Мальму приказали доставить в определенное место автомобиль, владельца которого нельзя будет установить. Приказ он получил по телефону из Мальмё от Кравана или Риффи. Мальм выполнил приказание, но в то же время понял, что они зашли слишком далеко и игра закончена. Кстати, кто-то плохо говорящий по-шведски разыскивал Мальма по телефону седьмого днем. Портье в гостинице сказал, что он вышел. Хотите послушать описание? Я записал его на пленку, чтобы ничего не забыть.

Он сменил кассету и включил магнитофон.

— Краван, или Риффи, выглядит на тридцать пять-сорок лет. Рост не меньше ста семидесяти сантиметров и не больше ста семидесяти пяти. Весит больше, чем положено для его роста, поскольку он коренастый и плотный, но не толстый. Волосы и брови черные, глаза карие. Зубы белые, хорошие. Лоб довольно низкий, линия волос и брови параллельны. Нос крючковатый, вероятно, имеется шрам или царапина на одной ноздре, которая, возможно, уже зажила. Имеет привычку трогать пальцами место, где находится шрам или царапина. Одевается строго и аккуратно: костюм, черные туфли, белая рубашка, галстук. Хорошо воспитан, вежлив. Голос низкий, разговаривает по меньшей мере на трех языках: французском, который, по всей видимости, его родной язык; английском, очень хорошо, но с французским акцентом, и шведском, достаточно хорошо, но тоже с акцентом.

Кассета закончилась.

— Угу, — невозмутимо сказал Монссон. — Вам это о чем-нибудь говорит?

Они уставились на него, словно увидели привидение.

— Ладно, — сказал Монссон. — У меня пока все. Вы заказали мне номер в гостинице? О Боже, ну и жара. Извините, я на минутку.

Он вышел в коридор.

Рённ встал и последовал за ним. Бóльшую часть времени он сидел и размышлял вовсе не об Олафсоне и его сообщниках, а о том, что Монссон специалист по части домашних обысков. Он догнал Монссона и предложил:

— Слушай, Пер, приходи вечером к нам ужинать.

— Спасибо, — сказал Монссон. — Обязательно приду.

Казалось, он обрадовался и вместе с тем удивился.

— Отлично, — сказал Рённ.

Прошло уже больше трех месяцев с тех пор, как исчезла пожарная машина, подаренная Матсу в его четвертый день рождения, и хотя малыш почти забыл о ней, Рённ непрерывно размышлял над тем, как она могла бесследно исчезнуть. Он снова и снова принимался ее искать, но в квартире уже не оставалось ни одного квадратного сантиметра, который бы он не обшарил.

Когда Рённ в пятнадцатый раз поднял крышку сливного бачка в туалете, он вспомнил, что однажды сказал Монссон. Около шести месяцев назад пропала важная страница из отчета и Мартин Бек поинтересовался, нет ли среди них специалистов по поискам. Монссон, который тогда приехал из Сконе, чтобы принять участие в расследовании убийства в автобусе, ответил: «Я специалист. Если что-то потерялось, скажите мне, и я обязательно это найду». И действительно, он нашел пропавшую страницу.

Таким образом, благодаря этому своему достоинству Монссон получил возможность в полной мере оценить кулинарные таланты Унды вместо того, чтобы мрачно, в одиночестве ужинать в какой-нибудь дешевой забегаловке. Монссон был порядочным обжорой, но вместе с тем очень привередлив и умел получать наслаждение от хорошо приготовленной пищи.

Он с удовольствием съел несколько покрытых хрустящей корочкой ломтиков оленины, поджаренных с яичницей-болтуньей, такой же пышной, как и та, которую он обычно сам себе готовил, а когда на столе появилось блюдо с золотисто-коричневым рябчиком, наклонился вперед и жадно вдохнул аппетитный аромат.

— Это просто чудо, — сказал он. — Где вам удалось раздобыть такую замечательную вещь в это время года?

— У моего брата, который живет в Каресуандо, — ответила Унда. — Он ходит на охоту. Кстати, оленя нам прислал тоже он.

Рённ передал Монссону вазочку с желе из морошки и сказал:

— У нас в холодильнике лежит целый олень. С прошлой осени.

— Надеюсь, без рогов и копыт, — сказал Монссон, и Матс, которому разрешили сидеть за столом, громко засмеялся:

— Ха-ха! Рога нельзя есть. Их надо отрубить.

Монссон взъерошил малышу волосы и сказал:

— Ты умный мальчик. Кем ты собираешься стать, когда вырастешь?

— Пожарным, — ответил малыш.

Он спрыгнул со стула и гудя, как пожарная машина, исчез за дверью.

Рённ воспользовался возможностью и рассказал Монссону об исчезнувшей пожарной машине.

— А под оленем ты искал? — спросил Монссон.

— Я везде искал. Она бесследно исчезла.

Монссон вытер губы и сказал:

— Этого не может быть. Мы обязательно ее найдем.

Расправившись с едой, они перебрались из кухни в гостиную. Унда сварила кофе, а Рённ достал из бара бутылку коньяка.

Матс в пижаме лежал на полу перед телевизором и с интересом наблюдал за группкой торжественно восседающих на полукруглом диванчике людей, которые о чем-то спорили. Молодой человек с важным выражением лица сказал: «Я считаю, что следует запретить или всячески затруднить разводы тем супружеским парам, у которых есть дети, поскольку такие дети окажутся в большей опасности, чем остальные, и легче смогут попасть под влияние алкоголя и наркотиков…» и превратился в светящуюся точку, потому что Рённ выключил телевизор.

— Чушь собачья, — сказал Монссон. — Возьмите, например, меня. Я не видел моего отца сорок лет. После того, как мне исполнился год, мать воспитывала меня одна и со мной ничего не приключилось. Я хотел сказать, ничего серьезного.

— Ты что, разыскал своего отца через столько лет? — спросил Рённ.

— О Боже, нет. — ответил Монссон. — Зачем? Нет, мы встретились случайно в винном магазине на Давидсхалсторг. Я в то время был сержантом.

— Как это было? — спросил Рённ. — Что ты при этом почувствовал?

— Ничего особенного. Я стоял в очереди, а в соседней очереди был он, седой, почти такого же роста, как я. Он подошел ко мне и сказал: «Добрый день. Я ваш отец. Я много раз хотел заговорить с вами, когда видел вас в городе, но как-то не решался».. Потом он сказал: «Я слышал, что ваши дела идут неплохо».

— И что же ты ответил?

— Я совершенно не знал, что ему сказать. Ну, тогда старик протянул свою руку и сказал: «Йёнсон». «Монссон», — произнес я, и мы обменялись рукопожатием.

— Ты виделся с ним после этого? — спросил Рённ.

— Да, мы иногда случайно сталкивались, и он всегда вежливо со мной здоровался.

Вошла Унда и унесла Матса, который заснул у Рённа на коленях. Через минуту она вернулась и сказала:

— Он хочет, чтобы ты пожелал ему спокойной ночи.

Когда они вошли в комнату, малыш уже спал. Перед тем, как на цыпочках удалиться и закрыть за собой дверь, Монссон окинул комнату опытным взглядом специалиста.

— Надеюсь, здесь ты искал? — спросил он.

— Искал, — ответил Рённ. — Я перевернул всю комнату вверх дном. Другие комнаты я тоже перерыл. Но ты можешь еще раз обыскать квартиру. Может быть, я что-нибудь упустил.

Он ничего не упустил. Они вместе обшарили всю квартиру, которую Рённ уже успел несколько раз обыскать, и Монссону, естественно, ничего не удалось найти. Они вернулись к кофе, коньяку и Унде.

— Разве это не странно? — спросила она. — Ведь машина была довольно большая.

— Сантиметров тридцать в длину, — подтвердил Рённ.

— Ты говорил, что после того, как ему ее подарили, он несколько дней не выходил на улицу, — сказал Монссон. — Он не мог выбросить ее в окно?

— Нет, — ответила Унда. — У нас есть специальные цепочки на окнах, так что он не может открыть их самостоятельно. Кроме того, мы никогда не открываем окна настежь, когда Матс крутится поблизости.

— Даже если мы открываем окна, цепочки слишком короткие, чтобы в образовавшийся узкий зазор можно было выбросить такую большую машину.

Монссон покрутил бокал с коньяком между ладонями и сказал:

— А мусорное ведро? Он мог положить ее туда?

Унда покачала головой.

— Нет, в шкафчике, где оно стоит, мы держим моющие средства, и там на двери есть задвижка, которую он не умеет открывать.

— Угу, — буркнул Монссон, задумчиво потягивая коньяк. — У вас есть кладовка на чердаке? — спросил он.

— Нет, в подвале, — ответил Рённ. — Ты выносила туда что-нибудь после того, как пропала пожарная машина?

Рённ посмотрел на жену, она покачала головой.

— Я тоже, — сказал Рённ.

— А вообще из квартиры что-нибудь выносили? Может быть, что-то отправляли в ремонт или сдавали белье в стирку? Ее могли вынести вместе с грязным бельем.

— Я все стираю сама, — сказала Унда. — У нас в подвале есть прачечная.

— А его друзья не могли взять ее с собой?

— Нет, у него долго была простуда и к нему никто не приходил в гости, — ответила Унда.

Они немного помолчали.

— А еще кто-нибудь, кто бывает здесь, не мог взять ее с собой? — спросил Монссон.

— Пару раз ко мне заходили подруги, — ответила Унда. — Но они не воруют игрушки. К тому же, это было после того, как мы обнаружили, что она исчезла.

Рённ угрюмо кивнул.

— Я чувствую себя так, словно я на допросе в полиции, — смеясь сказала Унда.

— Погоди, сейчас он вытащит дубинку и устроит тебе допрос третьей степени, — пошутил Рённ.

— Вспомните, — сказал Монссон, — кто-нибудь еще заходил сюда? Например, электрик, водопроводчик?

— Нет, — ответил Рённ. — Насколько мне известно, нет. Ты полагаешь, что кто-то мог ее украсть?

— Почему бы и нет? — сказал Монссон. — Люди воруют самые неожиданные предметы. У нас в Мальмё был парень, который ходил по квартирам, представляясь агентом компании по истреблению насекомых «Антисимекс», а когда мы его задержали, у него дома оказалось сто тридцать пар женских трусиков. Ничего другого он не крал. Но я все же думаю, что пожарную машину кто-то унес по ошибке.

— Вспомни, Унда, — сказал Рённ. — Ведь ты днем всегда дома.

— Да, но я не помню, чтобы к нам кто-то заходил. Разве что стекольщик, но по-моему, это было намного раньше, да?

— Да, — подтвердил Рённ. — В феврале.

— Да, — сказала Унда.

Она задумчиво прикусила сустав указательного пальца.

— Я вспомнила. Приходил смотритель, чтобы выпустить воздух из радиаторов. Это было через несколько дней после дня рождения Матса. Я в этом уверена.

— Выпустить воздух из радиаторов? — спросил Рённ. — Я об этом не знал.

— Наверное, я забыла тебе сказать, — ответила Унда.

— Он пришел с инструментами? — спросил Монссон. — Он должен был захватить с собой гаечный ключ. Не помнишь, он принес с собой ящик с инструментами?

— Кажется, принес, — ответила Унда. — Хотя я в этом не уверена.

— Он живет здесь?

— Да, на первом этаже. Его фамилия Свенсон.

Монссон поставил бокал с коньяком на столик и встал.

— Пойдем, Эйнар, — сказал он. — Давай сходим в гости к вашему смотрителю.

Свенсон был низкорослым жилистым мужчиной лет шестидесяти. Он был в хорошо выглаженных темных брюках и ослепительно белой рубашке с поддернутыми резинкой рукавами.

Монссон уже заметил ящик с инструментами, стоящий на полке для обуви в прихожей, когда смотритель сказал:

— Добрый вечер, герр Рённ. Я могу быть вам чем-нибудь полезен?

Рённ не знал, с чего начать, но Монссон показал на ящик с инструментами и спросил:

— Это ваш ящик, герр Свенсон?

— Да, — удивленно ответил Свенсон.

— Вы давно им пользовались?

— Ну, я не помню. Довольно давно. Я несколько недель лежал в больнице, и в это время за домом присматривал Берг из одиннадцатого номера. Могу я спросить, почему это вас интересует?

— Вы позволите заглянуть в ящик?

— Пожалуйста, — сказал Свенсон. — Но я не понимаю…

Монссон открыл ящик, и Рённ увидел, как смотритель вытягивает шею и с нескрываемым изумленном заглядывает внутрь. Рённ подошел поближе и увидел, что среди молотков, отверток и гаечных ключей лежит сверкающая красная пожарная машина.

Спустя несколько дней, во вторник тридцатого июля, Мартин Бек и Колъберг сидели в Вестберге и, прихлебывая кофе, обсуждали результаты расследования.

— Монссон уже уехал домой? — спросил Мартин Бек.

— Да, в субботу. По-моему, он невысокого мнения о Стокгольме.

— Думаю, он успел насмотреться здесь всякого еще прошлой зимой, после убийства в автобусе.

— Он прекрасно поработал, — сказал Колльберг. — Не ожидал подобного от такого флегматика. И все же любопытно…

— Что?

Колльберг покачал головой.

— Что-то тут не то, с тем допросом. Ну, сам знаешь, женщины…

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю. Ну да ладно, по-видимому, теперь все ясно. Олафсон, Мальм и Карлсон, который подделывал документы, решили отделиться и открыть свое собственное дело…

— Кстати, о Карлсоне. Мы сделали обыск в страховой компании, где он работал, и нашли там поддельные печати, бланки и так далее, — сказал Мартин Бек. — Он держал все это в своем шкафчике, а его начальник даже ни о чем не догадывался. Если захочешь взглянуть, все это теперь на Кунгсхольмсгатан.

— Он совсем неплохо подделывал документы, — произнес Колльберг. — Итак, эти трое слишком много знали и поэтому к ним прислали Ласаля — Риффи — Кравана или как его там зовут.

— Давай назовем его Как-его-там-зовут.

— Да, Как-его-там-зовут это неплохо. Он приехал в Копенгаген, потом в Мальмё и убил Олафсона. Мальм испугался и удрал. Позднее Мальма задержала полиция и…

— Да, — сказал Мартин Бек. — И он, и Сигге Карлсон знали или догадывались о том, что произошло с Олафсоном. Они пришли в отчаяние, и в конце концов Мальм решил самостоятельно перегнать автомобиль за границу и продать его, чтобы выручать хотя бы немного денег. И он сразу же попался.

— Когда его отпустили, дела у них вовсе не улучшились. Он и Сигге Карлсон все время жили в ожидании, что появится этот Как-его-там-зовут или кто-нибудь другой и прикончит их обоих. Если можно так выразиться, они уже жили в долг.

— И этот Как-его-там-зовут действительно появился. Он мог дать им знать о своем присутствии каким-нибудь способом, например, по телефону, либо они сами случайно заметили его, когда он проверял их адреса. Сигге Карлсон понял, что произойдет дальше, и застрелился, хотя вначале хотел позвонить тебе и во всем признаться, но это минутное желание быстро прошло.

Мартин Бек кивнул.

— Мальм оказался в почти безвыходном положении и хотя знал, что за ним следят, открыто, не таясь, пришел к Сигге Карлсону. Здесь он услышал, что Карлсон умер.

— Поэтому он на последние деньги выпил пива, пошел домой и открыл газ. Но до этого Как-его-там-зовут, который находился в городе и хотел побыстрее закончить свою работу, успел побывать у него в квартире и подложить свое веселенькое изобретение в кровать Мальма. На следующий день Как-его-там-зовут улетел на самолете в Неизвестно-куда. А мы остались с носом. Как копы в фильмах киностудии «Кистоун». Теперь, конечно, выглядит полнейшим идиотизмом, что куча народу, в том числе, ты, я, Рённ, Ларссон, целых пять месяцев бессмысленно искали человека, который умер за месяц до того, как мы начали розыск, и другого человека, чьего имени мы не знаем и который с самого начала был вне пределов нашей досягаемости.

— Возможно, он еще вернется, — задумчиво сказал Мартин Бек.

— Оптимист, — заметил Колльберг. — Он больше никогда здесь не появится.

— Гм, — хмыкнул Мартин Бек. — Я в этом так не уверен. Подумай об одном существенном обстоятельстве. У него есть важное положительное качество, которое позволяет ему здесь работать. Ведь он говорит по-шведски.

— Да. Где же, черт бы его побрал, он мог так хорошо выучить язык?

— Наверное, какое-то время работал я Швеции или был здесь во время войны как беженец. В любом случае он окажется чрезвычайно ценным, если «фирма» решит вновь открыть стокгольмский филиал. Кроме того, он даже не догадывается, что нам известно о его существовании. Вполне вероятно, что он снова может появиться здесь.

Колльберг наклонил голову в сторону и с сомнением посмотрел на Мартина Бека.

— А о другом ты думал? — спросил он. — Даже если он вернется и сам к нам придет, что мы сможем доказать? Ведь он имел полное право находиться в Сундбюберге.

— Да, в пожаре мы не сможем его обвинить, но против него имеется достаточно улик в Мальмё, в деле об убийстве Олафсона.

— Верно. Но об этом пусть голова болит не у нас. И вообще, он никогда сюда не вернется.

— Я все же в этом не убежден. Я попрошу Интерпол и французскую полицию сообщить нам, если он объявится.

— Твое дело, — зевая сказал Колльберг.

XXX

Прошел месяц. Леннарт Колльберг сидел в своем кабинете в Вестберге, размышляя над тем, куда могла запропаститься семнадцатилетняя девушка. Люди постоянно исчезают, особенно девушки, и главным образом летом. Почти все они появляются снова, некоторые ухитряются добраться до Непала, чтобы накуриться там опиума, другие позируют голыми для немецких порнографических журналов, чтобы заработать немного денег, а остальные отправляются с друзьями за город и просто-напросто забывают позвонить своим родителям. Однако эта девушка, по-видимому, действительно исчезла. Она улыбалась на фотографии, которая лежала перед ним, и он мрачно подумал о том, что ее, возможно, найдут не такой веселой на дне Ла-Манша или какого-нибудь озера в национальном парке в Накке.

Мартин Бек был в отпуске, а Скакке отсутствовал, хотя ему было велено находиться под рукой.

Шел дождь, освежающий летний дождь, он смывал пыль с листьев и весело барабанил по оконному стеклу.

Колльберг любил дождь, особенно такой освежающий дождь после невыносимой жары и с удовольствием смотрел на тяжелые серые тучи, в просветы между которыми пробивались дрожащие лучи солнца. Он думал о том, что скоро будет дома, не позднее половины шестого, хотя это тоже поздно, потому что сегодня суббота. И как назло в этот момент зазвонил телефон.

— Привет. Это Стрёмгрен.

— Привет, — буркнул Колльберг.

— Я получил какой-то телекс и ничего не могу в нем понять.

— Откуда?

— Из Парижа. Мне только что принесли перевод. Послушай. Разыскиваемый Ласаль летит из Брюсселя в Стокгольм. Дополнительный рейс SN X3. Время прибытия в Арланду восемнадцать часов пятнадцать минут. Паспорт марокканский, на имя Самира Мальгаха.

Колльберг ничего не сказал.

— Телекс предназначен Мартину Беку, но он в отпуске. Я ничего не могу понять. А ты что-нибудь понял?

— Да, — ответил Колльберг. — К сожалению, понял. Сколько у нас сейчас людей?

— Здесь? Практически ни одного. Кроме меня. Может, позвонить в участок округа Мерста?

— Не суетись, — устало сказал Колльберг. — Я беру это дело на себя. Так ты говоришь, в четверть седьмого?

— Восемнадцать часов пятнадцать минут. Так здесь написано.

Колльберг взглянул на часы. Начало пятого. Времени вполне достаточно.

Он нажал рычаг телефона и набрал свой домашний номер.

— Похоже на то, что мне придется съездить в Арланду.

— Вот черт, — сказала Гюн.

— Совершенно с тобой согласен.

— Когда ты вернешься?

— Надеюсь, не позднее восьми.

— Поторопись.

— Будь целомудренной в мое отсутствие. Пока.

— Леннарт?

— Что?

— Я люблю тебя. Пока.

Она быстро положила трубку, и он не успел ничего сказать. Он улыбнулся, встал, вышел в коридор и закричал:

— Скакке!

Ответом ему был лишь шум дождя, однако теперь этот шум как-то его не радовал.

Ему пришлось обойти практически весь этаж, прежде чем удалось обнаружить единственного полицейского.

— Где болтается этот Скакке, черт бы его побрал?

— Он играет в футбол.

— Что? В футбол? При исполнении служебных обязанностей?

— Он сказал, что это очень важный матч и что он вернется до половины шестого.

— В какой команде он играет?

— В команде полиции.

— Где?

— На стадионе «Цинкенсдамм». Кстати, он заступает на дежурство только в половине шестого.

Это была правда, но легче от этого не становилось. Колльберга вовсе не привлекала перспектива ехать в Арланду одному, и он на всякий случай хотел взять с собой Скакке, чтобы тот подстраховал, когда Колльберг будет обмениваться рукопожатием с Как-его-там-зовут. Если, конечно, до этого вообще дойдет дело. Он надел плащ, сел в машину и поехал на стадион.

Афиши у стадиона сообщали зелеными буквами на белом фоне: СУББОТА 15.00 СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ПОЛИЦИИ — СПОРТИВНЫЙ КЛУБ РЕЙМЕРХОЛЬМ. Над Хёгалидской кирхой изогнулась сверкающая радуга, и над зеленым газоном стадиона теперь моросил лишь мелкий дождичек. По раскисшему полю бегали двадцать два промокших игрока, а вокруг него собралось около сотни зрителей, которые, судя по всему, явно скучали.

Колльберг совершенно не интересовался спортом. Он мельком взглянул на поле и направился в дальний конец, где увидел полицейского в штатском, который, нервно потирая ладони, одиноко стоял у бровки.

— Вы, кажется, тренер или как там это у вас называется?

Мужчина кивнул, не отрывая взгляда от мяча.

— Немедленно замените вон того игрока в оранжевой футболке, который сейчас ведет мяч.

— Это невозможно. Мы уже сделали все замены. Об этом даже не может быть и речи. К тому же, остается всего десять минут.

— Какой счет?

— Три-два в пользу полиции. Если мы выиграем этот матч то…

— Ну?

— Мы тогда сможем подняться в… нет… ох, слава Богу… в третью лигу.

Десять минут ничего не решают, к тому же мужчина гак мучился, что Колльберг решил не прибавлять ему страданий.

— За десять минут ничего не случится, — весело заметил он.

— За десять минут может случиться многое, — пессимистически сказал мужчина.

Он оказался прав. Команда в зеленых футболках и белых трусах забила два мяча и выиграла, сорвав редкие аплодисменты у пьяниц, которые, по-видимому, составляли большинство зрителей. В конце игры Скакке сделали подножку и он плюхнулся в грязную лужу.

Когда Колльберг подошел к нему. Скакке, с ног до головы облепленный грязью, дышал, как старый паровоз, преодолевающий подъем.

— Поторопись, — сказал Колльберг. — Этот Как-его-там-зовут прилетает в Арманду в шесть пятнадцать. Нам надо его встретить.

Скакке с быстротой молнии исчез в раздевалке.

Через четверть часа он уже сидел в машине рядом с Колльбергом, чистый и тщательно причесанный.

— Ну и дурацкое занятие, — заявил Колльберг. — Бегать и бить по мячу.

— Публика была против нас, — сказал Скакке. — А «Реймерсы» одна из лучших команд лиги. Что мы будем делать с Ласалем?

— Думаю, мы с ним побеседуем. Считаю, что наши шансы задержать его минимальны. Если мы заберем его с собой, он наверняка устроит ужасный скандал, вмешается министерства иностранных дел и в конце концов нам придется; просить у него прощения и горячо благодарить. Он может выдать себя только в том случае, если нам удастся привести его в замешательство. Но, боюсь, он слишком умен для этого. Конечно, если вообще это он.

— Он очень опасен, да? — спросил Скакке.

— Да, говорят, опасен, но нам он вряд ли смажет что-нибудь сделать.

— А может быть лучше проследить за ним и посмотреть, что он собирается делать? Вы об этом думали?

— Я об этом думал, — сказал Колльберг, — но, полагаю, мой способ лучше. Есть небольшой шанс, что он ошибется. Если ничего не получатся, то, по крайней мере, возможна, удастся его напугать.

Он немного помолчал, потом сказал:

— Он умный и безжалостный, но, может быть, не слишком сообразительный. В этом и заключается наш шанс, — и после паузы язвительно добавил: — Конечно, большинство полицейских тоже не слишком сообразительны, так что в этом отношении счет равный.

Движение на северном шоссе было не очень оживленным, но времени у них хватало, и Колльберг ехал о невысокой скоростью. Скакке беспокойно ерзал. Колльберг подозрительно взглянул на него и спросил:

— Ты что, нервничаешь?

— Мне мешает эта кобура под мышкой.

— Ты что же, носишь пистолет с собой?

— Конечно.

— Даже когда играешь в футбол?

— На время матча я, конечно, прячу его под замок.

— Дуралей, — сказал Колльберг.

Сам он ходил без оружия и, сколько себя помнил, всегда так делал. Он относился к тем, кто считал, что всех полицейских следует полностью разоружить.

— У Гюнвальда Ларссона есть специальная кобура, которая прикрепляется к брючному ремню. Интересно, где он ее достал?

— Герр Ларссон постоянно носит при себе никелированный «Смит-энд-Вессон-44-Магнум» со стволом длиннее двадцати сантиметров и серебряной именной табличкой.

— А разве такие штуки существуют?

— Конечно. Он стоит больше тысячи крон и весит около полутора килограммов.

Они какое-то время ехали в молчании. Скакке сидел в напряженной позе и непрерывно облизывал губы. Колльберг толкнул его локтем в бок и сказал:

— Успокойся, парень. Ничего особенного не произойдет. Описание, надеюсь, ты помнишь.

Скакке нерешительно кивнул и всю оставшуюся часть дороги сидел с виноватым видом, что-то бормоча себе под нос.

«Каравелла» авиакомпании «Сабена» совершила посадку с опозданием на десять минут. За это время Колльбергу так надоела Арланда и его достойный коллега, что от частых зевков он едва не вывихнул себе челюсть.

Они стояли по обе стороны стеклянной двери, глядя, как автобус с пассажирами приближается к зданию аэропорта. Колльберг расположился сразу за дверью, а Скакке находился в пяти метрах позади него и сбоку. Это была обычная схема с подстраховкой, которая не подлежала обсуждению.

Пассажиры высыпали из автобуса и вразброд направились к выходу.

Колльберг присвистнул, увидев, кто прибыл этим дополнительным рейсом. Первым шел коренастый, темноволосый мужчина, одетый в строгий темный костюм, снежно-белую рубашку и начищенные до зеркального блеска черные туфли.

Это был известный русский дипломат. Колльберг вспомнил, что пять лет назад этот дипломат был в Швеции с государственным визитом, и знал, что теперь он занимает один из ключевых постов то ли в Париже, то ли в Женеве. В двух шагах позади него шла его очаровательная жена, а в четырех метрах за ней — Самир Мальгах, или Ласаль, или Как-его-там-зовут. На нем была фетровая шляпа и синий чесучовый костюм.

Колльберг пропустил мимо себя русского и бросил невольный взгляд на его жену, которая действительно выглядела очень привлекательно и была похожа одновременно на Татьяну Самойлову, Жюльетт Греко и Гюн Колльберг.

Этот взгляд был самой роковой ошибкой, которую Колльберг совершил в своей жизни.

Потому что Скакке неправильно его истолковал.

Колльберг тут же перевел взгляд на пресловутого ливанца или кем он там был, приподнял правой рукой шляпу, сделал шаг вперед и сказал:

— Excusez moi, Monsieur Malghagh…[14]

Мужчина остановился, вопросительно улыбнулся, продемонстрировав белые зубы, и тоже приподнял правой рукой шляпу.

В этот момент Колльберг уголком глаза увидел, что за спиной у него и чуть сбоку произошло нечто непредвиденное.

Скакке шагнул вперед и преградил дорогу выдающемуся дипломату. Русский привычным жестом поднял правую руку и отодвинул его в сторону, приняв Скакке за назойливого репортера, который собирается приставать с вопросами относительно кризиса в Чехословакии или чего-то подобного. Скакке отпрыгнул назад, сунул правую руку под пиджак и выхватил оттуда свой «Вальтер» калибра 7,65.

Колльберг повернул голову и крикнул:

— Скакке, прекрати!

В тот миг, когда Мальгах увидел пистолет, лицо его стало напряженным, а в карих глазах на какую-то долю секунды промелькнуло выражение изумления и страха. Потом у него

в руке оказался нож, который он, должно быть, прятал, в рукаве, подумал Колльберг, остро отточенное ужасное оружие с лезвием не меньше двадцати сантиметров в длину и шириной не более трех сантиметров.

Колльберг мог полагаться только на свою тренированность и быстроту реакции, он мгновенно просчитал, что если мужчина попытается перерезать ему горло, он успеет поднять левую руку и парировать удар. Однако мужчина легко и быстро развернулся и пырнул Колльберга снизу вверх. Колльберг, который не успел занять правильную позицию, почувствовал, как лезвие вошло в живот слева, чуть ниже ребер. Люди говорят, как горячий нож в масла, подумал Колльберг, так оно и есть. Он скрючился и зажал мышцами лезвие, полностью отдавая себе отчет в том, что делает и зачем. Он знал, что этим отнимет у противника несколько секунд. Сколько? Может быть, пять или шесть.

Скакке все еще стоял в крайнем замешательстве, но он уже нажал большим пальцем на предохранитель и начал поднимать пистолет.

Мальгах, или Как-его-там-зовут, выдернул нож. Колльберг нагнул голову, чтобы защитить сонную артерию, нож вошел в него вторично, и в этот момент Скакке выстрелил.

Пуля попала Ласалю, или Как-его-там-зовут, в грудь, его отбросило назад и он, выронив из руки нож, упал на спину на мраморный пол.

Сцена была совершенно статичной. Скакке стоял с вытянутой вперед рукой, ствол его пистолета после выстрела все еще был направлен по диагонали вниз, мужчина в чесучовом костюме лежал на спине, раскинув руки; а между мужчиной и Скакке на боку лежал Колъберг, зажимая обеими руками рану с левой стороны живота. Все вокруг стояли неподвижно, никто не успел даже вскрикнуть.

Скакке, все еще с пистолетом в руке, подбежал к Колльбергу, встал на колени и срывающимся голосом спросил:

— Как вы?

— Плохо.

— Почему вы мне подмигнули? Я подумал…

— Ты едва не развязал третью мировую войну, — прошептал Колльберг.

И теперь, когда все закончилось, начались, как и положено, паника, крики, неразбериха и бестолковая беготня.

Однако для Колльберга еще не все закончилось. Он лежал в скорой помощи, которая, завывая, мчалась в больницу Мёрбю, и впервые почувствовал, что боится умереть. Он посмотрел на мужчину в чесучовом костюме, лежащего на соседних носилках в метре от нею. Мужчина повернул голову и смотрел на Колльберга глазами, застывшими от боли, ужаса и быстро приближающейся смерти. Он попытался поднять руку, очевидно, для того, чтобы перекреститься, но смог лишь едва заметно судорожно пошевелить пальцами.

«Ага, тебе придется умереть без последнего причастия, или как там это называется», — с богохульством подумал Колльберг.

Он был прав. Мужчина не дотянул даже до приемного покоя. Как только скорая помощь начала тормозить, его нижняя челюсть отвисла, изо рта у него хлынули кровь и рвота.

Колльберг все еще очень боялся умереть.

Перед тем как потерять сознание, он подумал:

— Это несправедливо. Меня никогда не интересовало это проклятое дело. И Гюн ждет…

— Он умрет? — спросил Скакке.

— Нет, — ответил врач. — Во всяком случае, не от этого. Но пройдет месяц или два, прежде чем он сможет вас поблагодарить.

— Поблагодарить?

Скакке покачал головой и подошел к телефону.

Он должен был срочно позвонить в несколько мест.

1

Генерал Георг Карл фон Дёбельн (1758—1820) в 1789 г. получил пулевое ранение в лоб и после трепанации черепа постоянно носил черную повязку па голове. Был одним из командующих финскими войсками во время русско-шведской войны 1808—1809 гг., в которой Швеция потерпела поражение и по мирному договору уступила Финляндию России.

2

так

3

«Катти Сарк» — британский «чайный» клипер, спущен на воду в 1869 г. В 1957 г. отреставрирован и установлен в сухом доке на берегу Темзы в Гринвиче в качестве морской реликвии и музея.

4

так

5

Шведские ученые-криминалисты. Х. Сёдерман в соавторстве с Дж. Коннеллом написал книгу «Современная криминалистика» (1935 г.), О. Вендель и А. Свенсон — составители справочника, посвященного методам осмотра места преступления (1949 г.). Читали лекции по криминалистике в высших учебных заведениях.

6

Сакс Ромер — псевдоним английского писателя Артура Серсфилда Уода (1883—1959), работавшего в жанре детектива.

7

Французская сыскная полиция.

8

Полиэфирное синтетическое волокно. Основные торговые названия: лавсан, терилен, дакрон, тетерон, элана, тергаль, тесил.

9

В 1967 г. в Греции произошел военный переворот.

10

так

11

День конституции Норвегии.

12

Шест, украшенный лентами и цветами.

13

Бинго — разновидность лото. Выигрывает тот, кто первым закроет все числа на своей карточке. Об этом игрок сигнализирует возгласом: «Бинго!».

14

Прошу прощения, мсье Мальгах *(фр.)*